Анатолий Шигапов

Превентивное правосудие для чайников

18+

Анатолий Шигапов

Превентивное правосудие для чайников

«Автор»
2026

Шигапов А.

Превентивное правосудие для чайников / А. Шигапов — «Автор», 2026

В мире, где закон живой организм, а чих на заседании - преступление, адвокат Марк Веллер и паразит Лазейка берутся за безнадёжное дело. Сатира на бюрократию, абсурд и торжество совести. Превентивное правосудие для чайников. Не чихайте!

© Шигапов А., 2026
© Автор, 2026

Анатолий Шигапов
Превентивное правосудие для чайников

Зарегистрировано в Канцелярии как «Текст, не подлежащий прочтению вслух без разрешения суда». Разрешение выдано задним числом.

Печать круглая, но немного кривая.

Эта книга не писалась. Она оформлялась.

Передо мной лежал чистый лист. Лист был живым и слегка подрагивал, как будто ждал, когда на нём начнут писать. Я взял перо. Перо было старым, с обмотанной изолентой ручкой, и писало ровно. Я вывел первое слово. Слово было «чих».

И тут началось.

Лист вздрогнул. Из ящика стола выполз юридический паразит. Она была маленькой, пушистой, с папкой вместо хвоста. Папка была раскрыта, и бумаги в ней шевелились.

- Ты уверен, что хочешь начать с этого? спросила она. Голос был скрипучим, как несмазанная дверь.

- С чего? не понял я.

- С чиха. Чих это рефлекс. Рефлекс не волеизъявление. Волеизъявление не действие. Ты уже нарушил три статьи, пока писал первое слово.

- Какие статьи?

- Статью 12-Г, статью 47-Б и статью 0-А. Последняя ещё не написана, но это не значит, что её нельзя нарушить. Нарушение даёт прецедент. Прецедент даёт новую статью. Новая статья даёт проблему.

Я отложил перо. Я посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на меня.

- Ты опять, сказал я.

Так началась эта книга. Не с идеи, не с плана, не с вдохновения. С юридической ошибки. С паразита, который появился из ниоткуда и заявил, что без него текст будет скучным, коротким и юридически безупречным. А это, согласитесь, было бы ужасно.

Я пытался писать дальше. Но каждый раз, когда я брал перо, лист вздрагивал, и на нём появлялись новые персонажи. Марк Веллер, адвокат с дипломом и долгом за обучение, потребовал гонорар. Дана с тремя сердцами сказала, что если я остановлюсь, она останется одна. Ортис, слепой судья, просто кивнул и сказал: «Ты всегда приходишь, когда проблема». Искмутант лёг под стол и начал скулить. Пришлось его кормить. Он ел мебель. Мебель была казённая. Казённая мебель даёт убыток. Убыток даёт проблему.

Проблема росла. Я писал главу за главой, а персонажи не уходили. Они жили в моём кабинете. Они спорили. Они судились. Они требовали продолжения. Паразит сидела на шкафу и комментировала каждое моё действие. «Здесь ты неправильно оформил процедуру», «Здесь ты забыл поставить печать», «Здесь ты использовал слово, которое нельзя читать вслух». Я исправлял. Я оформлял. Я ставил печати. Печати были круглыми, но немного кривыми. Кривая печать даёт ошибку. Ошибка даёт сюжет.

Я не знаю, как эта книга попала к вам. Скорее всего, её принёс голем. Големы разносят документы. Документы дают знание. Знание даёт ответственность. Ответственность даёт долг. Долг даёт... впрочем, вы уже поняли.

Читайте. Или не читайте. Юридически вы имеете право. Фактически вы уже прочитали первое слово. Слово было «чих». Нарушение зафиксировано. Если хотите понять эту книгу, то без бутылки тут не разберёшься. А без инструкции к бутылке - тем более. (Автор не рекламирует и не призывает к распитию напитков, мы как и все разумные, не рекомендуем и кате-

горически осуждаем. Мы вообще предлагаем разбираться в литературе трезво, но с запасом сарказма. Данное сообщение не является руководством к действию, кроме как к чтению).

С уважением,
Анатолий Шигапов

ПРЕДИСЛОВИЕ: МИР, В КОТОРОМ МЫ СУДИМСЯ

Из брошюры «Что нужно знать иммигранту», издание 48-е, дополненное, исправленное и снабжённое предупреждениями о статьях, которые нельзя читать вслух, даже шёпотом, даже про себя

Где мы находимся

Галактика Млечный Путь. Рукав Ориона. Третья планета от жёлтой звезды - та самая, которую ваши предки называли «домом», а мы называем «Землёй» только в официальных документах, потому что неофициально она давно уже называется «Архив-39».

В 2027 году здесь ещё спорили о том, можно ли считать искусственный интеллект субъектом права, и принимали законы, которые никто не читал. Спустя два века вопрос решился сам собой: субъектом права стало всё. Камни, облака, налоговые декларации, потерянные носки, мысли, случайно произнесённые вслух, и мысли, которые никто не произносил, но которые тем не менее были зафиксированы. Юридическая наука победила биологию, физику и здравый смысл и построила цивилизацию, которая держится не на силе и не на торговле, а на Кодексе.

Кодекс - это не книга. Это организм. Он растёт, меняется, иногда болеет. Его статьи живые: старые -мудрые и медлительные, новые - наглые и зубастые. Он пишет себя сам и никто не знает, по какому принципу. Одно известно точно: Кодекс не любит, когда его дочитывают до конца. На последней странице, мелким шрифтом, написано: «Настоящий Кодекс вступает в силу с момента, когда его дочитают до конца». Что это значит никто не проверял. Проверять страшно.

Как это случилось

История Конфедерации -это история трёх войн и одного очень скучного мирного договора.

Первая война (2090-2104) началась из-за спора о том, кому принадлежат орбитальные лифты. Закончилась тем, что обе стороны подписали соглашение, в котором не было ни одного понятного слова. Юристы, составлявшие его, получили Нобелевскую премию. Военные - ничего.

Вторая война (2130-2135) случилась, когда выяснилось, что подписанный договор противоречит сам себе. Чтобы понять, какая часть главнее, создали специальный суд. Суд работал двенадцать лет и постановил: главнее та часть, которая раньше. Но непонятно, какая раньше, потому что обе подписаны одновременно. Война возобновилась.

Третья война (2150-2152) была самой короткой и самой странной: обе стороны, измотанные бюрократией, согласились передать все споры Кодексу - своду законов, который к тому времени уже писал себя сам. Никто не знал, как это работает. Все надеялись, что это шутка. Это была не шутка.

С тех пор Конфедерация живёт по Кодексу. Формально - это союз разумных видов. Фактически - это союз разумных видов, которые судятся друг с другом, с Кодексом и с самими собой. Иногда - одновременно.

Где кто живёт

Земля -колыбель бюрократии. Главный офис Конфедерации, самый большой архив в галактике и единственный в своём роде Архив Гравитации - здание, которое притягивает к себе всё, что плохо лежит, включая стажёров. Земляне по-прежнему считают себя центром вселенной. Формально они правы: все документы стекаются сюда. Фактически - потому что лень лететь дальше.

Теллур - планета телепатов. Когда-то здесь жили люди, общавшиеся мыслями. Потом появились социальные сети. Потом - нейросети, читавшие мысли быстрее, чем люди успевали их додумать. Теперь теллурцы - самый вежливый вид в галактике: они не могут лгать, потому что все и так знают правду. Вместо лжи они используют юридические формулировки. Спросите теллурца, как дела, - он ответит: «В пределах, допустимых статьёй 12-Б, и с оговорками, предусмотренными приложением 4». И это будет правдой.

Форм - планета оборотней. Когда-то здесь жили существа, менявшие форму. Потом они открыли корпоративное право. Теперь формцы - лучшие юристы Конфедерации: они превращают любое утверждение в его противоположность, не нарушая ни одной нормы. Их называют «живыми оговорками». Они обижаются. Но юридически - не могут доказать, что это оскорбление.

Моллюск - планета судей. Здесь живут существа, которые мыслят медленно, но безошибочно. Их суды длятся десятилетиями. Их приговоры обжалуют веками. Их чернила используются как валюта. Моллюски не любят спешки: спешка - это нарушение процедуры. А нарушение процедуры - единственное, что моллюски ненавидят сильнее, чем адвокатов.

Глубина - планета паразитов. Здесь живут те, кого не видно, но без кого не работает ни один суд. Юридические паразиты питаются чужими ошибками. Они знают Кодекс лучше, чем сам Кодекс. Они помнят, как он писался. Они помнят, кто его писал. И они молчат - потому что информация тоже валюта.

Архив - не планета, а бывшее здание, выросшее до размеров планеты. Здесь живут законы. Не люди, не существа - сами нормы, обретшие плоть. Старые статьи Кодекса гуляют по коридорам, размножаются почкованием и иногда кусаются. В Архив не пускают адвокатов: «Адвокаты портят оригиналы руками».

Есть и другие места, но о них стараются не говорить. Например, Красная книга - хранилище устаревших норм, которое иногда просыпается и начинает есть тех, кто эти нормы использует. Или Нулевая статья - место, которого нет в реестре, но которое есть в каждом законе. Или Комната рождения - там статьи появляются на свет, и туда лучше не заходить без печати первого законодателя.

Кто мы такие

В Конфедерации живут сотни видов. Юридически все они делятся на три категории:

Субъекты - те, кто может подавать иски. Люди, моллюски, формцы, теллурцы, разумные растения с планеты Флора (судятся очень медленно, но очень красиво).

Объекты - те, против кого подают иски. Иски, завещания, налоговые декларации, потерянные носки, некоторые виды облаков (по статье 47-В облака признаны «перемещаемыми объектами с ограниченной ответственностью»).

Приложения - те, кто существует при ком-то. Юридические паразиты, домашние иски, карманные уставы. Приложения не имеют прав. Но имеют мнения. И иногда эти мнения меняют историю.

Отдельно стоят изъятые - те, кого аннулировали юридически, но не физически. Они живут в Процедурном приюте под Архивом, дышат процедурами и оформляют друг друга как приложения. Их не любят, но без них не работает бюрократия.

И големы - бюрократы из камня, металла или стекла. Они стоят на перекрёстках, проверяют документы и думают долго. Некоторые из них трескаются от перегрузки. Некоторые - от тоски.

Что такое Кодекс

Кодекс - не книга. Это организм. Он растёт, меняется, иногда болеет. Его статьи живые: старые - мудрые и медлительные, новые - наглые и зубастые. Он пишет себя сам - и никто не знает, по какому принципу.

Одно известно точно: Кодекс не любит, когда его дочитывают до конца. На последней странице, мелким шрифтом, написано: «Настоящий Кодекс вступает в силу с момента, когда его дочитают до конца». Что это значит - никто не проверял. Проверять страшно.

У Кодекса есть первая страница - источник совести и памяти первого законодателя. Есть нулевая статья - источник наказания и хаоса. Есть Красная книга - хранилище устаревших норм, которое иногда просыпается. И есть Канцелярия - рука Кодекса, которая создаёт статьи, подписывает указы и аннулирует имена.

Что такое иск

Иск - не бумага. Это сущность. Когда вы подаёте иск, он рождается: светящийся, голодный, с печатью вместо глаза. Он преследует ответчика, пока дело не закрыто. Кусается, если его игнорировать. Мурлычет, если его удовлетворяют. Живёт своей жизнью - и иногда подаёт в суд на своего создателя.

Иски бывают разных видов: обычные, мутанты, приложения, соистцы. Некоторые едят мебель. Некоторые едят документы. Некоторые едят ошибки. Но все они голодны, и все они хотят одного - чтобы их удовлетворили.

Что такое адвокат

Адвокат - человек (или существо), который умеет разговаривать с исками, успокаивать статьи и находить лазейки там, где их нет. Адвокатов не любят. Адвокатов боятся. Адвокатов нанимают - потому что без них ещё страшнее.

Адвокат может быть носителем права на истину. Это не должность и не звание. Это бремя. Носитель права на истину не может лгать в суде. Не может подделывать документы. Не может использовать возмездие. Но может читать Кодекс до конца. И это меняет всё.

Что такое Лазейка

Лазейка - юридический паразит. Существо, которое питается чужими ошибками. Живёт в кармане адвоката (по договору аренды, который обе стороны нарушают). Знает Кодекс лучше, чем сам Кодекс. Саркастична до неприличия. Труслива до героизма - в критический момент. Единственная, кто может разговаривать с исками на их языке.

Она не любит, когда её называют «паразитом». Предпочитает «приложением». Юридически - она права.

Опасности, о которых нужно знать

Не чихайте на заседании. Статья 39-К всё ещё действует. Формально - нет. Фактически - да. Юридически - как посмотреть.

Не читайте вслух статьи, которые нельзя читать вслух. Их список прилагается. Если вы всё-таки прочитали - немедленно обратитесь в ближайший суд. Суд признает вас потерпевшим. Или обвиняемым. Или свидетелем. Зависит от формулировки.

Не входите в арку, которой нет в плане здания. Она может быть дырой в пространстве. Или в законе. Или в вас.

Не кормите Красную книгу без разрешения Канцелярии. Она может привыкнуть. А привычка - это зависимость. А зависимость - это статья.

Не дочитывайте Кодекс до конца. Мы серьёзно. Даже если очень хочется. Особенно если очень хочется.

Добро пожаловать в Конфедерацию

Здесь всё судятся. Здесь всё имеет права. Здесь даже ошибки имеют право на апелляцию.

Если вы только что прибыли - не волнуйтесь. Вас тоже скоро привлекут. В качестве свидетеля. Или ответчика. Или приложения.

В любом случае - добро пожаловать. И не чихайте на заседании. Статья 39-К всё ещё действует. Формально - нет. Фактически - да. Юридически - как посмотреть.

Глава 1. «Кабинет размером со шкаф»

Кабинет Марка Веллера был спроектирован по принципу шкафа. Три шага в ширину, четыре в длину - если считать от двери до окна. Но окно выходило в вентиляционную шахту, и Марк давно перестал называть его окном. Окно было дырой. Дыра была источником света. Свет был серым, как несвежий суп, и пах так же. Впрочем, суп в этом городе пах по-разному: иногда надеждой, иногда отчаянием, но чаще всего - луком и просроченной морковью. Свет из дыры пах именно так.

Стол занимал половину кабинета. Вторую половину занимали бумаги, которые со стола свалились. Они лежали на полу, на стуле, на подоконнике. Одна особо наглая папка свисала с края стола, как язык уставшей собаки. Марк подпихивал её локтем, когда проходил мимо. Папка возвращалась. Они играли в эту игру уже полтора года, и папка всегда выигрывала. Иногда Марку казалось, что папка - единственное существо в кабинете, которое получает удовольствие от жизни. Она шелестела страницами, когда её толкали, и этот шелест был похож на смех. Бумажный, сухой, но всё-таки смех.

На стене висел диплом с отличием, в рамке из настоящего дерева. Дерево было единственным настоящим материалом в кабинете - всё остальное было либо крашеным гипсом, либо вообще нарисовано на гипсе. Марк иногда смотрел на диплом и думал, что это единственная настоящая вещь в его профессиональной жизни. Потом вспоминал, что диплом не принёс ему ничего, кроме долга за обучение, который он выплачивал до сих пор, и отворачивался. Долг был как паразит, только без папки вместо хвоста. Долг не ел ошибки клиентов. Долг ел самого Марка, по кусочку каждый месяц. Марк привык. Привычка - вторая натура, а натура у Марка была выносливая, как старый ботинок.

На стуле для клиентов сидел клерк Пелл. Пелл был невысоким человеком с большим носовым платком. Платок был мокрым. Глаза у Пелла были красными, как у кролика, который всю ночь читал жалостливую книгу. Он чихал жалобно, с подвизгом на конце, вздрагивал, извинялся, вытирал нос и чихал снова. Между чихами он успевал смотреть на Марка с такой надеждой, что Марку становилось не по себе. Надежда была не просто надеждой. Это была надежда человека, который уже потерял всё, но ещё не знает об этом. Марк знал. Марк всегда знал. Это была его работа - знать то, чего не знают клиенты, и потом объяснять им это за отдельную плату.

- Простите, - говорил Пелл. - Простите. Простите.

Марк кивал. За полтора года работы в этом кабинете он привык ко многому. К клиентам, которые плакали. К клиентам, которые кричали. К клиентам, которые приносили суп в качестве оплаты, а потом требовали вернуть суп, потому что передумали. Пелл был не худшим вариантом. Пелл, по крайней мере, не кричал. И суп не требовал вернуть. Пока. Впрочем, Марк знал, что «пока» - это самое опасное слово в юридической практике. «Пока» означает, что ситуация может измениться в любой момент, и обычно меняется в худшую сторону. «Пока» - это ловушка для оптимистов. Марк не был оптимистом. Он был адвокатом. Это разные вещи.

Марк открыл журнал. На обложке рукой арендодательницы было выведено: «Безнадёжные дела. Том 1. Начато полтора года назад. Закончено никогда». Арендодательница заходила раз в месяц, смотрела на журнал и спрашивала, опять ли безнадёжные. Марк кивал. Она вздыхала, говорила, что могло быть хуже, и уходила. Марк подозревал, что она говорила это не про дела, а про кабинет. Кабинет мог быть хуже. Кабинет мог быть меньше. Кабинет мог быть без окна. Впрочем, окна и так не было - была дыра. Но дыра всё-таки пропускала свет. Это было единственное преимущество дыры перед стеной. Стена не пропускала ничего. Стена была честнее. Дыра создавала иллюзию. Иллюзия - это то, что адвокаты продают клиентам. Марк продавал иллюзию уже полтора года. Бизнес шёл плохо. Иллюзия была некачественной.

- Расскажите ещё раз, сказал Марк. - С самого начала. Только медленно. И без платка, если можно.

Пелл высморкался. Платок издал звук, который Марк мысленно описал как юридический: в нём была жалоба, протест и надежда, что кто-то другой решит проблему. Пелл положил платок на колено, посмотрел на него с укором и начал. Платок лежал на колене и медленно намокал, как будто собирался с силами для следующего звука.

- Я работаю клерком в Третьем процедурном. Это отдел, который оформляет процедурные действия. Заявления, ходатайства, прошения, уведомления. Я оформляю. Я не принимаю решения. Я просто оформляю. Я сижу сбоку, пишу, ставлю печати, подшиваю бумаги. Я как мебель. Полезная мебель. Без меня заседание не имеет юридической силы, потому что протокол не оформлен. Но меня никто не замечает.

- Понимаю, сказал Марк. Он действительно понимал. Адвокаты тоже были мебелью, только с лицензией. Лицензия была как табличка на спинке стула: «Не садиться. Юридическая собственность». Табличка ничего не меняла. Люди всё равно садились. Иногда - на голову.

- И вот сижу я на заседании. Обычное заседание. Судья-моллюск, прокурор, защитник. Я сижу сбоку, оформляю протокол. И тут… - Пелл замолчал. Платок поднялся к лицу. - Тут я чихаю.

- Чихаете.

- Чихаю. Один раз. Не громко. Я даже рот закрыл. Вот так.

Он показал, как закрывал рот. Получилось неубедительно, как будто он пытался поймать муху и промахнулся. Муха, вероятно, улетела. Вместе с надеждой.

- И что случилось?

- На следующий день меня вызвали. В кабинет. Сказали, что мой чих истолкован как выражение неуважения к суду. Статья 39-К. И теперь мне грозит изъятие голоса на три луны.

Марк перестал писать. Он поднял глаза от журнала. Пелл смотрел на него с надеждой того сорта, который бывает у людей, потерявших всё и хватающихся за последнюю соломинку. Соломинкой был Марк. Марк был плохой соломинкой. Марк это знал. Соломинка должна быть длинной и прочной, а Марк был коротким и с трещиной посередине. Трещина называлась «долг за обучение». Трещина называлась «аренда». Трещина называлась «суп на ужин». Марк был соломинкой, которую уже использовали. Использованная соломинка - это не соломинка. Это трубочка для коктейля. Коктейли в этом городе не подавали. Подавали суп.

- Изъятие голоса, сказал он. - Это как?

- Юридически это означает, что я не могу говорить в суде. Не могу давать показания. Не могу оформлять протоколы. Не могу даже чихать, потому что чих может быть истолкован как звук, а звук как голос. А голос у меня изъят. Понимаете?

Марк понимал. Он понимал больше, чем хотел бы. Статья 39-К была написана человеком, который ненавидел клерков. Или чихающих. Или всех сразу. В юридической практике такие статьи встречались чаще, чем хотелось бы. Их писали по ночам, в состоянии раздражения, и принимали утром, не читая. Потом их применяли днём, в состоянии похмелья, и не перечитывали. Так работал закон. Так работал Кодекс. Так работал мир. Марк давно перестал удивляться. Удивление - это роскошь. Роскошь - это когда у тебя есть деньги на что-то кроме супа. У Марка не было роскоши. У Марка была папка.

- А жена? спросил Марк, потому что Пелл упоминал жену. Она что говорит?

- Она ушла. Сказала, что не может жить с человеком, который юридически немой. Сказала, что это стыдно. Дети плачут. Кошка смотрит с укором. Я не знаю, что делать.

Марк записал: «Жена ушла, дети плачут, кошка смотрит с укором». Потом подумал и добавил: «Кошка - главная проблема». Кошки в этом городе были редкостью. Кошки не подчинялись Кодексу. Кошки жили по своим законам, и эти законы никто не записывал. Марк уважал кошек. Кошки не плакали. Кошки смотрели с укором. Это было честнее. Укор - это не эмоция. Укор - это приговор. Кошки выносили приговоры без права обжалования. Марк подозревал, что кошки - единственные настоящие судьи в этом городе. Остальные судьи были

моллюсками. Моллюски не выносят приговоров. Моллюски выносят постановления. Это разные вещи.

Из кармана пальто, висевшего на гвозде у двери, донёсся голос. Тонкий, скрипучий, с интонацией человека, который всё видел и ничему не удивился.

- Пахнет проигрышем и луком. Бери суп, монеты фальшивые.

Пелл вздрогнул и оглянулся.

- Это что?

- Это паразит, сказал Марк. - Юридический. Не обращайте внимания.

- Но она говорит…

- Она всегда говорит. Это её работа. Её зовут Лазейка.

- Лазейка? - Пелл посмотрел на пальто. - Это имя?

- Это специализация. Она юридический паразит. Питается ошибками клиентов. Специализируется на лазейках в законе. Двадцать веков опыта. Имя у неё тоже есть, но она его не говорит. Говорит, что имя - это личное.

Марк встал, подошёл к пальто, запустил руку в карман и вытащил её. Она была маленькая, пушистая, с папкой вместо хвоста. Папка была раскрыта, и бумаги в ней шевелились. Бумаги были живыми. Бумаги всегда были живыми. В этом городе даже бумаги не хотели быть просто бумагами. Бумаги хотели быть документами. Документы хотели быть законами. Законы хотели быть богами. Боги хотели быть бумагами. Круговорот бумаг в природе. Марк давно перестал пытаться его остановить. Он просто платил за аренду.

Паразит моргнула. Посмотрела на Пелла. Потом на Марка. Потом снова на Пелла. У неё были глаза, как у кошки, которая нашла сметану и решает, съесть её сейчас или подождать, пока сметана испортится и её можно будет есть с чистой совестью. Совесть у паразита была. Паразит называла её «профессиональной этикой». Профессиональная этика заключалась в том, что есть ошибки клиентов можно, но только после того, как клиент заплатил. Марк уважал эту этику. Она была хотя бы последовательной.

- Ну и что мы имеем? - спросила она. - Клерк, который чихнул. Классика. Я такое видела двадцать веков назад. Тогда за чих отрубали уши. Потом перестали. Потом опять начали. Закон цикличный, как погода.

- Это Лазейка, сказал Марк. - Мой… помощник.

- Партнёр, - поправила она. - Я партнёр. Помощники получают зарплату. Я получаю ошибки клиентов. Это выгоднее. Ошибки не заканчиваются. Зарплата заканчивается.

Пелл смотрел на неё с ужасом. Лазейка смотрела на Пелла с любопытством. Ужас и любопытство встретились и не нашли общего языка. Ужас хотел убежать. Любопытство хотело остаться. Пелл остался. Это было его ошибкой. Лазейка почувствовала ошибку и облизнулась. Ошибки были её хлебом. Хлеб в этом городе был редкостью. Ошибки - нет.

- Не бойтесь, сказала она. Я не кусаюсь. Я ем ошибки. У вас их много. Это хорошо. Это значит, что я не останусь голодной.

Она спрыгнула на стол, прошлась по бумагам, как по льду, и остановилась перед Пеллом. Принюхалась. Бумаги под её лапами не шелестели. Бумаги под её лапами вздыхали. Бумаги знали, кто здесь главный. Бумаги всегда знали.

- Вы боитесь. Это правильно. Страх - это топливо. Без страха адвокат работает вполсилы. А вполсилы - это проигрыш.

- Я не боюсь, сказал Пелл. Голос у него дрожал.

- Боитесь. У вас платок мокрый. Мокрый платок это страх. Или насморк. В вашем случае и то и другое. Страх и насморк - близнецы. Оба заставляют дышать через рот.

Марк сел обратно за стол, открыл ящик и достал контракт. Контракт был написан на трёх страницах, из которых две с половиной занимали оговорки. Оговорки были написаны мелким шрифтом, потому что крупный шрифт вызывал у клиентов вопросы. Вопросы вызывали сомне-

ния. Сомнения вызывали уход клиентов. Уход клиентов вызывал голод. Голод вызывал суп. Замкнутый круг. Марк ненавидел замкнутые круги. Замкнутые круги - это когда ты бежишь, а прибегаешь туда же, откуда начал. Марк бежал полтора года. Он всё ещё был в том же кабинете.

Пелл прочитал оговорки и побледнел. Побледнел он неравномерно: сначала нос, потом щёки, потом уши. Уши остались красными. Уши не хотели бледнеть. Уши знали, что бледность - это временно, а красный цвет - это цвет жизни. Пелл не знал. Пелл читал оговорки.

- Здесь написано, что вы не несёте ответственности за проигрыш.

- Верно.

- И за выигрыш тоже?

- Тоже. Выигрыш - это случайность. Проигрыш - это закономерность. Мы не отвечаем за случайности. Мы отвечаем за работу.

Пелл посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Пелла. Пелл вздохнул и подписал. Подпись была кривой, но разборчивой. Как и все подписи людей, которые не читают оговорки. Оговорки - это как мокрый платок. Ты знаешь, что он мокрый, но всё равно вытираешь об него руки. Надежда - это когда ты думаешь, что в следующий раз платок будет сухим. Надежда - это то, что Марк продавал вместе с контрактом. Надежда была бесплатной. Гонорар - нет.

- Хорошо, сказал Марк. - Теперь расскажите мне про статью 39-К. Всё, что знаете.

Пелл знал немного. Статья 39-К была принята давно, ещё до реформы. Она гласила: «Чих на заседании приравнивается к выражению неуважения». Наказание - изъятие голоса. Статья применялась редко. Настолько редко, что за последние сто лет по ней было вынесено всего три приговора. Все три - в разных судах. Все три - против клерков. Два оправдательных. Один обвинительный. Обвинительный был вынесен в Третьем процедурном. Тем самым судьёй-моллюском. Тем самым, который вёл заседание, когда Пелл чихнул. Совпадение? Марк не верил в совпадения. Совпадения - это ошибки статистики. Статистика - это ошибки, которые уже посчитали.

- Три приговора, сказала паразит. - И все три - клерки. Это не совпадение. Это система.

- Какая система?

- Система по изъятию голосов. Кто-то изымает голоса клерков. Зачем?

Марк задумался. Паразит задумалась. Пелл задумался. Все трое задумались, и в кабинете стало тихо. Тишина была такой густой, что её можно было резать ножом. Ножа у Марка не было. Была только папка. Папка лежала на столе и молчала. Папка тоже думала. Папка думала о том, что если Марк возьмётся за это дело, бумаг станет больше. Бумаги - это жизнь. Папка была жива. Папка хотела жить ещё больше. Папка была эгоисткой. Марк уважал папку за это. Эгоизм - это честность. Честность - это когда ты не притворяешься. Папка не притворялась.

- Может, сказал Пелл, - это связано с делом, которое я оформлял?

- Каким делом?

- Я не помню. Я оформляю много дел. Но одно было странное. Наследодатель оставлял всё своё имущество «тому, кто первым чихнёт на моих похоронах». Юридически это было законно. Фактически - безумием. Но закон разрешал безумие, если оно было правильно оформлено.

- И вы оформили?

- Оформил. А потом чихнул. На заседании. И меня обвинили.

Паразит вскочила на лапы. Папка захлопнулась с громким хлопком. Хлопок был как выстрел. В кабинете запахло порохом. Порох в этом городе был редкостью. Порох - это когда что-то взрывается. Взрывы в юридической практике случались редко. Обычно всё гнило медленно. Взрыв - это ускоренное гниение. Паразит ускорила гниение.

- Вот оно. Наследство. Кто-то хочет получить наследство. Для этого нужен чих. Вы чихнули. Но не на похоронах. На заседании. И теперь вас обвиняют, чтобы вы не смогли чихнуть на похоронах. Потому что голос изъят, а чих - это голос.

Марк смотрел на неё. Пелл смотрел на неё. Она смотрела на них обоих с видом человека, который только что решил загадку. Загадка была простой. Простые загадки - самые опасные. Их решают быстро. Быстрые решения - неправильные. Марк знал это. Марк всё ещё смотрел на паразита.

- Это теория, сказал Марк.

- Это не теория. Это лазейка. - Она улыбнулась. - Наследство ждёт. Наследодатель умер. Похороны через две недели. Нам нужно выиграть дело до похорон. Или Пелл не получит наследство.

- А кто получит?

- Тот, кто чихнёт первым. Если Пелл не сможет, чихнёт кто-то другой. Кто-то, кто организовал это дело. Кто-то, кто знал про статью 39-К.

- Подожди, сказал Марк. - Ты говоришь, заговорщик изъял голос, чтобы Пелл не чихнул. Но чих - не голос. Мы это ещё в суде докажем. Значит, заговорщик - плохой юрист?

- Заговорщик - хороший юрист, сказала паразит. - Хороший юрист верит в свои толкования. Он изъял голос не для того, чтобы Пелл не смог чихнуть. Он изъял голос, чтобы Пелл поверил, что не сможет. Пелл - клерк. Клерк верит в закон больше, чем в собственный нос. Изъятие голоса - это не запрет. Это внушение. Заговор держится не на статье, а на страхе. Страх - единственная статья, которая применяется без обжалования.

Марк закрыл журнал. Открыл контракт. Посмотрел на подпись Пелла. Подпись была кривой, но разборчивой. Как и все подписи людей, которые не читают оговорки. Пелл не читал оговорки. Пелл читал надежду. Надежда была кривой, но разборчивой. Надежда была подписью Пелла. Марк взял ручку.

- Мы берёмся, сказал он. - Но гонорар увеличивается. Вдвое.

- У меня нет вдвое, сказал Пелл.

- Тогда суп. Две банки.

- Одна.

- Полторы.

- Согласен.

Паразит закатила глаза. Потом посмотрела на Марка и сказала:

- Ты торгуешься как адвокат. Это комплимент. Наверное.

Марк не ответил. Он писал. В журнале появилась новая запись: «Дело Пелла. Чих. Наследство. Суп. Полторы банки». Он подчеркнул «полторы». Полторы банки - это не две. Полторы - это компромисс. Компромисс - это когда никто не доволен, но все согласны. Марк был согласен. Пелл был согласен. Паразит была согласна. Папка была согласна. Папка всегда была согласна, если бумаг становилось больше. Бумаг стало больше. Папка была довольна. Папка была единственной, кто был доволен. Марк закрыл журнал. Журнал закрылся с тихим вздохом. Журнал знал, что это только начало. Журнал был старше Марка. Журнал видел много дел. Журнал знал, что «только начало» - это самое долгое начало в мире.

Пелл ушёл. Дверь закрылась не сразу, а с той неуверенной медлительностью, с какой закрываются двери за людьми, которые всё ещё надеются, что их окликнут и скажут: «Постойте, мы пошутили. Ваше дело не безнадёжное. Ваша жизнь не безнадёжная. Суп не единственная валюта в этом городе». Марк не окликнул. Он не умел шутить с надеждой. Надежда была хрупкой, как стеклянная пепельница, которой в этом кабинете всё равно не пользовались, потому что пепельница была нарисована на гипсе.

Шаги Пелла стихли в коридоре. Сначала они были быстрыми, потом медленными, потом снова быстрыми, как будто Пелл вспомнил, что опаздывает, потом вспомнил, что ему уже некуда спешить, потом вспомнил, что у него есть кошка, которая смотрит с укором. Кошка была главной проблемой. Марк записал это ещё раз, на всякий случай. Записи имеют свойство теряться. Кошки - нет. Кошки всегда находятся там, где их не ждут.

В кабинете остался запах мокрого платка, лука и чего-то ещё, слабого, кисловатого, похожего на страх, который уже начал подсыхать. Марк сел за стол. Паразит села на стол. Оба посмотрели друг на друга. Между ними лежала папка, раскрытая, как рот, который собирается что-то сказать, но ещё не решил, стоит ли. Бумаги в папке шевелились. Бумаги всегда шевелились после ухода клиента. Клиент уносил с собой надежду, но оставлял ошибки. Ошибки были тяжелее надежды. Надежда ничего не весила. Ошибки весили как долг за обучение.

- Это дело пахнет не супом, сказала паразит. Оно пахнет проблемами. Крупными. С зубами.

Она принюхалась. Её нос сморщился, как маленькая бумажная гармошка. Папка вместо хвоста дёрнулась и приоткрылась ещё шире. В ней что-то зашуршало - тихо, вкрадчиво, как будто бумаги переговаривались между собой на языке, который Марк не понимал, но который ему не нравился.

- У проблем всегда есть зубы, сказал Марк. Вопрос в том, сколько их и кусаются ли они до или после гонорара.

- До. Всегда до. Проблемы кусают до гонорара. После гонорара они становятся воспоминаниями. Воспоминания не кусаются. Воспоминания ноют.

- У нас нет выбора, сказал Марк. Аренда.

Он произнёс это слово так, как произносят диагноз. Аренда. Не болезнь, но и не здоровье. Хроническое состояние. Аренда была у него в крови, в печени, в бумажнике. Бумажник был пуст, но аренда всё равно там помещалась. Аренда была компактной. Аренда умела занимать мало места и требовать много.

- У тебя нет, согласилась паразит. У меня есть карман. Но я останусь. Из любопытства.

- Из любопытства?

- Из любопытства. Я двадцать веков ем ошибки. Я видела много дел. Но это… Она задумалась. Её глаза сузились, как две щели в ставнях. Это дело особенное. Я чувствую что-то знакомое.

- Что?

- Не знаю. Но что-то. Как будто я уже видела эту статью. Как будто я её писала.

Марк посмотрел на неё. Он смотрел долго, не мигая. Паразит не отвела взгляда. Паразиты никогда не отводят взгляда первыми. Это было профессиональное. Профессионалы не отводят взгляда. Они отводят клиентов.

- Ты её писала?

- Нет. Я не пишу статьи. Я их нахожу. Но эту статью… Она замолчала. Папка за её спиной медленно закрылась, потом снова приоткрылась, как будто вздохнула. Эту статью я помню. Не текст. Запах. Запах чернил. Запах страха. Запах чего-то, что было вырвано.

- Вырвано?

- Не сейчас. Потом. Сначала мы выиграем дело. Потом я расскажу тебе всё, что знаю. Или всё, что помню. Это не одно и то же.

Марк кивнул. Он не стал спрашивать. Он знал, что паразит расскажет, когда будет готова. Или когда будет вынуждена. Одно из двух. В юридической практике это называлось «добровольное признание под давлением обстоятельств». Обстоятельства были главным следователем в этом городе. Они давили на всех. На клиентов, на адвокатов, на паразитов. На судей-моллюсков они тоже давили, но моллюски были мягкими и не чувствовали.

Он открыл ящик стола и достал блокнот. Ящик скрипнул. Скрип был старым, как сам кабинет, и таким же уставшим. Блокнот был старым, с потрёпанной обложкой и страницами, которые пахли кофе и несбывшимися надеждами. Кофе был дешёвым. Надежды ещё дешевле. Марк записал: «Пелл. Чих. Статья 39-К. Наследство. Похороны через две недели. Мотив - наследство. Подозреваемый - кто-то, кто знал про статью». Потом подумал и добавил: «Подо-

зреваемый - кто-то, кто знал про Пелла». Потом подумал ещё раз и добавил: «Подозреваемый - кто-то, кто знал про всё».

Чернила были бледными. Ручка была старой, с трещиной на корпусе. Трещина была как трещина в самом Марке: короткая, но заметная. Он подышал на кончик ручки. Ручка не ожила. Ручки не оживают от дыхания. Ручки оживают от денег. Денег не было. Чернила всё равно писали. Упрямые чернила. Марк уважал упрямые вещи. Они напоминали ему о самом себе.

- Ты пишешь слишком много, сказала паразит. Подозреваемых становится больше, чем улик.

- Так начинается следствие. Сначала подозреваемых много, а улик мало. Потом улик становится больше, а подозреваемых меньше. В конце остаётся один подозреваемый и много улик. Это называется приговор.

- Это называется ошибка. Приговор - это когда улик много, а подозреваемый один. Но настоящий преступник может быть среди улик. Улики тоже умеют лгать. Улики - это бумаги, которые знают слишком много.

Паразит спрыгнула со стола. Её лапы коснулись пола беззвучно, как будто пол был сделан из бумаги, а не из крашеного гипса. Она подошла к окну. Окно было дырой. Дыра была тёмной, но не совсем: в ней угадывались очертания вентиляционной шахты, вертикальные линии, похожие на рёбра, и далёкий серый свет, который не доходил до кабинета, а оставался где-то в глубине, как обещание, которое никто не собирался выполнять. Паразит посмотрела в дыру и сказала:

- Нам нужно в библиотеку. В библиотеке есть том со статьёй 39-К. В томе есть прецеденты. В прецедентах есть лазейки. Я специализируюсь на лазейках.

- В библиотеку так в библиотеку, сказал Марк. Завтра.

Он сказал «завтра» так, как говорят «когда-нибудь». Но паразит не признавала «когда-нибудь». Паразит признавала только «сегодня» и «сейчас». Всё остальное было для неё юридической фикцией.

- Завтра. Но не утром. Утром библиотека полна студентов. Студенты шумят. Шум мешает думать. Думать важно. Без мыслей адвокат просто человек с дипломом.

- А когда библиотека пуста?

- Ночью. Ночью библиотека пуста. Ночью в библиотеке только книги. Книги не шумят. Книги шепчутся. Шёпот лучше шума. Шёпот даёт информацию. Шум создаёт проблемы.

Марк записал: «Библиотека. Ночь. Книги шепчутся». Потом подчеркнул «шепчутся» дважды. Потом посмотрел на строчку и подумал, что книги, которые шепчутся, это либо очень хорошие книги, либо очень плохие. Хорошие книги шепчут о том, что было. Плохие о том, что будет. Марк предпочитал то, что было. То, что было, уже нельзя изменить. То, что будет, ещё можно испортить. Испортить можно всё. Это единственное, в чём Марк был уверен.

- Хорошо. Ночью. А сейчас?

- Сейчас спать. Спать полезно. Отдых готовит к работе. А работа помогает жить.

- Работа помогает выжить, - поправил Марк. - Жить - это когда есть суп не только по праздникам.

- Суп это роскошь. Выживание это когда суп есть, но ты его не хочешь. Ты его ешь, потому что надо. Надо - это главное слово в юриспруденции. Надо доказать. Надо выиграть. Надо заплатить за аренду. Надо спать.

Марк не стал спорить. Он лёг на кушетку. Кушетка была старой, с продавленными пружинами и пятном на подлокотнике, которое Марк старался не рассматривать. Пятно было тёмным и имело форму, которую он не хотел узнавать. Иногда пятно напоминало профиль бывшего клиента. Иногда судью-моллюска. Иногда просто пятно. Марк предпочитал третий вариант. Просто пятно - это честно. Просто пятно не требовало гонорара.

Кушетка скрипнула. Пружины вздохнули. Они всегда вздыхали, когда Марк ложился. Они знали, что он не выспится. Пружины знали больше, чем Марк. Пружины были свидетелями. Свидетелями его бессонницы, его долгов, его ужинов из супа. Пружины молчали. Свидетели, которые молчат, - самые надёжные. Марк ценил их. Он даже собирался однажды написать им благодарность, но не знал, куда её отправить. Кушетка не имела юридического адреса.

Паразит сидела на шкафу и смотрела в дыру. Шкаф был высоким, почти под потолок, и паразит на нём казалась маленьким бумажным ангелом, только без крыльев и с папкой вместо хвоста. Папка была прикрыта. Бумаги в ней больше не шевелились. Бумаги тоже устали. Бумаги тоже хотели спать. Бумаги спали чутко, как все документы: они всегда были готовы проснуться и предъявить претензию.

Дыра была тёмной. Ночь была длинной. В вентиляционной шахте что-то шуршало - может быть, ветер, может быть, чужие бумаги, может быть, кошка, которая смотрела с укором. Марк закрыл глаза. Перед ним всё ещё стояла строчка из блокнота: «Книги шепчутся». Он думал о том, что скажут книги. Книги редко говорили что-то хорошее. Хорошее писали в надеждах. В книгах писали ошибки. Ошибки были тяжёлыми. Ошибки нужно было нести. Марк нёс. Пружины скрипели. Паразит смотрела в дыру. Дыра смотрела в ответ.

Утро было далеко. До него было ещё несколько часов, две банки супа и одна статья 39-К. Марк уснул. Во сне он чихал, и каждый чих был юридически значимым.

Библиотека Кодекса находилась в конце улицы Параграфов - там, где дома становились ниже, а вывески - длиннее. Улица Параграфов была странной улицей. Днём она принадлежала людям, ночью - предписаниям. Днём по ней ходили клерки с папками, адвокаты с портфелями и курьеры с пакетами, в которых лежали документы, слишком важные, чтобы доверять их обычной почте. Ночью улица пустела. Оставались только големы-регулировщики на перекрёстках - серые, гипсовые, с глазами из тусклых стеклянных пуговиц. Днём они проверяли документы. Ночью они экономили энергию. Энергия была дорогой. Бюрократия была дешёвой. Поэтому големы стояли неподвижно, как памятники самим себе, и только едва слышно скрипели, когда ветер задевал их форменные фуражки.

Марк вышел из дома в полночь. Пальто пахло супом и старыми бумагами. Ботинки были стёртыми, но ещё держались - как и большинство вещей в его жизни. Паразит сидела у него на плече в форме скрепки. Скрепка была ржавой, но цепкой. Марк подозревал, что она выбрала эту форму, чтобы её не приняли за домашнее животное. Домашние животные в этом городе облагались налогом. Скрепки - нет. Скрепки были канцелярской принадлежностью. Канцелярские принадлежности не облагались налогом, потому что считались частью документооборота. Документооборот был священен.

Улица была пустой. Фонари горели через один, и свет у них был неровный, как почерк человека, который пишет в темноте. В одном окне кто-то долго и упорно печатал на машинке. Машинка стучала медленно, с паузами, как будто печатала жалобу. В другом окне кто-то плакал. Плач был тихий, юридически корректный: без криков, без угроз, без требования компенсации. Марк прошёл мимо. Он не вмешивался в чужие дела. Чужие дела вмешивались в него сами, без приглашения.

Библиотека была огромным серым зданием без окон, с единственной дверью, которая всегда была открыта. Дверь была тяжёлой, обитой железом, с ручкой в форме молотка. Молоток был символом. Символом того, чего никто не помнил, но все соглашались, что символ важный. Марк толкнул дверь. Она скрипнула так громко, что эхо прокатилось по всем этажам, сверху вниз, как будто кто-то уронил лестницу. Эхо вернулось через минуту. Оно было уставшим. Оно тоже хотело спать.

Внутри пахло пылью. Пыль лежала на стеллажах толстым слоем, и в ней угадывались очертания букв. Когда-то здесь были статьи. Теперь остались только следы. Следы были аккуратными: пыль не любила беспорядка. Пыль была единственным библиотекарем, который

никогда не уходил на пенсию. Она знала, где что лежит. Она знала, что где лежало. Она знала, что где будет лежать. Пыль была терпеливой. Пыль была вечной. Пыль была главным архивом этого города.

Книги шептались. Марк слышал их с порога. Они обсуждали его ботинки, его пальто, его профессию. Книги всегда обсуждали посетителей. Это было их развлечением. Развлечений в библиотеке было мало. Читатели приходили редко. Читатели уходили быстро. Книги оставались.

- Адвокат, прошептала одна. Тонкая, в потёртой обложке. Опять.

- Не все уходят, прошептала другая. Некоторые остаются. Навсегда.

- Навсегда слишком долго, сказала третья. Я не люблю долго. Я люблю кратко. Короткие фразы - моя работа. Я сборник афоризмов. Меня так написали.

Марк остановился. Паразит сидела у него на плече в форме скрепки. Она хихикнула. Скрепка хихикнула. Это было неприятно. Скрепки не должны хихикать. Скрепки должны скреплять. Но паразит была не обычной скрепкой. Паразит была юридической. Юридические скрепки хихикают, когда находят ошибку.

- Это сборник афоризмов, сказала она. Он всегда так говорит. Его так написали.

Марк пошёл дальше. Книги шептались за его спиной. Шёпот был как дождь, только сухой. Сухой дождь из букв.

- Адвокат говорит «нет», когда все говорят «да». Или наоборот. Я не помню.

- Адвокат продаёт слова. Слова нельзя украсть. Их можно только продать.

- Или проиграть. Адвокаты проигрывают чаще, чем выигрывают.

- Адвокаты проигрывают чаще, чем выигрывают, потому что выигрывают чаще, чем проигрывают. Статистика - это искусство выбирать нужные цифры и потом их терять.

Марк не стал спорить. Он знал статистику. Статистика знала его. Они давно друг друга не любили.

Паразит спрыгнула с его плеча и пошла рядом. Она шла на задних лапах, папка волочилась за ней по полу, и в папке что-то шуршало. Шуршание было ритмичным, как шаги. Как шаги человека, который идёт по коридору и не знает, в какую дверь стучать. Бумаги в папке знали. Бумаги всегда знали. Бумаги просто не говорили. Бумаги были свидетелями, которые молчат до суда.

- Нам нужен том со статьёй 39-К, сказал Марк.

- Я знаю, где он. Я помню эту библиотеку. Я помню все библиотеки. Я помню всё, что было написано. И всё, что было вырвано.

- Вырвано?

- Потом. Сначала найдём статью.

Они прошли мимо стеллажа с надписью «Решения, которые никого не убедили». За ним - стеллаж «Толкования, которые запутали всех». Дальше - «Постановления, которые были отменены, но не совсем». Библиотека была не просто зданием. Библиотека была кладбищем юридических надежд. Надгробия были аккуратными. Надписи были разборчивыми. Пыль была везде.

Они остановились у стеллажа с надписью «Статьи устаревшие, но действующие». Надпись была сделана от руки, чернилами, которые выцвели до цвета старой кости. Буквы были кривыми. Кривые буквы - это буквы, которые писали быстро. Быстро писали, когда не хотели, чтобы прочитали. Прочитали всё равно. Буквы остались. Буквы всегда остаются.

- Третий стеллаж сверху. Второй том слева. Тот, который выглядит так, будто его никто не открывал сто лет.

Марк посмотрел. Том был тонкий, в серой обложке, с выцветшим корешком. На корешке значилось: «Том 39. Статьи 39-А, 39-Я. Устаревшие, но действующие. Издание третье, дополненное и запутанное».

- Запутанное? - переспросил Марк.

- Такой юридический термин. Он означает, что статью нельзя понять с первого раза. И со второго тоже. И с третьего. Но с четвёртого можно. Если повезёт.

- А если не повезёт?

- Тогда читаешь пятый раз. Пятый раз - это как четвёртый, только с головной болью.

Марк взял том. Том был тяжёлый. Тяжёлый не весом, а содержанием. Содержание всегда тяжелее веса. Вес можно измерить. Содержание - нет. Содержание измеряется последствиями. Последствия у статьи 39-К были. Последствия были у всех статей. Даже у спящих.

Он открыл том на статье 39-К. Страница была пожелтевшей, но буквы двигались. Медленно, как сонные мухи, они ползли по странице, оставляя за собой тонкие следы чернил. Следы были похожи на тропинки. Тропинки вели в никуда. В юридических текстах тропинки всегда ведут в никуда. Потом оказывается, что никуда - это место, где нужно было быть с самого начала.

- Она живая, сказал Марк.

- Она спит. Но она живая. Все статьи живые. Некоторые просто спят дольше, чем другие. Эта спала сто лет.

- Почему она спит?

- Потому что её никто не читал. Статьи, которые никто не читает, засыпают. Статьи, которые читают слишком часто, сходят с ума. Эта спала. Это хорошо.

- А какие более опасны?

- Те, которые бодрствуют. Особенно те, которые бодрствуют и голодны. Голодная статья может укусить.

- Статьи кусаются?

- Статьи не кусаются. Статьи применяются. Применение - это укус, только юридический. След остаётся на всю жизнь. И на три луны вперёд.

Марк посмотрел на статью. Она выглядела безобидной. Одна фраза. «Чих на заседании приравнивается к выражению неуважения». Наказание: изъятие голоса. Без права обжалования. Без права обжалования - это когда ты можешь кричать, но тебя никто не услышит. Крик без права обжалования - это не крик. Это шёпот. Шёпот в пустой комнате. Комната закрыта. Ключ потерян. Ключ у судьи-моллюска. Моллюск не помнит, где ключ. Моллюск не помнит, что был ключ. Моллюск вообще мало что помнит. Моллюски не помнят. Моллюски применяют.

Но лазейка была. Паразит сказала, что лазейка есть. Паразит знала, что говорит. Паразит говорила редко. Когда говорила - значит, знала.

- Читай вслух, сказала паразит. Статьи просыпаются, когда их читают вслух.

- А если она рассердится?

- Тогда она проснётся рассерженной. Это лучше, чем спать голодной. Голодная статья опаснее рассерженной. Рассерженная статья хотя бы говорит. Голодная просто молчит и ждёт.

Марк откашлялся. Книги вокруг замолчали. Они ждали. Книги всегда ждут, когда адвокат начнёт читать вслух. Книги любят адвокатов. Адвокаты будят статьи. Статьи потом мстят. Книги остаются в стороне. Книги - свидетели. Свидетели не несут ответственности.

- «Статья 39-К. Чих на заседании приравнивается к выражению неуважения. Наказание: изъятие голоса на три луны. Без права обжалования».

Страница вздрогнула. Буквы остановились. Потом одна буква, самая маленькая, зевнула. Потом вторая. Потом третья. Статья просыпалась. Она просыпалась медленно, как человек, который всю ночь читал жалобную книгу и надеялся, что утром его не разбудят. Утро пришло. Его разбудили. Он не был рад.

- Кто? спросила статья. Голос у неё был скрипучий, как несмазанная дверь. Кто меня разбудил?

- Адвокат, сказала паразит. Не обращай внимания. Он всегда будит статьи.

- Адвокат? Статья прищурилась. Буквы на странице сложились в подобие глаз. Глаза были маленькие, злые и очень уставшие. Я не люблю адвокатов. Они меня цитируют. Это утомляет.

- Мы не будем тебя цитировать, сказал Марк. Мы будем тебя изучать.

- Изучать? Меня нельзя изучать. Меня можно только применять. Или не применять. Всё.

- А если я скажу, что тебя можно отменить?

Статья замолчала. Буквы замерли. Даже пыль на странице перестала шевелиться. Пыль тоже ждала. Пыль была свидетелем. Пыль не любила отмену. Отмена означала уборку. Уборка означала перемены. Перемены пыль не любила.

- Отменить? Меня? Я устарела, но я не умерла. Меня можно отменить только через суд. А суд вершу я. Парадокс.

- Парадокс даёт основание для пересмотра, сказала паразит.

- Парадокс вызывает головную боль, сказала статья. Я не люблю головную боль. Я люблю покой.

- Тебя не забыли, сказал Марк. Тебя применяют. Тебя используют. Кто-то использует тебя, чтобы изымать голоса у клерков.

Статья задумалась. Буквы на странице задрожали. Дрожь была мелкой, как рябь на воде. Вода была чернильной. Чернила были старыми. Старые чернила помнят больше, чем новые. Новые чернила ещё не успели соврать.

- Это не моя вина. Я всего лишь статья. Меня написали. Меня приняли. Меня применяют. Я не выбираю, кого применять. Я инструмент.

- Инструмент можно сломать, сказал Марк.

- Инструмент можно сломать. Но тогда сломается и тот, кто его держит. А тот, кто меня держит, есть Кодекс. Кодекс не инструмент, а хозяин.

- Хозяина можно сменить.

- Хозяина можно сменить. Но это долго. И опасно. И, скорее всего, невозможно. Я не рекомендую.

- Ты не рекомендуешь? переспросил Марк. Статья не может рекомендовать. Статья может только предписывать.

- Я устарела, сказала статья. Устаревшие статьи могут рекомендовать. Это одна из лазеек. Ты же за лазейкой пришёл? Вот она. Я рекомендую не связываться. Это моя рекомендация. Пользуйся.

Паразит хихикнула. Скрепка на плече Марка дёрнулась. Папка за её спиной приоткрылась, и бумаги в ней зашуршали быстрее. Бумаги любили лазейки. Лазейки были их пищей. Пища была скудной, но калорийной.

- Она права, сказала паразит. Это опасно. Но это возможно.

Статья вздохнула. Вздох был как сквозняк. Сквозняк прошёл по странице, перевернул одну букву и утих.

- Вы адвокаты. Вы всегда так говорите. «Возможно». «Оформить». «Правильно». А потом вы проигрываете. И я остаюсь. И я сплю. И я жду.

- Ждёшь чего? - спросил Марк.

- Жду, когда меня прочитают снова. Жду, когда меня применят снова. Жду, когда меня снова забудут. Это цикл. Я в нём живу.

- Циклы можно разрывать, сказал Марк.

- Циклы можно разрывать. Но тогда статья остаётся без цикла. А статья без цикла - это просто текст. Текст без применения - это бумага. Бумага без чернил - это пыль. Пыль - это я. Я не хочу быть пылью. Я хочу быть статьёй.

Марк закрыл книгу. Статья замолчала. Буквы на странице замерли, потом медленно поползли обратно, как мухи, которых потревожили, но не прогнали. Пыль снова легла на страницу. Пыль была довольна. Пыль любила, когда книги закрывают. Закрытая книга - это книга, которая не задаёт вопросов. Открытая книга - это книга, которая задаёт вопросы. Вопросы - это беспокойство. Беспокойство - это пыль в воздухе. Пыль в воздухе оседала на стеллажах. Стеллажи были терпеливыми. Стеллажи были деревянными. Дерево было настоящим. В библиотеке было много настоящего дерева. Это было единственное место в городе, где дерево не считалось роскошью. Дерево считалось архивом. Архив - это не роскошь. Архив - это необходимость. Необходимость - это когда без этого нельзя. Без дерева стеллажи бы упали. Без стеллажей упали бы книги. Без книг упал бы Кодекс. Кодекс не падал. Кодекс стоял. Кодекс всегда стоял. Даже когда все вокруг падали.

- Идём, сказал Марк. Нам нужны прецеденты.

- Прецеденты ищи в другом зале, сказала паразит. В зале судебных решений. Там живут приговоры. Они кусаются.

- Приговоры кусаются?

- Приговоры получаются из статей, которые уже применили. Они агрессивнее. Они защищаются. Они боятся отмены. Приговор, который отменили, это не приговор. Это ошибка. Ошибки не любят, когда их называют ошибками. Ошибки кусаются.

- А какие приговоры самые опасные?

- Те, которые были вынесены правильно. Правильный приговор невозможно отменить. Его можно только пересмотреть. Пересмотр - это как укус в ответ. Укус в ответ опаснее первого укуса. Первый укус - это закон. Второй укус - это прецедент. Прецеденты живут дольше законов. Законы меняются. Прецеденты остаются. Прецеденты - это зубы Кодекса. Зубы не выпадают. Зубы растут.

Марк вздохнул. Он не любил, когда его кусали. Он особенно не любил, когда его кусали юридически. Юридические укусы оставляли следы в виде долгов, бумаг и супа. Суп был единственным, что заживало. Суп был лекарством. Суп был валютой. Суп был образом жизни.

Они пошли в зал судебных решений. Паразит снова забралась на плечо Марка и превратилась в скрепку. Скрепка была холодной. Скрепка была готовой. Скрепка знала, что впереди много бумаг. Бумаги нужно скреплять. Бумаги без скрепок - это хаос. Хаос - это когда приговоры кусаются без предупреждения.

За их спиной библиотека снова начала шептаться. Книги обсуждали адвоката, который разбудил статью и не испугался. Книги ошибались. Марк испугался. Он просто не показал. Показывать страх в библиотеке было нельзя. Библиотека кормилась страхом. Страх делал книги тяжелее. Тяжёлые книги было труднее нести. Марк не хотел нести тяжёлые книги. У него уже была папка. Папка была достаточно тяжёлой.

Дверь в зал судебных решений была приоткрыта. Из щели пахло пылью, чернилами и чем-то ещё сухим, острым, похожим на запах старого приговора, который давно ждал обжалования. Марк толкнул дверь. Дверь не скрипнула. Дверь затаилась. Дверь знала, что в этом зале скрипеть нельзя. В этом зале скрипели только приговоры. Приговоры скрипели зубами.

Зал судебных решений находился в подвале, и подвал этот был не тем аккуратным хранилищем, куда иногда спускаются за справкой, а местом, о котором сотрудники библиотеки говорили шёпотом и всегда с оговоркой «если вам действительно туда надо». Сырость здесь держалась круглый год, независимо от сезона: она не приходила с улицы, она рождалась внутри, в толстых стенах, между каменной кладкой и деревянными стеллажами, и уже оттуда расползалась по полу, по корешкам, по лестнице. Пахло мокрой бумагой - не свежей, из которой ещё можно что-то напечатать, а той, что полежала в архиве, набралась влаги и начала помнить больше, чем в ней было написано. К этому запаху примешивался другой, сухой и острый, как будто где-то за стеллажами кто-то очень давно открыл чернильницу, забыл её закрыть и с тех

пор не вспоминал. Окон в подвале не было. Свет выдавали по норме, две лампы на весь зал, и обе горели неровно, одна чуть ярче, другая чуть тусклее, так что тени на стеллажах всё время слегка перекашивались, будто книги перешёптывались и перекладывались с полки на полку.

Они спускались по винтовой лестнице. Ступени были стёртыми посередине, как будто по ним ходили очень много лет и очень мало людей. Перила были холодными, гладкими от ладоней и покрытыми тонким слоем воска, который здесь, судя по всему, наносили не для блеска, а чтобы дерево не впитывало сырость. Паразит сидела на плече Марка и светила папкой. Папка светилась тускло, как ночник, который стыдится того, что он ночник, и мечтает стать люстрой. Бумаги в папке шевелились медленно, сонно, будто им тоже хотелось спать, но они боялись пропустить что-то важное.

- Осторожно, сказала паразит. Здесь ступени живые. Они могут укусить.

- Ступени?

- Всё в этой библиотеке живое. Ступени, двери, полки. Даже пыль. Просто не всё кусается одинаково.

Марк посмотрел на пыль. Она лежала на ступенях серым слоем и не двигалась, но в её толще угадывались очертания следов: чей-то каблук, чья-то подошва, чья-то узкая лапа, которая когда-то здесь пробежала и больше не вернулась. Пыль помнила всех, кто по ней ходил, но помнила молча, как старый свидетель, который давно решил, что говорить себе дороже.

- А приговоры? спросил Марк.

- Приговоры другие. Они помнят не только текст, но и действие. Кого судили, за что и чем всё кончилось. Приговор - это не бумага, это уже применённое решение. Его использовали. Он знает, как это делается, и не хочет, чтобы его использовали снова - особенно против него самого.

- Он что, может сопротивляться?

- Он может защищаться. Приговоры - самый упрямый раздел библиотеки. Статьи можно перетолковать. Прецеденты можно обойти. А приговор, который уже вынесли, обойти труднее: он стоит, как стена, и делает вид, что он и есть закон. Иногда он и есть закон. Это самое неприятное.

Лестница скрипела под ногами. Скрип был тихим, вкрадчивым, как шёпот секретаря, который записывает что-то, чего записывать не должен. Ступени вздыхали коротко, будто им было неловко за то, что они так долго служат. Марк старался наступать на середину. Середина была стёртой, а стёртая ступень - это ступень, которая уже привыкла к ногам и не станет подставляться.

Они спустились. Зал оказался ниже и теснее, чем Марк ожидал. Стеллажи здесь были пониже, чем наверху, и книги тоньше. Это были не статьи, а приговоры. Каждый приговор занимал одну страницу, иногда две, иногда десять, но в основном одну. Приговоры были экономными: они не любили лишних слов, потому что лишние слова - это то, что потом обжалуют, а обжалование - это то, что отменяет. Отменённый приговор - это уже не приговор, а ошибка, а ошибки, как известно, не любят, когда их называют ошибками.

- Здесь, сказала паразит. - Статья 39-К. Приговоры по ней. Их всего три. Два оправдательных. Один обвинительный.

- Где они?

- Вон там, в углу, под табличкой «Опасные. Не кормить».

Марк подошёл. Табличка была нарисована от руки красными чернилами, которые выцвели до цвета ржавчины, и буквы на ней были неровными - видимо, писали в спешке, а может, и не в спешке, а просто рука дрожала. Под табличкой лежали три папки. Они были тонкие, как памфлеты, и такие же старые, и лежали не ровно, а слегка внахлёст, будто приговоры пытались прикрыть друг друга от чужого взгляда.

- Первая, сказала паразит. - Оправдательный. Дело о чихе в Первом административном. Судья по имени Ортис. Он был известен тем, что почти никогда не выносил обвинительных приговоров. Говорили, что он боялся. Говорили, что он был мудрым. Говорили, что он был ленивым. Правда была где-то посередине.

Марк открыл первую папку. Папка поддалась легко, будто ждала этого уже сто лет и наконец дождалась. Приговор был короткий, буквы стояли ровно, как солдаты на параде, - старые, но ещё держащие строй.

«Суд постановил: чих не является выражением неуважения, поскольку чих - рефлекс, а рефлекс не волеизъявление. Ответчик оправдан. Судья Ортис».

- Коротко и ясно, сказал Марк.

- Ортис был известен своей краткостью. Он говорил, что краткость воспитывает вежливость, вежливость воспитывает уважение, а уважение лежит в основе суда. И суд вершил он. Он был очень вежливым человеком. Иногда до такой степени, что стороны не сразу понимали, что их уже оправдали.

- Он был вежливым или ленивым?

- Вежливо ленивым. Это редкое сочетание. Ленивые люди обычно грубые, потому что грубость требует меньше усилий. Ортис ленился даже грубить. Он экономил энергию так старательно, что иногда казалось, будто он вообще не дышит. Но он дышал и оправдывал. Оправдывать легче, чем обвинять: обвинение требует доказательств, а оправдание это только сомнения. Сомнение есть всегда. Даже у судьи.

Марк перевернул страницу. На обороте была приписка, сделанная другими чернилами, более бледными: «Сомнение - это тень доказательства. Тень не может стоять в суде. Судья Ортис». Он подчеркнул эту фразу в блокноте. Потом подумал и подчеркнул ещё раз. Дважды подчёркнутое - значит, важное. Важное - значит, может пригодиться.

- А вторая? - спросил он.

- Вторая тоже оправдательный. Дело о чихе во Втором процедурном. Судья - женщина по имени Велла. Она была известна тем, что всегда выносила обвинительные приговоры. Говорили, что она была жестокой. Говорили, что она была принципиальной. Говорили, что она была пьяной. Правда была где-то посередине.

Марк открыл вторую папку. Папка скрипнула - как старый стул, на который садится человек, не знающий, что стул сломан. Приговор был длиннее. Буквы шли неровно, будто писали их в спешке или в раздражении.

«Суд постановил: чих не является выражением неуважения, поскольку чих - непроизвольное действие, а непроизвольное действие не подлежит наказанию. Однако суд отмечает, что ответчик чихал громко и с вызовом. Ответчик оправдан, но предупреждён. Судья Велла».

- С вызовом? - переспросил Марк.

- Велла была известна своей интерпретацией. Она могла интерпретировать что угодно как что угодно. «Чих с вызовом» - её изобретение. Оно не вошло в Кодекс, но вошло в историю.

- Как можно чихать с вызовом?

- Велла считала, что можно. Она считала, что всё можно, если правильно оформить. Она оформляла даже то, что не нуждалось в оформлении: однажды составила протокол о том, что протокол не требуется. Протокол приняли. Потом отменили. Потом приняли снова. Велла говорила, что это цикл, и циклы её не пугали, потому что циклы можно было оформлять бесконечно. Бесконечность - это когда работа никогда не заканчивается, а Велла любила работу. Она была странной, но она была судьёй, а судьи имеют право быть странными. Это их привилегия.

- А третья? - спросил Марк.

- Третья - обвинительный. Дело о чихе в Третьем процедурном. Судья по имени Гривс. Тот самый Гривс, который написал статью.

- Подожди, сказал Марк. - Статья принята до реформы. Это сто лет назад. Гривс ещё жив?

- Гривс - моллюск, сказала паразит. - Моллюски живут долго. Некоторые - дольше, чем статьи, которые они пишут. Гривс написал статью сто лет назад, потом сто лет её применял, потом сто лет о ней забыл. Теперь он её помнит. Это худший вариант: статья, которую помнят, опаснее статьи, которую забыли, потому что забытую статью нельзя применить, а помнят - можно.

Я двадцать веков учусь у людей. Люди забывают статьи. Моллюски - нет. Моллюски применяют.

Марк не стал уточнять. Уточнения в библиотеке были опасны: они будили книги.

Марк открыл третью папку. Папка открылась тяжело, будто сопротивлялась. Приговор был короткий. Буквы стояли ровно, но какими-то злыми - так пишут люди, которым нравится то, что они пишут, и которые не считают нужным это скрывать.

«Суд постановил: чих является выражением неуважения, поскольку чих - звук, а звук - голос, а голос - неуважение. Ответчик обвинён. Голос изъят на три луны. Судья Гривс».

- Гривс судил по своей же статье? - спросил Марк.

- Гривс был пьян. Он всегда был пьян, когда судил. Говорили, что он не мог судить трезвым. Говорили, что он не мог жить трезвым. Говорили, что он не мог дышать трезвым. Правда была где-то посередине, но посередине у Гривса всегда стояла бутылка.

- И приговор был неправильным?

- Юридически - правильным. Морально - нет. Это называется правовая коллизия. Она встречается чаще, чем хотелось бы, и почти всегда пахнет так же, как этот подвал.

Марк закрыл третью папку. Три приговора по одной статье. Три разных определения, три разных результата. Не система, а юридический хаос - но хаос, у которого была своя логика: каждый судья толковал статью так, как ему было удобно, и каждый оставлял после себя прецедент, на который теперь можно было опереться. Или от которого можно было оттолкнуться.

- Что мы можем использовать? - спросил он.

- Всё. Первый приговор говорит, что чих - рефлекс. Второй называет чих непроизвольным действием. Третий объявляет чих звуком. Все три определения разные, все три противоречат друг другу. Противоречие - это уже основание для пересмотра.

- А как строить аргументацию?

- Не будем отрицать чих. Будем отрицать действие. Чих - рефлекс. Рефлекс - не волеизъявление. Волеизъявление - не действие. Цепочка рвётся, и статью применить нельзя, потому что статья применяется к действию, а действия не было.

- Это уже было, сказал Марк. - Ты мне это говорила.

- Говорила. Но не в суде. В суде это прозвучит впервые, и прозвучит иначе, потому что там будут слушать.

Марк записал в блокнот: «Чих - рефлекс. Рефлекс - не волеизъявление. Волеизъявление - не действие. Цепочка рвётся». Потом подчеркнул «рвётся» дважды и добавил сбоку: «Статья не применяется → Пелл оправдан → голос возвращается → чих на похоронах → наследство → гонорар». Он посмотрел на эту цепочку и подчеркнул «гонорар». Гонорар был единственным звеном, которое не вызывало сомнений.

- Хорошо. Что дальше?

- Дальше - свидетели. Нам нужен второй свидетель. Одного Пелла мало: он заинтересованная сторона, а заинтересованная сторона - это половина свидетеля.

- Кто был на заседании?

- Судья-моллюск, прокурор, защитник, секретарь, присяжные и Пелл. Всего восемь, если считать моллюска.

- Моллюск - свидетель?

- Моллюск - судья. Судьи не свидетельствуют. Судьи судят.

- Прокурор?

- Прокурор будет против нас. Это его работа, и он её любит.

- Защитник?

- Защитник будет за нас, но он сторона, а не свидетель. Стороны не свидетельствуют, стороны убеждают.

- Секретарь?

- Секретарь видит всё. Секретарь записывает всё. Секретарь знает всё. Но секретари боятся.

- Чего?

- Того же, чего боятся все. Потерять работу. Потерять голос. Потерять жизнь. Секретарь - это человек, который сидит ближе всех к судье и дальше всех от безопасности.

Марк записал: «Секретарь - ключевой свидетель. Найти. Убедить. Защитить».

- А присяжные? - спросил он.

- Присяжные - телепаты. Они читают мысли. Они знают, что Пелл не хотел чихать. Но свидетельствовать они не могут: присяжные решают, а не рассказывают.

- А если их спросить?

- Спросить можно. Но ответят они не словами, а мыслями. А мысли - не доказательство. Мысли - интерпретация, а интерпретация субъективна. Каждый думает по-своему, даже телепаты. Особенно телепаты: они знают, что думают другие, но не всегда понимают, что думают сами.

Марк вздохнул. Свидетели были проблемой, как и всё остальное.

- Ладно. Свидетели потом. Сначала стратегия.

- Стратегия уже есть. Начнёшь с прецедентов: два оправдательных, один обвинительный. Покажешь, что статья применялась по-разному, что единого толкования нет, что есть противоречие. Противоречие даёт лазейку. Потом перейдёшь к аргументу: чих - рефлекс, рефлекс - не волеизъявление, волеизъявление - не действие. Цепочка рвётся, статья не применяется, Пелл оправдан.

- А если прокурор возразит?

- Прокурор всегда возражает. Это его работа. Но у тебя будет ответ: второй приговор называет чих непроизвольным действием, а непроизвольное действие не подлежит наказанию. Это прямой ответ на возражение, и он опирается на прецедент, а не на твои слова.

- А если судья не согласится?

- Судья-моллюск медленный, но логичный. Если построишь логичную цепочку, он её примет. Моллюски не любят резких движений, но уважают последовательность.

- А если не примет?

- Тогда апелляция. Но до неё ещё нужно дожить, а для этого нужно выспаться. Завтра будет длинный день.

Марк закрыл блокнот. Паразит закрыла папку. Они пошли наверх. Лестница скрипела под ногами, ступени вздыхали, пыль лежала на них серым слоем и молчала. Впереди была ночь перед заседанием - длинная, тихая, с запахом мокрой бумаги, который ещё долго будет стоять в пальто.

Утро началось с чая. Чай был холодным Марк заварил его ещё затемно, поставил на край стола, рядом с папкой, которая снова свисала с края, и забыл. Теперь чай остыл, покрылся тонкой плёнкой и пах не то травами, не то старой бумагой. Марк не замечал. Он пил и писал. Писал и пил. Ручка шуршала по странице, чашка тихо стукалась о блюдце, и в кабинете стоял тот особый утренний шум, который бывает только в помещениях, где давно не убирали и где каждый предмет давно смирился со своим местом.

Паразит сидела на подоконнике. Подоконник был единственным местом в кабинете, где можно было сидеть, не касаясь бумаг: стол был завален, стул для клиентов занят папками, кушетка продавлена, а шкаф слишком высок. Паразит устроилась у самой дыры, свесила папку-

хвост и смотрела, как в вентиляционной шахте медленно светлеет серое утро. Свет был вязким, как остывший суп, но по крайней мере он был.

- Прецеденты, сказал Марк, не поднимая головы. - Мы нашли три. Два оправдательных. Один обвинительный. Как мы их используем?

- Мы используем их как оружие, сказала паразит. - Но оружие должно лежать в правильном порядке. Сначала то, которое судья поймёт быстрее всего. Потом то, которое прокурор не сможет обойти. И только в конце - то, которое заставит всех задуматься.

- Начни с первого.

- Первый прецедент - Ортис. Он сказал, что чих - рефлекс. Это наш главный аргумент. Рефлекс не волеизъявление, а значит, статья 39-К к нему не применяется. Ортис сформулировал это коротко, и короткие формулировки судьи любят больше всего: их не нужно перечитывать.

- А если судья скажет, что Ортис был ленивым и его приговор ничего не значит?

- Тогда мы напомним, что приговор Ортиса не отменён. Ленивый судья или нет, но его решение стоит в архиве и имеет силу. В юриспруденции лень судьи не отменяет прецедент. Иногда она его даже укрепляет: ленивый судья не станет писать то, в чём не уверен.

Марк записал: «Ортис - рефлекс. Приговор не отменён. Лень не отменяет прецедент».

- Второй? - спросил он.

- Второй - Велла. Она сказала, что чих - непроизвольное действие. Это наш второй аргумент. Мы используем его, если прокурор скажет, что чих - всё-таки действие. Тогда мы ответим: даже если действие, то непроизвольное. А непроизвольное действие не подлежит наказанию. Велла это прямо написала, и она была судьёй, которая любила обвинительные приговоры. Значит, её оправдательный приговор весит больше, чем оправдательный приговор Ортиса: она оправдала не по доброте, а по необходимости.

- А её «чих с вызовом»?

- «Чих с вызовом» - это её изобретение, и оно нам только на руку. Если прокурор скажет, что Пелл чихал вызывающе, мы ответим: вызывающего чиха не существует в Кодексе. Есть чих, и есть его толкование. Толкование Веллы не вошло в закон. А то, что не вошло в закон, не может быть основанием для изъятия голоса.

Марк записал: «Велла - непроизвольное действие. Оправдала, хотя любила обвинять. “Чих с вызовом” - не закон».

- Третий?

- Третий - Гривс. Он сказал, что чих - звук. Это наш третий аргумент. Мы используем его, если судья скажет, что чих - неуважение. Тогда мы ответим: звук - не неуважение. Неуважение требует намерения. Намерения не было. Гривс сам загнал себя в ловушку: он назвал чих звуком, а звук без намерения - это просто шум. Шум не судят. Шум проветривают.

- А если судья скажет, что звук может быть неуважением?

- Тогда мы скажем, что судья противоречит сам себе. В первом прецеденте чих - рефлекс. Во втором - непроизвольное действие. В третьем - звук. Все три определения разные, и все три вынесены по одной статье. Противоречие - это не наша слабость, это их проблема. Противоречие даёт основание для пересмотра.

- А если откажет?

- Тогда мы обжалуем. Обжалование - наша страховка. Не самая надёжная, но лучше, чем ничего. В этом городе даже страховка иногда проигрывает, но без неё проигрывают всегда.

Марк записал: «Ортис - рефлекс. Велла - непроизвольное действие. Гривс - звук. Противоречие даёт основание для пересмотра. Обжалование - страховка». Он посмотрел на строчку, подчеркнул «противоречие» и добавил сбоку: «Не наша слабость - их проблема». Это показалось ему достаточно юридическим, чтобы пригодиться в суде.

- Хорошо. А что насчёт наследства?

- Наследство даёт мотив, сказала паразит. - Без мотива дело выглядит как случайность: клерк чихнул, клерка обвинили, бывает. С мотивом дело выглядит как схема: клерк чихнул, кто-то знал, что он чихнёт, кто-то знал про статью, кто-то ждал похорон. Мы должны показать, что кто-то хотел получить наследство. Кто-то, кто знал про статью. Кто-то, кто знал про Пелла. Кто-то, кто знал про чих.

- У нас есть доказательства?

- У нас есть Пелл. Пелл оформлял наследство. Пелл чихнул. Пелл обвинён. Это цепочка. Цепочка ведёт к наследству. Наследство ведёт к мотиву. Мотив ведёт к заговорщику.

- А кто заговорщик?

- Мы не знаем. Но мы можем узнать. Нам нужен доступ к документам.

- Где документы?

- В архиве. Архив хранит документы. Архив - это место, где бумаги живут дольше людей и помнят больше, чем люди хотели бы.

Марк посмотрел на неё.

- Ты говоришь загадками.

- Я говорю юридическим языком. Юридический язык часто звучит как загадка, потому что он описывает вещи, которых нет, но которые имеют силу. Наследство - это вещь, которой нет. Мотив - это вещь, которой нет. Заговор - это вещь, которой нет. Но если их правильно описать, они начинают существовать. И тогда судья-моллюск кивает.

Марк вздохнул. Он взял блокнот и начал писать речь. Речь была длинной: в ней было три прецедента, два определения, одно противоречие и одна просьба - вернуть Пеллу голос. Он писал и чувствовал, как слова становятся тяжелее, чем нужно. Тяжёлые слова судьи не любят. Тяжёлые слова давят.

- Не пиши слишком много, сказала паразит. - Судьи не любят длинные речи. Судьи любят короткие речи. Короткая речь - это уважение. Длинная речь - это подозрение, что ты не уверен в главном.

- А если речь короткая, но аргументов много?

- Тогда аргументы должны быть в прецедентах. Прецеденты говорят сами за себя. Ты только расставляешь их по порядку. Ортис - рефлекс. Велла - непроизвольное действие. Гривс - звук. Потом вывод: статья не применяется. Всё.

Марк переписал речь. Она стала короче. Она стала яснее. Она стала опаснее - потому что в короткой речи негде спрятаться, и если судья захочет возразить, ему придётся возражать по существу. Марк перечитал написанное. Ему понравилось, что слов стало меньше, а смысла - столько же. Он подчеркнул последнюю фразу: «Голос - это не звук. Голос - это возможность говорить. Отнять голос - значит отнять возможность. Суд не отнимает возможность без действия. Действия не было». Фраза была длинной, но судьи-моллюски любят длинные выводы, если они сделаны из коротких посылок.

- Хорошо. Я готов.

- Ты не готов, сказала паразит. - Но это не важно. Готовность - это иллюзия. В суде важно не быть готовым, а быть последовательным. Последовательность судья-моллюск заметит. Моллюски медленные, но они умеют считать шаги.

Марк посмотрел на часы. Часы были старые, с треснувшим стеклом и одной сломанной стрелкой. Они показывали время, которое уже прошло, и Марк давно перестал понимать, какое именно. Он ориентировался по свету в дыре и по звукам с улицы: големы-регулировщики начинали скрипеть, когда проверяли документы, а значит, утро уже перешло в день.

- Сколько у нас времени?

- До заседания два часа. До победы - неизвестно. До проигрыша - тоже неизвестно. В этом городе неизвестность - единственная точная величина.

Марк встал. Паразит спрыгнула с подоконника, прошлась по столу, задела лапой чашку с холодным чаем и остановилась у края папки. Папка приоткрылась, будто принюхалась, и снова закрылась. Бумаги в ней зашуршали тихо, как будто переговаривались о том, что дело становится интересным.

Марк надел пальто. Пальто пахло супом, старыми чернилами и подвалом библиотеки. Он проверил карман: блокнот на месте, ручка на месте, контракт Пелла сложен вчетверо и лежит во внутреннем кармане. Паразит забралась ему на плечо и превратилась в скрепку - ржавую, но цепкую. Скрепка была холодной. Скрепка была готова.

Они вышли из кабинета. Дверь закрылась с тем же неуверенным скрипом, с каким закрывалась всегда, и в кабинете остались холодный чай, папка на краю стола и утренний свет, который всё ещё не решил, станет он дневным или так и останется серым. Марк шёл по коридору и повторял про себя порядок: Ортис, Велла, Гривс. Рефлекс, непроизвольное действие, звук. Противоречие. Вывод. Голос. Он повторял это как заклинание, но заклинания в юриспруденции не работали. Работали прецеденты. Прецеденты шли за ним по пятам, тяжелее папки и легче супа.

Глава 2. «Зал с переменной гравитацией»

Дворец Правосудия стоял на площади Трёх Вердиктов. Площадь была пустой. Площадь всегда была пустой. Люди не любили площадь. Площадь напоминала им о том, что закон существует. Закон существовал независимо от того, нравилось это людям или нет. Людям это не нравилось.

Марк прошёл через главный вход. Вход был высоким, мраморным, с барельефами законодателей прошлого. Законодатели были суровыми и бородатыми. Они держали в руках свитки. Свитки были законами. Законы были свитками. Марк тряхнул головой. Опять начал. Это было заразно. Паразит была переносчиком. Переносчик был опасен.

Охранник у входа проверил документы. Охранник был големом из базальта. Базальт был чёрным. Чёрный был цветом. Цвет был символом.

- Цель визита, - спросил голем. Голос был скрежетом.

- Заседание. Дело Пелла. Статья 39-К.

- Статья 39-К. Чих нарушает порядок. За нарушение полагается статья. По статье следует наказание. Наказание влечёт изъятие. Изъятие означает конец. Вот и всё.

- Можно я пройду? - спросил Марк.

Голем задумался. Голем думал долго. Голем думал медленно. Голем думал так, как будто каждая мысль была для него открытием.

- Проходите, сказал он наконец. - Но помните: закон всегда рядом.

- Я помню, сказал Марк.

Он вошёл в лифт. Лифт был старым. Лифт был медленным. Лифт был единственным. Лифт вёл на минус третий уровень. Минус третий уровень означал, что над ним было три уровня бетона, три уровня стали и три уровня бюрократии. Бюрократия была тяжелее бетона. Бетон можно было взорвать. Бюрократию можно было только пережить.

Лифт остановился. Двери открылись. Коридор был длинным. Коридор был серым. Коридор был гулким. Гулкость была эхом. Эхо было звуком. Звук был жизнью. Марк тряхнул головой. Опять. Зараза.

Он пошёл по коридору. Паразит сидела на его плече. Она была в форме скрепки. Скрепка была прикреплена к лацкану пальто. Пальто было старым. Скрепка была новой. Новое и старое сочетались. Сочетание было стилем. Стиль был маскировкой. Маскировка была профессией. Марк остановился. Он считал шаги, чтобы не считать определения. Один шаг. Два шага. Три шага. Четыре. На пятом он сбился. На шестом сдался.

- Гравитация меняется каждые десять минут, сказала паразит. - Первое изменение будет боковым. Пол станет стеной. Стена станет полом. Держись за поручень. Поручень магнитный. Магниты работают.

- Я знаю, сказал Марк.

- Ты не знаешь. Ты думаешь, что знаешь. Это разные вещи. Знание приходит с опытом. Опыт приходит с ошибками.

Марк толкнул дверь зала. Дверь была тяжёлой. Дверь была дубовой. Дверь была с бронзовыми петлями. Дверь открылась со скрипом. Скрип был слышен на три квартала. Скрип был слышен даже големам наверху. Големы не обернулись. Големы знали: зал суда - особое место. Здесь закон работает. Или притворяется, что работает.

Зал был круглым. Не овальным, не квадратным, не прямоугольным. Круглым. Идеально круглым. Стены сходились вверху в купол. Купол был расписан фресками. Фрески изображали законодателей прошлого. Законодатели были нарисованы с суровыми лицами и длинными бородами. Бороды были символом мудрости. Мудрость была символом власти. Власть была символом закона. Закон был символом всего остального. Всё остальное было символом денег. Денег у Марка не было. У Марка был суп.

В центре зала стоял стол судьи. Стол был массивным. Стол был дубовым. Стол был с резными ножками. Ножки были в форме когтей. Когти были в форме статей. Статьи были в форме когтей. Всё было в форме всего остального. Это был юридический дизайн. Юридический дизайн был искусством. Искусство было страданием. Страдание было работой. Работа была жизнью.

Марк тряхнул головой. Он опять начал. Он посмотрел на паразита. Паразит смотрела на него с выражением лица, которое он мысленно назвал «профессиональное удовлетворение». Она наслаждалась. Она наслаждалась тем, что он начал думать как она. Это было заразно. Это было опасно. Это было профессиональное заболевание. Профессиональное заболевание было диагнозом. Диагноз был приговором. Приговор был жизнью. Марк остановился. Он считал до десяти. Потом до двадцати. Потом сдался.

За столом сидел судья-моллюск. Моллюск был серым. Моллюск был большим. Моллюск был медленным. Моллюск моргал раз в минуту. Моргание было единственным движением. Движение было единственным признаком жизни. Жизнь была единственным признаком судьи. Судья был единственным признаком закона.

Присяжные сидели в специальных креслах с ремнями. Кресла были привинчены к полу. Ремни были привинчены к креслам. Присяжные были привинчены к ремням. Всё было привинчено. Всё было закреплено. Всё было надёжно. Надёжность была иллюзией. Иллюзия была необходимостью.

Присяжные были телепатами. Телепаты читали мысли. Мысли были опасны. Опасность была реальной. Реальность была субъективной. Субъективность была профессиональной. Профессионализм был защитой. Защитой были свинцовые шапочки. Шапочки были тяжёлыми. Тяжесть была неудобной. Неудобство было ценой. Цена была жизнью.

Марк сел на скамью защитника. Скамья была деревянной. Скамья была жёсткой. Скамья была с подлокотниками. Подлокотники были холодными. Холод был нормальным. Норма была стандартом. Стандарт был законом.

Паразит спрыгнула с его плеча и села на стол. Она была в форме скрепки. Скрепка была маскировкой. Маскировка была профессией.

- Присяжный номер три думает о еде, сказала она. - Номер пять - о любви. Номер семь - ни о чём. Идеальный состав. Они не будут мешать. Они будут думать о своём. Мы будем думать о деле.

Марк кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что присяжные отвлечены. Он знал, что это шанс. Шанс был редкостью. Редкость была ценностью.

Пелл сидел на скамье подсудимых. Скамья была деревянной. Скамья была жёсткой. Скамья была без подлокотников. Без подлокотников было неудобно. Неудобство было наказанием. Наказание было превентивным. Превентивность была гуманной. Гуманность была юридической. Юридическая гуманность была оксюмороном. Оксюморон был профессией.

Марк посмотрел на Пелла. Пелл держался за поручень. Пелл был бледным. Пелл был испуганным. Пелл был клиентом. Клиент был человеком, которого нужно спасти. Спасти было работой. Работа была жизнью.

- Вы готовы? - спросил Марк.

- Нет, сказал Пелл. - Я никогда не буду готов. Я боюсь. Я боюсь гравитации. Я боюсь присяжных. Я боюсь моллюска. Я боюсь прокурора. Я боюсь всего.

- Это нормально. Страх нормален. Страх человечен. Но страх - не действие. Страх - не приговор.

Пелл посмотрел на него. Пелл посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Пелла.

- Не бойтесь, сказала она. - Мы вас защитим. Мы выиграем.

Пелл не выглядел утешенным. Пелл выглядел как человек, который ждёт приговора. Приговор был впереди. Приговор был сейчас.

Прокурор вошёл в зал. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица. Лицо было маской. Маска была профессией. Профессия была жизнью.

Прокурор сел на скамью обвинения. Скамья была деревянной. Скамья была жёсткой. Скамья была с подлокотниками. Подлокотники были холодными. Холод был нормальным.

Прокурор посмотрел на Марка. Прокурор улыбнулся. Улыбка была вежливой. Вежливость была оружием. Оружие было необходимостью.

Секретарь вошёл в зал. Секретарь был человеком с папкой. Папка была толстой. Толщина была объёмом. Объём был работой. Работа была жизнью. Секретарь сел за стол. Стол был маленьким. Маленькое было скромным. Скромность была добродетелью. Добродетель была редкостью. Редкость была ценностью.

Присяжные сидели в креслах. Присяжные смотрели на Марка. Марк смотрел на присяжных. Присяжные читали его мысли. Мысли были о супе. Суп был холодным. Холодный суп был обедом. Обед был роскошью. Роскошь была недоступна.

Гравитация изменилась. Пол стал стеной. Стена стала полом. Марк держался за поручень. Поручень держал Марка. Магниты работали. Магниты были друзьями. Друзья были редкостью.

Пелл вскрикнул. Пелл не удержался. Пелл упал на стену. Стена была полом. Пол был твёрдым. Твёрдость была болью. Боль была уроком. Урок был опытом. Опыт был жизнью.

Марк помог Пеллу встать. Пелл встал. Пелл держался за поручень. Поручень был спасением. Спасение было необходимостью.

- Держитесь, сказал Марк. - Это только начало.

- Я знаю, сказал Пелл. - Это только начало. Начало - половина дела. Вторая половина - конец. Конец - приговор.

Заседание началось с переклички. Секретарь читал список. Список был длинным. Список был скучным. Список был обязательным. Обязательность была процедурой. Процедура была законом.

- Судья-моллюск модели Мудрость-4, - прочитал секретарь.

- Здесь, сказал моллюск. Голос был шорохом. Шорох был медленным. Медленность была профессиональной.

- Прокурор Грайв, - прочитал секретарь.

- Здесь, сказал прокурор. Голос был серым. Серый цвет, маска, профессия - всё слилось в одно лицо без лица.

- Защитник Веллер, - прочитал секретарь.

- Здесь, сказал Марк. Голос был твёрдым. Твёрдость была решимостью. Решимость была необходимостью.

- Подсудимый Пелл, - прочитал секретарь.

- З-здесь, сказал Пелл. Голос был дрожащим. Дрожь была страхом. Страх был человечным.

- Присяжные: телепат Ортис, телепат Велла, телепат Гривс, телепат Мор, телепат Тин, телепат Крон, телепат Сай, - прочитал секретарь.

Марк перестал дышать. Потом начал снова - потому что без дыхания адвокат не может возражать, а без возражения адвокат - это мебель.

- Ортис? Велла? Гривс? - прошептал он. - Это те самые?

- Те самые, сказала паразит. - Все трое судей, выносивших приговоры по статье 39-К, сидят в присяжных по делу, которое эту статью проверяет. Это не совпадение. Бюрократия не признаёт совпадений. Бюрократия признаёт только круговую поруку. Судья, который однажды вынес приговор, всегда готов вынести его снова. Особенно если его об этом не просят.

- Они будут предвзяты.

- Они будут последовательны. Это хуже. Предвзятость можно обжаловать. Последовательность - нельзя.

Присяжные кивнули. Кивок был согласием. Согласие было обязанностью. Обязанность была процедурой.

Секретарь сел. Секретарь открыл папку. Папка была толстой. Толщина была объёмом. Объём был работой.

Судья-моллюск моргнул. Моргание было сигналом. Сигнал был началом. Начало было заседанием.

- Слово прокурору, сказал моллюск.

Прокурор встал. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица. Прокурор начал читать обвинение. Обвинение было длинным. Длина была объёмом. Объём был работой.

- Подсудимый Пелл, сказал прокурор. - Обвиняется в совершении деяния, предусмотренного статьёй 39-К. А именно: чих на заседании, приравненный к выражению неуважения. Время: четырнадцать часов шесть минут. Место: зал заседаний, сектор Б. Продолжительность: одна целая и две десятых секунды. Громкость: сорок два децибела. Характер: внезапный, однократный, с последующим прикрытием рта ладонью. Ладонь была. Прикрытие было. Но факт остаётся фактом. Наказание: изъятие голоса на три луны. Без права обжалования. Без права на помилование. Без права на апелляцию. Без права на что-либо. Суд всё.

Прокурор сел. Прокурор посмотрел на Марка. Марк посмотрел на прокурора. Прокурор улыбнулся. Улыбка была вежливой. Вежливость была оружием.

Пелл чихнул. Пелл не хотел чихать. Пелл чихнул случайно. Пелл чихнул громко. Пелл чихнул с подвизгом. Пелл чихнул под протокол. Чих был звуком. Звук был голосом. Голос был неуважением. Неуважение было статьёй. Статья была приговором. Приговор был жизнью.

Зал ахнул. Ах был звуком. Звук был голосом. Голос был неуважением.

Судья-моллюск изменил цвет. Серый стал розовым. Розовый был раздражением. Раздражение было эмоцией. Эмоция была человечной. Человечность была слабостью.

- Подсудимый, сказал моллюск. - Вы только что чихнули. В суде. Под протокол. Это подтверждает обвинение.

Марк встал. Марк был защитником. Защитник был адвокатом. Адвокат был профессией. Профессия была жизнью.

- Ваша честь, сказал Марк. - Мой клиент чихнул. Это факт. Мы не отрицаем факт. Мы отрицаем действие.

Моллюск моргнул. Моргание было вопросом. Вопрос был недоумением.

- Объясните, сказал моллюск.

- Чих - рефлекс. Рефлекс - не волеизъявление. Волеизъявление - не действие. Действия не было. Наказания быть не может.

Прокурор встал. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица.

- Возражение, сказал прокурор. - Рефлекс можно контролировать. Человек может сдержать чих. Если он не сдержал, значит, он не хотел сдерживать. Значит, это было действие.

Марк посмотрел на прокурора. Прокурор посмотрел на Марка. Марк улыбнулся. Улыбка была вежливой. Вежливость была оружием.

- Тогда почему вы чихаете? - спросил Марк.

Прокурор замолчал. Прокурор посмотрел на судью. Судья посмотрел на прокурора. Прокурор сел. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без ответа.

Присяжные переглянулись. Переглядывание было мыслями. Мысли были телепатией. Телепатия была доказательством. Доказательство было силой. Сила была правом. Право было законом.

Присяжный номер три подумал о еде. Присяжный номер пять подумал о любви. Присяжный номер семь подумал ни о чём. Идеальный состав. Идеальный состав был редкостью. Редкость была ценностью.

Паразит шепнула на ухо Марку:

- Присяжные думают о своём - идеальный состав для суда, который не хочет думать. Номер пять - о любви. Номер семь - ни о чём. Они не будут мешать. Мы будем думать о деле.

Марк кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что присяжные отвлечены. Он знал, что это шанс. Шанс был редкостью.

Гравитация изменилась. Пол стал потолком. Потолок стал полом. Марк держался за поручень. Поручень держал Марка. Магниты работали. Магниты были друзьями.

Пелл вскрикнул. Пелл не удержался. Пелл упал на потолок. Потолок был полом. Пол был твёрдым. Твёрдость была болью.

Марк кивнул. Он знал, что Пелл прав. Он знал, что это только начало. Он знал, что впереди будет больше. Больше гравитации. Больше перемен. Больше страха. Больше жизни.

Судья-моллюск смотрел на Марка. Моллюск моргнул. Моргание было вниманием. Внимание было оценкой. Оценка была судом.

- Защитник, сказал моллюск. - Вы можете продолжать.

Марк кивнул. Он посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на него. Паразит кивнула. Кивок был согласием. Согласие было договором. Договор был законом.

Марк начал говорить. Слова шли медленно. Слова всегда идут медленно, когда их нужно правильно расставить. Но они шли. Они складывались в предложения. Предложения складывались в аргументы. Аргументы складывались в речь. Речь складывалась в победу. Или в проигрыш. Одно из двух.

Марк произнёс речь. Речь была короткой. Речь была ясной. Речь была опасной. Опасность была в простоте. Простота была в цепочке.

- Ваша честь, сказал Марк. - Я начну с прецедентов. Статья 39-К применялась трижды. Первый прецедент: судья Ортис. Он постановил, что чих - рефлекс. Рефлекс не волеизъявление. Волеизъявление не действие. Действия не было. Наказания быть не может.

Моллюск моргнул. Моргание было вниманием. Внимание было оценкой. Оценка была судом.

- Второй прецедент: судья Велла. Она постановила, что чих - непроизвольное действие. Непроизвольное действие не подлежит наказанию. Даже если это действие, оно непроизвольное. Наказания быть не может.

Моллюск моргнул снова. Моргание было размышлением. Размышление было процессом. Процесс был временем.

- Третий прецедент: судья Гривс. Он постановил, что чих - звук. Звук не действие. Звук остаётся звуком. Неуважение требует намерения. Намерения не было. Наказания быть не может.

Прокурор встал. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица. Прокурор был человеком с возражением.

- Возражение, сказал прокурор. - Все три прецедента противоречат друг другу. Первый говорит, что чих - рефлекс. Второй говорит, что чих - действие. Третий говорит, что чих - звук. Если прецеденты противоречат, они не имеют силы.

Марк посмотрел на прокурора. Прокурор посмотрел на Марка. Марк улыбнулся. Улыбка была вежливой. Вежливость была оружием.

- Именно, сказал Марк. - Прецеденты противоречат. Противоречие даёт основание для пересмотра. Пересмотр даёт право. Право даёт закон. Закон даёт статью. Статья даёт вам право возражать. Вы противоречите сами себе. Это основание для отмены.

Прокурор замолчал. Прокурор посмотрел на судью. Судья посмотрел на прокурора. Прокурор сел. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без ответа.

- Возражение прокурора занесено, сказал секретарь. - Ответ защиты занесён. Противоречие занесено. Противоречие создаёт проблему. Проблема входит в дело.

Моллюск моргнул. В этом движении читался вопрос. Вопрос означал недоумение.

- Суд просит защиту объяснить, сказал моллюск. - Если прецеденты противоречат, какой из них верен?

Марк положил ладонь на поручень. Магниты щёлкнули.

- Ни один, сказал Марк. - И все. Прецеденты несовместимы, но все указывают на одно: закон не определил чих. Если закон не определил чих, закон не может наказывать за чих. Наказание требует определённости.

Прокурор встал снова. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица. Прокурор был человеком с новым возражением.

- Возражение, сказал прокурор. - Защита требует определённости, но сама не даёт определения. Защита говорит «рефлекс», но не доказывает, что чих был рефлексом. Нужен эксперт. Эксперт создаёт доказательство. Доказательство создаёт силу.

Моллюск моргнул. В этом движении читалось согласие. Согласие входило в обязанность. Обязанность входила в процедуру.

- Суд вызывает эксперта, сказал моллюск. - Эксперт по рефлексам, телепат-медик Дорн.

Эксперт Дорн встал. Он был худым, с длинными пальцами и глазами, которые смотрели не на людей, а сквозь них. Он положил руку на папку. Папка была тонкой. Тонкость означала специализацию.

- Чих - рефлекс, сказал Дорн. - Рефлекс - непроизвольная реакция. Но у рефлекса есть волевой тормоз. Тормоз можно включить. Тормоз можно не включить. Включение тормоза означает волеизъявление. Отсутствие включения не всегда означает волеизъявление. Иногда тормоз не успевает. Иногда тормоз слаб. Иногда тормоз отсутствует. Это медицина. Медицина создаёт факт. Факт создаёт доказательство.

- Значит, чих можно сдержать? - спросил прокурор.

- Можно, сказал Дорн. - Но не всегда. «Не всегда» не равно «всегда». «Не всегда» не означает намерение. Намерение означает «всегда». «Всегда» означает умысел. Умысел подпадает под статью.

- Значит, если подсудимый не сдержал, он не хотел сдерживать? - спросил прокурор.

- Нет, сказал Дорн. - Если подсудимый не сдержал, значит, тормоз не сработал. Тормоз означает тело. Тело неволя. Воля означает решение. Решение означает действие. Действия не было.

Прокурор посмотрел на Дорна. Дорн посмотрел на прокурора. Прокурор улыбнулся. Улыбка была вежливой. Вежливость была оружием.

- Но тормоз есть, сказал прокурор. - Если тормоз есть, значит, человек может решать. Если человек может решать, значит, он решил не тормозить. Решение означает действие. Действие подпадает под статью.

Марк встал.

- Возражение, сказал Марк. - «Может решать» не означает «решил». Возможность не факт. Факт создаёт доказательство. Доказательство создаёт намерение. Намерения нет. Есть тело. Тело не голосует. Тело чихает.

Гравитация изменилась. Пол стал стеной. Стена стала полом. Марк держался за поручень. Поручень держал Марка. Магниты работали.

Секретарь вскрикнул. Секретарь не удержался. Секретарь упал на стену. Стена была полом. Пол был твёрдым. Бумаги снова взмыли. Протокол снова рассыпался. Секретарь пополз собирать листы.

Секретарь собрал листы. Секретарь посмотрел на листы. Листы были не в порядке. Порядок был нарушен. Нарушение создавало проблему.

- Прошу занести, сказал прокурор. - В ходе смены гравитации подсудимый снова проявил рефлекс. Он почти чихнул. «Почти» означает повторение. Повторение означает систему. Система означает умысел. Умысел подпадает под статью.

- Возражение, сказал Марк. - Смена гравитации неволя подсудимого. Падение неволя подсудимого. Рефлекс неволя подсудимого. Если суд наказывает за падение, суд наказывает за гравитацию. Гравитация не статья. Гравитация означает среду. Среда не действие.

- Падение не оскорбляет суд, сказал прокурор. - Чих оскорбляет суд. Чих означает звук. Звук означает неуважение.

- Чих означает звук, сказал Марк. - Но неуважение требует намерения. Намерения нет. Звук остаётся звуком. Звук не действие. Звук означает звук.

Моллюск моргнул. В этом движении читалось внимание. Внимание означало оценку. Оценка означала суд.

- Прошу занести, сказал моллюск. - «Почти чих» занесён повторно. Повторность не равна системе. Повторность означает повторность. Повторность создаёт факт. Факт создаёт давление. Давление входит в процедуру.

Присяжные переглянулись. Переглядывание означало мысли. Мысли означали телепатию. Телепатия означала доказательство. Доказательство означало силу. Сила означала право. Право означало закон.

Присяжный номер три подумал о еде. Присяжный номер пять подумал о любви. Присяжный номер семь подумал ни о чём. Идеальный состав. Идеальный состав был редкостью. Редкость была ценностью.

Присяжный номер четыре, телепат Сел, подумал сомнение. Сомнение означало мысль. Мысль означала телепатию. Телепатия означала доказательство. Доказательство означало силу.

Прокурор встал. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица. Прокурор был человеком с телепатическим доказательством.

- Возражение, сказал прокурор. - Присяжный номер четыре сомневается. Сомнение означает мысль. Мысль означает доказательство. Доказательство означает силу. Сила означает право. Право означает закон. Присяжный сомневается в невиновности. Значит, невиновность не доказана.

Марк встал.

- Возражение, сказал Марк. - Мысль присяжного не доказательство вины подсудимого. Сомнение не факт. Сомнение означает сомнение. Сомнение работает в пользу подсудимого. Сомнение означает право. Право означает закон.

Моллюск моргнул. В этом движении читалось размышление. Размышление означало процесс. Процесс означал время.

- Суд постановил, сказал моллюск. - Мысль присяжного не доказательство. Мысль означает мысль. Доказательство означает факт. Факт означает чих. Чих был. Намерения нет. Наказания быть не может.

Прокурор посмотрел на моллюска. Моллюск посмотрел на прокурора. Прокурор сел. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без ответа.

Паразит шепнула на ухо Марку:

- Присяжные думают о своём. Идеальный состав для суда, который не хочет думать. Номер пять - о любви. Номер семь - ни о чём. Номер четыре сомневается. Сомнение полезно. Сомнение означает дверь. Дверь означает шанс. Шанс означает победу.

Марк кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что присяжные отвлечены. Он знал, что это шанс. Шанс был редкостью.

Судья-моллюск задумался. Моллюск думал сорок минут. Зал ждал. Гравитация менялась четыре раза. Пол становился потолком. Потолок становился стеной. Стена становилась полом. Пелл бледнел. Пелл держался за поручень. Пелл боялся чихнуть. Пелл боялся, что чих вырвется. Пелл сдерживался. Сдерживание было усилием. Усилие было подвигом. Подвиг был незаметным. Незаметность была трагедией.

Паразит шептала:

- Он думает. Это хороший знак. Моллюск думает, значит, сомневается. Сомневается, значит, не уверен. Не уверен, значит, не накажет. Наказание требует уверенности.

Секретарь сидел тихо. Секретарь держал папку. Папка была толстой. Толщина означала объём. Объём означал работу. Работа входила в обязанность. Обязанность входила в процедуру.

Прокурор сидел тихо. Прокурор был человеком в сером. Прокурор был человеком без лица. Прокурор был человеком без ответа.

Присяжные сидели тихо. Присяжные думали. Присяжный номер три думал о еде. Присяжный номер пять думал о любви. Присяжный номер семь думал ни о чём. Присяжный номер четыре сомневался. Сомнение означало дверь. Дверь означала шанс. Шанс был редкостью.

Моллюск моргнул. Моллюск вынес решение.

- Суд постановил: оправдан по статье 39-К. Но предупреждён. Предупреждение не наказание. Суд предупреждает: не чихайте в суде. Это неприлично. Но это не преступление. Суд всё.

Пелл заплакал. Пелл плакал громко. Пелл плакал счастливо. Слёзы были водой. Вода означала жизнь. Жизнь означала свободу. Свобода была редкостью.

Марк вышел из зала. Паразит сидела на его плече. Паразит улыбалась. Улыбка была профессиональной.

- Первая победа, сказала она. - Маленькая. Как чих.

- Победа есть победа, сказал Марк.

- Но это только начало. Наследство ждёт. Заговор ждёт. Статья ждёт. Всё ждёт. Мы только начали.

Марк кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что это только начало. Он знал, что впереди будет больше. Больше судов. Больше статей. Больше заговоров. Больше побед. Больше проигрышей. Больше жизни.

Они пошли домой. Дом был кабинетом. Кабинет был шкафом. Шкаф был жизнью. Жизнь была судом. Суд был завтра. Завтра было сегодня. Сегодня было сейчас.

Глава 3. «Наследство и встречный иск»

Дорога от Дворца Правосудия до кабинета заняла у Марка вдвое больше времени, чем обычно. Он не спешил. После зала с переменной гравитацией, после сорока минут моллюскового раздумья, после слёз Пелла и запаха свинцовых шапочек ему хотелось просто идти по улице, чувствуя, как под ногами твёрдый - обычный, не меняющийся - асфальт. Улица Параграфов в этот час была почти пуста: редкие прохожие скользили вдоль стен, как будто надеялись, что их не заметят. Марк шёл посередине. Паразит сидела у него на плече в форме скрепки и молчала. Это было необычно. Обычно она комментировала всё - от фасона пальто встречных до качества булыжников под ногами. Но сейчас она молчала, и Марк не мешал ей. Он знал, что она думает. Мысли у неё были тяжёлые, как мокрые бумаги, и она перебирала их медленно, чтобы не порвать.

У двери кабинета он остановился. Дверь была старой, с облупившейся краской и ручкой, которую давно следовало заменить. Марк взялся за ручку, но не повернул. Он постоял секунду, потом другую. Паразит на плече шевельнулась.

- Что? - спросила она.

- Ничего. Просто… - Марк пожал плечами. - После суда всегда так. Как будто возвращаешься не домой, а в декорацию.

- Это нормально. Суд - это театр. Только зрители не аплодируют, а приговаривают. И декорации меняются каждые десять минут.

Марк усмехнулся и толкнул дверь. Кабинет встретил его запахом холодного чая, пыли и той особой затхлостью, которая бывает в помещениях, где давно не открывали окон - даже если окно было дырой. Он снял пальто, повесил его на гвоздь, и паразит тут же перебралась с плеча на спинку стула, приняв свою обычную форму - маленького пушистого существа с папкой вместо хвоста.

Марк первым делом открыл журнал. Журнал лежал на столе, придавленный той самой наглой папкой, которая снова свисала с края.

Прежде чем писать, он посчитал. Похороны - через две недели. Заседание съело три дня: день на библиотеку, день на подготовку, день на суд. Оставалось одиннадцать. Одиннадцать дней - это много для адвоката и мало для наследства. Наследство не ждало. Наследство лежало в архиве и гнило вместе с бумагами. Бумаги гнили медленно. Наследство - быстрее. Наследство всегда гниёт быстрее бумаг, потому что оно - единственное, что в этом городе пахнет деньгами.

Марк записал на первой странице: «До похорон - одиннадцать дней». Потом подумал и добавил: «Считать каждый день. Журнал не забудет. Журнал помнит всё».

Он освободил журнал, открыл его на первой странице и взял перо. Перо было старым, с трещиной на корпусе, но чернила в нём ещё оставались - бледные, упрямые.

«Пелл. Дело выиграно. Статья 39-К. Оправдан. Предупреждён. Гонорар: полторы банки супа. Долг: не закрыт. Наследство: не найдено. Заговор: не раскрыт».

Он писал медленно, тщательно выводя каждую букву. Паразит сидела на столе и читала через плечо, как строгий учитель, который проверяет диктант.

- Ты забыл написать, что мы молодцы, сказала она.

- Мы молодцы, - согласился Марк. - Но это не юридический факт.

- Это факт. Просто не юридический. Юридические факты имеют свойство забываться. Неюридические - нет.

Марк поставил точку и закрыл журнал. Он посмотрел на полку, где стояли банки с супом. Одна банка, полторы. Половину Пелл забрал с собой сказал, что кошка обрадуется. Марк не спорил. Кошки в этом городе были редкостью, и радовать их стоило.

- У нас одна банка супа, сказал он.

- У нас одна банка супа, - согласилась паразит. - И один выигранный суд. И одно нераскрытое наследство. И один неизвестный заговорщик.

- Ты умеешь подбодрить.

- Я умею считать. Это разные вещи.

Марк сел за стол. Он достал папку Пелла - тонкую, серую, с загнутыми уголками. В ней лежали копии документов: завещание, протокол заседания, уведомление об обвинении. Бумаги пахли пылью и старым клеем. Марк перебирал их, чувствуя под пальцами шероховатость страниц, и вдруг поймал себя на мысли, что делает это слишком медленно. Как будто боится найти что-то, что перевернёт всё с ног на голову. Или наоборот - боится не найти.

Паразит спрыгнула со стола и подошла к нему. Она принюхалась к папке, потом к бумагам, потом к его рукам.

- Здесь что-то есть, сказала она. - Я чувствую запах. Запах бумаги. Запах чернил. Запах чего-то ещё.

- Чего?

- Не знаю. Но что-то. Дай мне папку.

Паразит взяла папку, запустила морду внутрь и замерла. Потом подняла голову. В её глазах было что-то, чего Марк давно не видел: не азарт, а узнавание.

- Запах стал сильнее, сказала она. - Кто-то вырвал страницу. Не из этой папки. Из книги. Из той книги, которую я помню. Я не помню, что на ней было написано. Я помню только, что её вырвали. И что вырвали её не просто так. Вырывают не для того, чтобы скрыть. Вырывают для того, чтобы использовать.

- Кто?

- Потом. Сначала наследство. Наследство пахнет так же, как эта страница. Это плохой знак. Хорошие знаки пахнут супом. Плохие - чернилами и страхом.

Марк протянул ей папку. Паразит взяла её передними лапами - осторожно, как берут чужую ошибку, - и открыла. Она запустила морду внутрь, шурша бумагами, и на несколько секунд замерла. Потом подняла голову. В её глазах было что-то, чего Марк давно не видел: азарт.

- Здесь список, сказала она. - Список претендентов на наследство. Пелл его оформлял. Он сохранил копию. Наверное, на всякий случай. Пелл - из тех людей, которые хранят всё, потому что боятся потерять даже то, что им не нужно.

Марк взял бумагу. Она была старой, помятой, с пометками на полях - чьими-то каракулями, которые, возможно, были важны, а возможно, просто следами нервного тика. На бумаге было написано: «Претенденты на наследство: 1. Пелл. 2. Крелл. 3. Мара. 4. Ганн».

- Крелл, сказал Марк. - Мара. Ганн. Кто они?

- Не знаю. Но имена - это начало. Имена - это ниточки. Ниточки ведут к клубку. Клубок ведёт к заговору.

Марк записал в блокнот: «Крелл. Мара. Ганн. Претенденты на наследство. Подозреваемые». Потом подчеркнул «подозреваемые» дважды. Потом посмотрел на строчку и добавил сбоку: «Проверить адреса. Проверить связи. Проверить всё».

- Нам нужно больше информации, сказал он. - Нам нужны адреса. Нам нужны связи. Нам нужно всё.

- Нам нужен архив, сказала паразит. - Архив хранит документы. Документы хранят информацию. Информация хранит правду. Иногда правда - это просто хорошо подшитая ложь, но и это лучше, чем ничего.

- Архив - это Мара, сказал Марк. - Она архивариус. Она хранит документы. Она знает всё.

- Значит, мы начнём с неё. Или с Крелла. Или с Ганна. Один из них - заговорщик. Один из них знал про статью. Один из них организовал обвинение.

Марк посмотрел на паразита. Она смотрела на него. В её глазах не было привычной насмешки. Только сосредоточенность.

- А если они все заодно? - спросил он.

- Тогда у нас большая проблема. Но большая проблема - это большая лазейка. Лазейка - это моя специальность.

Марк вздохнул. Он лёг на кушетку. Кушетка была старой, пружины продавились, и одна из них предательски скрипнула, когда он устроился. Марк привык. Он даже находил в этом скрипе что-то успокаивающее: если кушетка скрипит, значит, она ещё жива.

Паразит сидела на шкафу и смотрела в окно. Окно было дырой. Дыра была источником света. Свет был серым, но в этот час он казался почти уютным - как будто день, устав от перемен, решил просто побыть серым.

- Завтра будет новый день, сказала паразит. - Новый день будет новой главой. Новая глава будет новой проблемой.

- А новая проблема?

- Новая проблема будет новой жизнью.

Марк закрыл глаза. Он думал о Пелле. О том, как тот плакал - громко, счастливо, не стесняясь. О том, как он держал платок, комкая его в руках. О том, как он сказал: «Спасибо». Это «спасибо» было тяжёлым, как мокрая бумага. Марк думал о наследстве. О том, кто хочет его получить. О том, что будет дальше. Он думал о паразите. О том, как она изменилась за эти дни - стала спокойнее, глубже, как будто столкнулась с чем-то, что заставило её замолчать. Он не знал, что это было. Но чувствовал: это что-то важное.

Он открыл глаза. Паразит смотрела на него со шкафа.

- Ты боишься? - спросил он.

- Боюсь.

- Чего?

- Того, что мы не найдём заговорщика. Того, что Пелл потеряет наследство. Того, что мы проиграем.

- Мы не проиграем.

- Ты уверен?

- Не уверен. Но другого пути нет.

В дверь постучали. Стук был тихим, но настойчивым. Марк открыл. На пороге стояла Дана. Она была в форме. Форма была свежей. Свежесть формы означала, что Дана пришла с работы.

- Я слышала, вы выиграли, сказала она. - Дело Пелла. Оправдан.

- Выиграли, сказал Марк. - Но это только начало.

- Знаю. Наследство. Я слышала краем уха. Кто-то хочет получить его вместо Пелла.

- Кто-то, кто знал про статью 39-К. Кто-то, кто знал про чих. Кто-то, кто знал про похороны.

Дана вошла в кабинет. Она села на кушетку. Кушетка была старой. Пружины продавились. Дана не обратила на это внимания.

- У меня есть информация, сказала она. - Наследодатель умер две недели назад. Похороны через неделю. Завещание странное. Но оно законное. Все претенденты на наследство должны чихнуть на похоронах. Кто первый чихнёт, тот и получит.

- Кто претенденты?

- Пелл. И ещё трое. Двое мужчин. Одна женщина. Все они знали наследодателя. Все они были в его доме за день до смерти.

- Кто-то из них заговорщик?

- Не знаю. Но кто-то из них точно знал про статью 39-К. Потому что кто-то организовал обвинение Пелла. Кто-то нанял прокурора. Кто-то подал иск.

Марк сел за стол. Он открыл блокнот. Он записал: «Трое претендентов. Двое мужчин. Одна женщина. Все были в доме наследодателя. Кто-то из них заговорщик».

- Что ты собираешься делать? - спросила Дана.

- Искать. Кто-то из них оставил след. Кто-то из них говорил с прокурором. Кто-то из них знал про статью.

- Это опасно.

- Опасно. Но другого пути нет.

Дана встала. Она посмотрела на Марка. Долго.

- Я могу помочь. У меня есть доступ к архивам. Я могу найти их имена. Адреса. Всё.

- Спасибо.

- Не благодари. Я делаю это не для тебя. Я делаю это потому, что если ты проиграешь, я останусь одна. А одна я не справлюсь.

Она вышла. Дверь закрылась.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- Она хорошая, сказала паразит. - Она помогает.

- Она помогает, потому что ей выгодно. Это не то же самое, что хорошая.

- Это лучше, чем ничего. По крайней мере, она честна в своих мотивах. Доброта часто притворяется, а выгода - нет.

Марк откинулся на спинку стула. Стул скрипнул. Он посмотрел на кушетку. Кушетка была старой. Пружины продавились. Он привык.

Ортис жил в доме для юридически недееспособных. Дом стоял на окраине города. Дом был большим. Дом был старым. Дом был тихим. Тишина была густой. Густая тишина давила на уши.

Марк толкнул дверь. Дверь была деревянной. Дерево было старым. Старое дерево скрипело. Скрип был слышен на весь коридор.

Ортис сидел в кресле. Кресло было сросшимся с телом. Тело было покрыто текстом. Текст был мелким. Текст был ровным. Текст шевелился.

- Ты пришёл, сказал Ортис. - Я ждал.

- Знал, что я приду?

- Знал. Ты всегда приходишь, когда проблема.

Марк сел напротив. Паразит устроилась на подлокотнике. Она молчала. Молчание было непривычным.

- Расскажи мне про статью 39-К, сказал Марк. - Всё, что знаешь.

Ортис поднял голову. Слепые глаза смотрели мимо.

- Статья 39-К старая. Её написал Гривс. Ты это знаешь. Но ты не знаешь, зачем.

- Зачем?

- Гривс был судьёй. Плохим судьёй. Он судил по настроению. Настроение у него было плохое. Всегда. Он ненавидел людей. Особенно тех, кто чихал.

- Почему?

- Потому что его укусила муха. На заседании. Он чихнул. Судья, который вёл заседание, решил, что это неуважение. Гривса оштрафовали. Он пошёл домой, напился и написал статью. Статья была местью.

- И статья была принята?

- Статья была принята. Потому что Гривс был не единственным, кто ненавидел чихающих. В парламенте было много таких. Они проголосовали.

- И что случилось?

- Статью начали применять по-разному. Одни судьи говорили, что чих - рефлекс. Другие называли его действием. Третьи объявляли звуком. Четвёртые - оскорблением. Пятые - болезнью. Шестые - заговором. Седьмые - чихом. Восьмые молчали. Девятые чихали.

- А Гривс?

- Гривс судил по своей статье. Он вынес три приговора. Все три обвинительные. Все три против клерков. Он мстил.

- А потом?

- Потом Гривс умер. Он чихнул на собственных похоронах. Никто не знал, что это значит. Статья осталась. Она спала. Она ждала.

- И её разбудили.

- Её разбудили. Кто-то использует её. Кто-то применяет её. Кто-то изымает голоса. Кто-то мстит. Кто-то продолжает дело Гривса.

Марк записал: «Кто-то использует статью. Кто-то мстит. Кто-то хочет, чтобы все чихающие страдали».

- Кто это может быть? - спросил он.

- Кто-то, кто знает статью. Кто-то, кто знает Гривса. Кто-то, кто знает, как изымать голоса. Кто-то, кто имеет доступ к суду. Кто-то, кто имеет доступ к клеркам. Кто-то, кто имеет доступ к наследству.

- К наследству?

- Пелл оформлял наследство. Наследство странное. Наследодатель оставлял всё тому, кто первым чихнёт на его похоронах. Кто-то хочет получить наследство. Кто-то хочет, чтобы Пелл не чихнул.

- Кому?

- Тому, кто чихнёт первым. Если Пелл не сможет, чихнёт кто-то другой. Кто-то, кто организовал это дело. Кто-то, кто знал про статью 39-К.

Марк закрыл блокнот.

- Это заговор, сказал он.

- Это юридический заговор. Самый опасный вид заговора. Потому что он законный. Или почти законный.

- Как мы его раскроем?

- Мы его не раскроем. Мы его выиграем. В суде. Публично. С доказательствами. С прецедентами. С аргументами. С лазейками. С тобой.

Марк посмотрел на него.

Марк встал. Паразит спрыгнула с подлокотника. Они пошли к двери.

- Ортис, сказал Марк. - Мне нужен судья. Такой, который не боится. Такой, который готов слушать.

Ортис поднял голову. Слепые глаза остановились на Марке.

- Ты просишь меня?

- Прошу.

- Я старый. Я слепой. Я в отставке.

- Ты справедливый. Этого достаточно.

Ортис задумался. Он думал долго. Долго значит медленно. Медленно значит осторожно.

- Хорошо. Я вернусь. В порядке исключения. Один раз. Ради Пелла.

Марк кивнул. Он не стал благодарить. Благодарность была бы лишней. Ортис это знал. Марк это знал. Они оба знали.

Они вышли из дома. Улица была длинной. Улица была серой. Улица была пустой.

На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

- Он нас пропустит? - спросила паразит.

- Пропустит. У нас есть право.

- Какое право?

- Право искать правду.

Голем моргнул. Моргание было знаком. Знак был поддержкой.

Они прошли. Дом был близко. Дом был кабинет. Кабинет был шкаф.

Дома иск ждал. Иск лежал под столом. Иск светился спокойным зелёным.

Марк сел на стул. Паразит спрыгнула со стола. Она подошла к Марку.

- Ты знаешь, что самое странное? - спросила она.

- Что?

- То, что Ортис согласился. Он старый. Он слепой. Он в отставке. Но он согласился. Это что-то значит.

- Что?

- Что справедливость важнее страха. Даже для старика. Даже для слепого. Даже для отставного.

Марк посмотрел на неё. Она смотрела на него.

- Ты изменилась, сказал он.

- Изменилась. Первый законодатель передал мне память. И страх. Настоящий.

- И что теперь?

- Теперь я боюсь. Но не так, как раньше. Раньше я боялась проиграть. Теперь я боюсь того, что мы можем сделать.

- Что мы можем сделать?

- Всё. У нас в руках оружие. Настоящее. Не юридическое. Настоящее.

Марк встал. Он подошёл к окну.

- Завтра, сказал он. - Завтра суд. Завтра всё изменится.

- Изменится. Но не всё. Некоторые вещи останутся прежними.

- Какие?

- Совесть. Правда. Вопросы. Они останутся. Они всегда остаются.

Ночь была длинной. Марк не спал. Он думал.

Утро началось со стука. Марк открыл дверь. На пороге стояла Дана. В форме. С папкой.

- Проблема, сказала она. - Большая.

- Какая?

- Канцелярия узнала. Они готовят встречный иск. Против нас. За незаконное ведение процесса.

- Незаконное?

- Да. Они говорят, что процесс Грайва не имеет силы. Что он был изъят. Что его документы недействительны.

- Они врут.

- Врут. Но у них есть власть. Власть даёт силу. Сила даёт право.

Марк посмотрел на документ. Документ был живым. Документ дышал.

- Что будем делать?

- Бороться. Бороться значит судиться. Судиться значит побеждать.

- Или проигрывать.

- Или проигрывать. Но мы не проиграем. У нас есть правда. Правда даёт силу.

Марк вздохнул. Он посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- Ты боишься? - спросила она.

- Боюсь. Боюсь потерять. Потерять значит не найти.

- Мы найдём.

- Найдём значит выиграем. Выиграем значит победим. Победим значит изменим.

Марк улыбнулся. Он посмотрел на документ. Документ дышал. Дыхание было медленным. Медленное дыхание означало, что документ ждёт. Ждать значит надеяться. Надеяться значит жить.

- Идём. Нам нужно подготовиться.

Дома Марк разложил на столе всё, что у них было. Копию встречного иска. Записи из журнала. Список претендентов на наследство. Печать первого законодателя. И банку супа, которую никто так и не открыл.

Паразит сидела на столе. Она смотрела на документы. Она молчала. Молчание было густым. Густое молчание давило на уши.

- Начнём с иска, сказал Марк. - Канцелярия утверждает, что процесс Грайва не имеет силы. Почему?

- Потому что Грайв был изъят. Изъятый не может вести процесс. Изъятый не может быть представителем. Изъятый не может ничего.

- Но мы выиграли. Суд признал процесс действительным.

- Суд признал. Канцелярия не признала. Канцелярия всегда может сказать, что суд ошибся. Суд не истина. Суд - мнение. Мнение можно оспорить.

- Как оспорить?

- Через новый суд. Новый суд даёт новое мнение. Новое мнение отменяет старое. И так до бесконечности.

Марк сел на стул. Стул был жёстким. Он уже привык.

- Значит, мы будем судиться вечно.

- Не вечно. Пока кто-то не устанет. Или пока кто-то не умрёт.

- Кто устанет первым?

- Канцелярия. У неё больше ресурсов, но меньше времени. Начальник старый. Он не вечен. Когда он уйдёт, Канцелярия изменится.

- А если он не уйдёт?

- Тогда мы поможем ему уйти. Юридически. Через суд.

Марк посмотрел на неё. Долго.

- Ты предлагаешь судить начальника?

- Я предлагаю судить его действия. Не его самого. Действия можно судить. Человека нельзя. Человек вне юрисдикции. Действия в юрисдикции.

- Это опасно.

- Опасно. Но другого пути нет.

В дверь постучали. Стук был тихим, но настойчивым. Марк открыл. На пороге стояла Дана. Она была в форме. Форма была мятой. Мятая форма означала бессонную ночь.

- Проблема, сказала она. - Большая.

- Какая?

- Канцелярия закрыла дело Грайва. Официально. Процедурно. Без объяснений.

- Как закрыла?

- Приказом. Приказ подписан начальником. Приказ вступил в силу. Дело закрыто. Все документы изъяты. Все свидетели изъяты. Всё изъято.

Марк побледнел. Побледнеть человеку было легко.

- Когда?

- Сегодня утром. Пока мы были у Ортиса.

- Кто-нибудь видел приказ?

- Я видела. Мне показали. Подпись настоящая. Печать настоящая. Всё настоящее.

Марк сел на кровать. Кровать была жёсткой.

- Что теперь?

- Теперь всё сложнее. Без дела Грайва у нас нет процесса. Без процесса у нас нет суда. Без суда у нас нет приговора.

- А наследство?

- Наследство отдельно. Наследство не зависит от дела Грайва. Наследство зависит от похорон. Похороны через неделю. Нам нужно выиграть до похорон.

- Или Пелл не получит наследство.

- Или Пелл не получит наследство.

Паразит спрыгнула со стола. Она подошла к Дане.

- Кто подписал приказ?

- Начальник.

- Кто его видел?

- Я.

- Кто ещё?

- Никто. Приказ был в единственном экземпляре. Его показали мне и забрали.

- Значит, копии нет.

- Копии нет.

Паразит задумалась. Она думала недолго.

- Тогда мы создадим копию. Через суд. Суд может запросить приказ. Если приказ существует, суд его увидит. Если суд его увидит, мы его запомним. Если мы его запомним, мы его восстановим.

- Это долго.

- Это быстро. Суд требует времени. Время уходит. Но другого пути нет.

- Хорошо. Завтра идём к Ортису. Он вернулся. Он может судить. Он может запросить приказ.

- Ортис старый. Он может не выдержать.

- Он выдержит. Он уже согласился.

Дана подошла. Она держала папку. Папка была толстой.

- У меня есть список свидетелей. Тех, кто видел приказ. Тех, кто слышал о приказе. Тех, кто может подтвердить.

- Сколько их?

- Трое. Может, четверо. Они боятся. Но они могут говорить.

- Тогда идём к ним. Завтра. Сегодня отдых.

Дана кивнула. Она вышла. Дверь закрылась.

Марк сел на стул. Паразит спрыгнула со стола. Она подошла к нему.

- Ты знаешь, что самое странное? - спросила она.

- Что?

- То, что начальник закрыл дело. Это значит, что он боится. Боится не нас. Боится правды. Правда сильнее его.

- И что?

- И то, что если он боится, мы можем использовать его страх. Страх делает людей слабыми. Слабые люди ошибаются. Ошибки мы используем.

Глава 4. «Иск, который не должен был существовать»

Марк вышел из зала суда с чувством, которое осторожно назвал «подозрительной лёгкостью». Чувство было знакомым. Оно появлялось каждый раз, когда дело выигрывалось слишком быстро. Слишком быстро означало, что где-то есть подвох. Подвох был законом жанра. Жанр был юридическим. Юридический жанр был опасен.

Пелл шёл рядом. Пелл всё ещё вытирал слёзы. Платок был мокрым насквозь. Пелл плакал с той интенсивностью, которая бывает у людей, впервые за долгое время услышавших слово «оправдан».

- Спасибо, говорил Пелл. Спасибо. Спасибо. Я не знаю, как вас благодарить. Я замолвлю слово. Я знаю людей. Я знаю судей. Я знаю всех. Я замолвлю.

- Замолвите, сказал Марк. Только не переусердствуйте. Слово может поранить. Особенно если его много.

Пелл кивнул. Пелл не понял. Пелл был счастлив. Счастливые люди не понимают предостережений. Счастливые люди понимают только счастье.

Пелл ушёл. Коридор был длинным. Коридор был пустым. Коридор был гулким. Шаги Пелла стихли. Тишина стала плотной. Плотность была тревогой. Тревога была предчувствием.

Паразит сидела на плече Марка. Она была в форме скрепки. Скрепка была прикреплена к лацкану пальто. Пальто было старым. Скрепка была новой. Она молчала. Молчание было необычным. Паразит обычно не молчала. Паразит обычно говорила. Говорила много. Говорила часто. Говорила громко.

- Странно, сказала она наконец. Слишком легко. Я ждала подвоха. Подвох приходит, когда всё идёт хорошо. Слишком хорошо. А потом бац. И всё плохо.

- Ты всегда ждёшь подвоха.

- Я всегда жду подвоха, потому что подвох всегда есть. Это закон. Закон подвоха. Он не записан в Кодексе. Но он действует. Ещё как действует.

Марк остановился. Он посмотрел на коридор. Коридор был длинным. Коридор был пустым. Коридор был слишком пустым. В таком коридоре должна была быть хотя бы одна уборщица. Уборщицы были везде. Уборщицы были гарантией нормальности. Отсутствие уборщицы было нарушением нормы.

- Где уборщица? спросил Марк.

- Уборщица ушла, сказала паразит. Уборщица знает. Уборщицы всегда знают. Они видят то, чего не видят судьи. Они слышат то, чего не слышат прокуроры. Они уходят первыми.

Подвох пришёл через минуту. Подвох был иск. Иск был мутантом. Иск был светящимся. Иск был зубастым. Иск был с гербовой печатью вместо глаза. Печать была глазом. Глаз был зрением. Зрение было правдой. Правда была силой. Сила была правом. Право было законом. Закон был всем. Всё было законом.

Иск вполз в коридор. Он был большим. Он был страшным. Он был голодным. Голод был мотивом. Мотив был действием. Действие было иском. Иск был жизнью.

- Это что? спросил Марк.

- Это иск-мутант, сказала паразит. Иск, который мутировал. Мутация даёт изменение. Изменение даёт эволюцию. Эволюция даёт жизнь.

Иск остановился. Иск посмотрел на Марка. Иск улыбнулся. Улыбка была зубастой. Зубы были острыми. Острота была опасностью. Опасность была реальностью. Реальность была субъективной.

- Это не иск, сказала паразит. Это конверт. Внутри что-то спрятано. Спрятанное даёт тайну. Тайна даёт силу.

- Что?

- Не знаю. Но что-то. Что-то важное. Что-то опасное. Что-то живое.

Иск вполз в зал. Иск подполз к столу судьи. Иск положил печать на стол. Печать была глазом. Глаз смотрел на моллюска. Моллюск смотрел на глаз. Моллюск изменил цвет. Серый стал фиолетовым. Фиолетовый был ужасом. Ужас был эмоцией. Эмоция была человечной. Человечность была слабостью. Слабость была судьёй. Судья был моллюском. Моллюск был судьёй. Судья был жизнью.

Марк вернулся в зал. Он не хотел возвращаться. Он хотел уйти. Уйти было бы разумно. Разумно было бы уйти. Но разумность была редкостью. Редкость была ценностью. Ценность была жизнью.

Паразит сидела на плече. Паразит смотрела на иск. Паразит была напряжена. Напряжение было готовностью. Готовность была необходимостью. Необходимость была жизнью.

- Это иск против прокурора Грайва, сказал иск. Голос был скрипучим. Скрип был звуком. Звук был голосом. Голос был иском.

Моллюск моргнул. Моргание было вопросом. Вопрос был недоумением.

- Грайв мёртв, сказал моллюск. Мёртвых не судят. Иск аннулируется автоматически.

Секретарь проверил реестр. Секретарь побледнел. Секретарь был человеком с папкой. Папка была толстой. Толщина была объёмом. Объём был работой.

- Грайв числится живым, сказал секретарь. Юридически.

Моллюск изменил цвет. Фиолетовый стал чёрным. Чёрный был шоком. Шок был эмоцией. Эмоция была человечной. Человечность была слабостью.

- Как это возможно? спросил моллюск.

- Я не знаю, сказал секретарь. Но это факт. Грайв жив. Юридически. Фактически мёртв. Это противоречие. Противоречие даёт основание для пересмотра.

Моллюск задумался. Моллюск думал сорок минут. Зал ждал. Гравитация менялась четыре раза. Иск ждал. Иск был терпеливым. Терпение было добродетелью. Добродетель была редкостью. Редкость была ценностью.

Марк стоял. Марк не мог уйти. Уйти было бы нарушением процедуры. Процедура была законом. Закон был всем. Всё было законом.

- Суд постановил, сказал моллюск. Назначить представителем жертвы Марка Веллера. В порядке исключения. Исключение не правило. Исключение остаётся исключением. Суд всё.

Марк посмотрел на моллюска. Моллюск посмотрел на Марка. Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- Я не просил, сказал Марк.

- Вы адвокат, сказал моллюск. Это ваша обязанность. Обязанность даёт долг. Долг даёт жизнь.

- Поздравляю, сказала паразит. Ты теперь поводок для хищника. Хищник даёт проблему. Проблема даёт работу. Работа даёт жизнь.

Марк вздохнул. Вздох был звуком. Звук был голосом. Голос был жизнью. Он вздохнул снова. Второй вздох был повторением. Повторение было рефреном. Рефрен был приёмом. Приём был литературой. Литература была искусством. Искусство было страданием. Страдание было жизнью.

- Хорошо, сказал он. Что теперь?

- Теперь иск прикрепляется. Прикрепление даёт процедуру. Процедура даёт закон.

Иск прикрепился к Марку. Буквально. Светящаяся нить тянулась от печати к его руке. Нить была тонкой. Нить была прочной. Нить была живой. Живость была свойством. Свойство было качеством. Качество было ценностью.

- Не дёргай, сказала паразит. Он привязан. Как собака. Только собаки не едят людей. Обычно.

- Он ест людей?

- Он ест всё. Он иск. Иски голодны. Голод даёт мотив. Мотив даёт действие. Действие даёт жизнь.

Марк посмотрел на нить. Нить светилась. Свет был тусклым. Тусклость была усталостью. Усталость была состоянием. Состояние было временным.

- Что теперь? спросил Марк.

- Теперь домой, сказала паразит. Иск нужно накормить. Накормить значит успокоить. Успокоить значит контролировать. Контроль даёт жизнь.

- Чем кормить?

- Бумагой. Иски едят бумагу. Бумага даёт документы. Документы дают доказательства. Доказательства дают силу.

Марк кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что иск нужно кормить. Он знал, что иск даёт проблему. Проблема даёт работу. Работа даёт жизнь.

Они пошли домой. Дом был кабинет. Кабинет был шкаф. Шкаф был жизнью. Жизнь была судом. Суд был завтра. Завтра было сегодня. Сегодня было сейчас.

Иск полз за Марком. Иск светился. Иск был голодным. Голод даёт мотив. Мотив даёт действие. Действие даёт жизнь.

Дорога домой была длинной. Дорога была опасной. Дорога была юридической. На каждом перекрёстке стояли регулировщики. Регулировщики были големами. Големы были бюрократами. Бюрократы были законом.

Первый регулировщик остановил Марка. Регулировщик был големом из бетона. Бетон был материалом. Материал был прочным. Прочность была надёжностью. Надёжность была иллюзией.

- Предъявите документы, сказал голем. Голос был скрежетом.

Марк предъявил документы. Документы были в порядке. Порядок был процедурой. Процедура была законом.

- Что это? спросил голем, указывая на иск. Иск светился. Свет был тусклым. Тусклость была усталостью.

- Это мой иск, сказал Марк. Я представитель жертвы. Жертва это прокурор. Прокурор даёт врага. Враг даёт проблему.

- Представитель жертвы даёт должность. Должность даёт обязанность. Обязанность даёт долг. Долг даёт жизнь. Проходите. Но помните: закон всегда рядом.

Марк прошёл. Второй регулировщик остановил его через квартал. Второй регулировщик был големом из стали. Сталь была материалом. Материал был прочным. Прочность была надёжностью. Надёжность была иллюзией.

- Предъявите документы, сказал голем. Голос был лязгом.

Марк предъявил документы. Документы были в порядке. Порядок был процедурой. Процедура была законом.

- Что это? спросил голем, указывая на иск.

- Это мой иск, сказал Марк. Я представитель жертвы.

- Представитель жертвы даёт должность. Должность даёт обязанность. Обязанность даёт долг. Долг даёт жизнь. Проходите.

Марк прошёл. Третий регулировщик остановил его через два квартала. Третий регулировщик был големом из стекла. Стекло было материалом. Материал был прозрачным. Прозрачность была честностью. Честность была редкостью.

- Предъявите документы, сказал голем. Голос был звоном.

Марк предъявил документы. Документы были в порядке. Порядок был процедурой. Процедура была законом.

- Что это? спросил голем, указывая на иск.

- Это мой иск, сказал Марк. Я представитель жертвы.

- Представитель жертвы даёт должность. Должность даёт обязанность. Обязанность даёт долг. Долг даёт жизнь. Проходите.

Марк прошёл. Дом был близко. Дом был кабинет. Кабинет был шкаф. Шкаф был жизнью.

Дома иск устроился под столом. Иск свернулся клубком. Иск светился тускло. Иск ждал. Ждать даёт терпение. Терпение даёт добродетель.

Иск лежал под столом. Иск был большим. Иск был светящимся. Иск был зубастым. Зубы были острыми. Острота была опасностью.

Марк сел на пол. Пол был холодным. Холодный пол был нормальным.

- Он вырос, сказала паразит. Утром он был размером с кошку. Сейчас размером с собаку. Собака даёт страх. Страх даёт уважение.

- Он ест мою мебель, сказал Марк. Мебель даёт убыток. Убыток даёт проблему.

- Он ест твою мебель, потому что он голоден. Голод даёт мотив. Мотив даёт действие. Но он ест не только мебель. Он ест что-то ещё. Что-то внутри него.

- Что?

- Не знаю. Но что-то. Что-то, что он проглотил. Что-то, что он хранит. Что-то, что он охраняет. Охрана даёт защиту.

Паразит подошла к иску. Иск зарычал. Рычание было звуком. Звук был голосом. Голос был предупреждением.

- Не подходи, сказала паразит. Он охраняет. Охрана даёт инстинкт.

- Он охраняет что-то внутри себя, сказал Марк. Что-то, что он проглотил. Что-то, что он не хочет отдавать.

- Именно. Прятать даёт скрытность. Скрытность даёт тайну. Тайна даёт силу.

Марк подошёл к иску. Иск зарычал снова. Рычание было громче. Громкость была интенсивностью. Интенсивность была силой.

- Я представитель, сказал Марк. Представитель имеет право на осмотр. Осмотр даёт процедуру. Процедура даёт закон.

Иск зарычал тише. Рычание было сомнением. Сомнение было вопросом. Вопрос был недоумением.

- Он признаёт твоё право, сказала паразит. Но не полностью. Он признаёт тебя как представителя. Но не как хозяина. Хозяин даёт собственность. Собственность даёт право.

- Я не хочу быть хозяином. Я хочу быть адвокатом. Адвокат даёт профессию.

- Тогда осматривай. Осматривать даёт действие. Действие даёт жизнь.

Марк присел на корточки. Иск смотрел на него. Глаз был печатью. Печать была глазом. Глаз был зрением.

Марк протянул руку. Иск не укусил. Иск позволил. Позволение было согласием. Согласие было договором. Договор был законом.

Марк коснулся печати. Печать была тёплой. Тепло было жизнью. Печать пульсировала. Пульс был ритмом. Ритм был жизнью.

- Там что-то есть, сказал Марк. Что-то внутри. Что-то живое. Что-то, что ждёт.

- Что ждёт? спросила паразит.

- Открытия. Открытие даёт действие.

- Тогда открой. Открывать даёт действие.

Марк нажал на печать. Печать открылась. Открытие было механическим. Механическое было физикой. Физика была наукой. Наука была знанием. Знание было силой.

Внутри печати был конверт. Конверт был маленьким. Маленькое было скромным. Скромность была добродетелью.

Марк достал конверт. Конверт был запечатан. Печать была гербовой. Герб был символом. Символ был властью.

- Это печать Грайва, сказала паразит. Я узнаю её. Я видела её раньше. Раньше даёт прошлое. Прошлое даёт историю.

- Грайв запечатал что-то внутри иска. Что-то, что он хотел спрятать. Что-то, что он хотел сохранить. Что-то, что он хотел передать.

- Передать кому?

- Не знаю. Но что-то. Что-то важное. Что-то опасное. Что-то живое.

Марк попытался открыть конверт. Конверт не открылся. Конверт был запечатан юридически. Юридическая печать даёт силу. Сила даёт право. Право даёт закон.

- Нужен судебный ордер, сказала паразит. Ордер даёт разрешение. Разрешение даёт право.

- Где взять ордер?

- В суде. Суд даёт процесс. Процесс даёт процедуру. Процедура даёт закон.

Марк вздохнул. Вздох был звуком. Звук был голосом. Голос был жизнью. Он вздохнул снова. Второй вздох был повторением.

- Хорошо, сказал он. Идём в суд.

- Идти даёт действие. Действие даёт жизнь.

- Ты можешь не комментировать каждое моё слово?

- Могу. Но не буду. Привычка даёт стиль.

Марк взял конверт. Конверт был тёплым. Тепло было жизнью. Он положил конверт в карман. Карман даёт место. Место даёт пространство.

Иск под столом смотрел на него. Глаз был печатью. Печать была глазом. Глаз был зрением.

- Он знает, что мы взяли конверт, сказала паразит. Он позволил. Позволение даёт согласие. Согласие даёт договор.

- Почему он позволил?

- Потому что он хочет, чтобы мы открыли. Открытие даёт действие. Он хочет, чтобы мы узнали. Узнать даёт знание. Знание даёт силу.

- Что мы узнаем?

- Правду. Правда даёт силу. Сила даёт право. Право даёт закон.

Марк посмотрел на конверт. Конверт был маленьким. Маленькое было скромным. Скромность была добродетелью. Конверт ждал. Ждать даёт терпение. Терпение даёт добродетель.

Ночь была длинной. Длинное даёт продолжительность. Продолжительность даёт время. Время даёт жизнь.

Марк не спал. Марк думал. Думать даёт процесс. Процесс даёт время.

Паразит сидела на шкафу. Паразит смотрела в окно. Окно было тёмным. Тёмное даёт ночь.

Иск спал под столом. Иск светился. Иск был сытым. Сытость даёт довольство. Довольство даёт покой.

Утро началось с того, что Марк обнаружил на столе записку. Записка была написана почерком паразита. Почерк был мелким. Мелкое было бисерным. Бисерное было нотариальным. Нотариальное было профессиональным.

Записка гласила: «Ушла в суд за ордером. Не жди. Если не вернусь к обеду, ищи в архиве. Там пахнет плесенью и мной».

Марк вздохнул. Он налил себе чаю. Чай был холодным. Холодный чай был нормой. Норма была стандартом.

Он сел за стол. Он открыл журнал. Журнал назывался «Безнадёжные дела». Журнал был толстым. Толщина даёт объём.

Он записал: «Иск-мутант. Конверт Грайва. Ордер. Суд. Проблемы».

Потом подумал и добавил: «Большие проблемы».

Суд выдал ордер. Ордер был документом. Документ был бумагой. Бумага была доказательством. Доказательство было силой.

Судья-моллюск выдал ордер неохотно. Неохота была эмоцией. Эмоция была человечной. Человечность была слабостью.

- Вы понимаете, что делаете? спросил моллюск. Голос был шорохом.

- Понимаю, сказал Марк. Я вскрываю конверт. Конверт даёт доказательство. Доказательство даёт силу.

Моллюск моргнул. Моргание было вопросом. Вопрос был недоумением.

- Вы говорите как паразит, сказал моллюск.

- Я работаю с паразитом. Работа даёт жизнь.

- Это профессиональное заболевание?

- Да. Профессиональное заболевание даёт диагноз. Диагноз даёт приговор.

Моллюск моргнул снова. Моргание было размышлением. Размышление было процессом. Процесс был временем.

- Ордер выдан, сказал моллюск. Но с оговоркой. Оговорка даёт условие. Условие даёт ограничение. Вы можете вскрыть конверт только в присутствии свидетеля. Свидетель даёт гарантию. Гарантия даёт закон.

- Кто свидетель?

- Я, сказал моллюск. Я буду свидетелем.

Марк кивнул. Кивок был согласием. Согласие было договором. Договор был законом.

Они вошли в зал. Зал был круглым. Круг был формой. Форма была структурой. Структура была порядком.

Гравитация была нормальной. Норма была стандартом. Стандарт был законом.

Марк положил конверт на стол. Стол был дубовым. Дуб был материалом. Материал был ценностью.

Моллюск смотрел на конверт. Конверт был маленьким. Маленькое было скромным. Скромность была добродетелью.

Паразит сидела на плече Марка. Она была в форме скрепки. Скрепка была маскировкой. Маскировка была профессией.

- Открывай, сказала она. Открывать даёт действие.

Марк открыл конверт. Открытие было механическим. Механическое было физикой. Физика была наукой.

Внутри конверта был документ. Документ был страницей. Страница была вырвана. Вырванное было утраченным. Утраченное было потерей. Потеря была болью.

Страница была живой. Живое было жизнью. Страница дышала. Дыхание было ритмом. Ритм был жизнью.

- Это страница из Кодекса, сказала паразит. Я узнаю её. Я видела её раньше. Раньше даёт прошлое.

Марк прочитал страницу. Страница была статьёй. Статья была 39-К. Но текст был другим. Текст был длиннее. Текст был полнее. Текст был настоящим.

- Это оригинал, сказала паразит. Оригинал статьи 39-К. До того, как её сократили. До того, как её исказили. До того, как её использовали.

Марк читал. Текст был длинным. Длина была объёмом. Объём был работой.

«Статья 39-К. О чихании в суде. Чих рефлекс. Рефлекс не волеизъявление. Волеизъявление не действие. Действия не было. Наказания быть не может. Настоящая статья защищает чихающих. Настоящая статья гарантирует право на чих. Настоящая статья запрещает преследование за чих. Настоящая статья даёт защиту, а не наказание».

Марк замолчал. Молчание было тишиной. Тишина была паузой.

- Её переписали, сказала паразит. Кто-то взял оригинал и переписал его. Переписал так, чтобы статья защищала не чихающих, а суд. Чтобы статья наказывала, а не защищала. Чтобы статья была оружием, а не щитом.

- Кто переписал?

- Тот, кто хотел власти. Власть даёт силу. Сила даёт право.

Моллюск смотрел на страницу. Моллюск был судьёй. Судья был моллюском. Моллюск моргнул. Моргание было шоком. Шок был эмоцией.

- Это меняет дело, сказал моллюск. Менять даёт действие.

- Это меняет всё, сказала паразит. Всё даёт закон.

Марк посмотрел на страницу. Страница дышала - живая, как всё в этом городе, где даже бумага не хотела быть просто бумагой.

- Мы нашли доказательство, сказал Марк. Доказательство даёт силу.

- Мы нашли больше, сказала паразит. Мы нашли мотив. Мотив даёт причину. Кто-то переписал статью. Кто-то использовал её. Кто-то изымал голоса. Кто-то мстил. Кто-то хотел власти.

Моллюск закрыл глаза. Глаза были органом. Орган был зрением. Зрение было правдой.

- Суд откладывается, сказал моллюск. Откладываться даёт действие. Суд вернётся к делу, когда будут изучены все доказательства.

Марк кивнул. Кивок был согласием. Согласие было договором.

Он вышел из зала. Паразит сидела на его плече. Паразит улыбалась. Улыбка была профессиональной.

- Мы нашли что-то важное, сказала она. Важное даёт ценность. Ценность даёт жизнь.

- Мы нашли что-то опасное, сказал Марк. Опасное даёт угрозу. Угроза даёт риск.

- Опасное и важное совпадают. Совпадение даёт тождество. Тождество даёт закон.

Марк вздохнул. Вздох был звуком. Звук был голосом. Голос был жизнью. Он вздохнул снова. Второй вздох был повторением.

- Что дальше? спросил он.

- Дальше иск, сказала паразит. Иск даёт проблему. Иск видел, что мы нашли. Иск знает, что мы знаем. Иск ждёт. Ждать даёт терпение.

- Чего он ждёт?

- Он ждёт, что мы будем делать. Делать даёт действие. Он хочет знать, на чьей мы стороне. Сторона даёт выбор. Выбор даёт жизнь.

- Мы на стороне закона.

- Закон даёт всё. Но закон бывает разный. Разный даёт множество. Множество даёт сложность. Мы на стороне правильного закона. Правильный даёт справедливость. Справедливый даёт редкость.

Марк кивнул. Он знал, что она права. Он знал, что закон бывает разный. Он знал, что правильный закон даёт редкость. Он знал, что редкость даёт ценность. Он знал, что ценность даёт жизнь.

Они вернулись в кабинет. Иск ждал под столом. Иск светился. Иск был голодным. Голод даёт мотив. Мотив даёт действие.

Марк сел на пол. Пол был холодным. Холодный пол был нормальным.

- Мы нашли то, что ты охранял, сказал Марк. Нашли даёт действие.

Иск моргнул. Моргание было реакцией. Реакция была ответом. Ответ был согласием.

- Ты знал, что внутри, сказала паразит. Ты охранял это. Охрана даёт защиту.

Иск моргнул снова. Моргание было подтверждением. Подтверждение даёт согласие.

- Ты хочешь, чтобы мы использовали это, сказал Марк. Использовать даёт действие.

Иск моргнул в третий раз. Третий раз был подтверждением.

- Ты хочешь, чтобы мы пошли против Кодекса, сказала паразит. Против даёт оппозицию. Оппозиция даёт конфликт.

Иск моргнул в четвёртый раз. Четвёртый раз был подтверждением.

- Это опасно, сказал Марк. Опасно даёт риск.

Иск моргнул в пятый раз. Пятый раз был подтверждением.

- Но это правильно, сказала паразит. Правильно даёт справедливость.

Иск моргнул в шестой раз. Шестой раз был подтверждением.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка. Иск смотрел на обоих. Глаз был печатью. Печать была глазом.

- Мы заключили союз, сказал Марк. Союз даёт соглашение. Соглашение даёт договор.

- Юридически безупречный, сказала паразит. Морально ужасный. Ужас даёт эмоцию. Эмоция даёт человеческое.

- Я знаю, сказал Марк. Но у нас нет выбора. Выбор даёт альтернативу. Альтернатива даёт жизнь.

- Выбор всегда есть, сказала паразит. Выбор даёт свободу. Свобода даёт право.

- Тогда какой выбор?

- Бороться или бежать. Бороться даёт действие. Бежать даёт действие.

- Я не умею бегать.

- Я знаю. Поэтому мы будем бороться. Бороться даёт действие.

Марк кивнул. Кивок был согласием. Согласие было договором.

Иск под столом светился ярче. Яркость была интенсивностью. Интенсивность была силой.

- Он доволен, сказала паразит. Довольство даёт удовлетворение. Удовлетворение даёт покой.

- Хорошо, сказал Марк. Что дальше?

- Дальше план. План даёт стратегию. Стратегия даёт действие. Мы должны использовать оригинал статьи. Использовать даёт действие.

- Как?

- Публично. Публичность даёт гласность. Гласность даёт право. Мы подадим иск против Кодекса. Иск даёт требование. Требование даёт право.

- Против Кодекса?

- Против статьи 39-К. Статья даёт норму. Норма даёт правило. Мы докажем, что статья была искажена. Искажение даёт преступление. Преступление даёт нарушение.

- Кто её исказил?

- Тот, кто хотел власти. Власть даёт силу. Сила даёт право.

- У нас есть доказательства?

- У нас есть оригинал. Оригинал даёт доказательство. Доказательство даёт силу.

- Этого достаточно?

- Нет. Но это начало. Начало даёт половину дела. Вторая половина даёт конец. Конец даёт приговор. Приговор даёт жизнь.

Марк вздохнул. Вздох был звуком. Звук был голосом. Голос был жизнью. Он вздохнул снова. Второй вздох был повторением.

- Хорошо, сказал он. Я готов.

- Ты не готов, сказала паразит. Но это не важно. Никто не готов. Готовность даёт миф. Реальность даёт суд. Суд даёт хаос.

Марк начал писать. Писать даёт действие. Слова шли медленно. Медленно даёт скорость. Скорость даёт время.

Паразит сидела на столе. Она смотрела на Марка. Она видела то, чего не видел Марк. Она видела будущее. Будущее было зубастым. Зубастое даёт опасность.

Иск спал под столом. Иск светился спокойным зелёным. Иск был сытым. Сытость даёт довольство.

Ночь была длинной. Длинное даёт продолжительность.

Марк не спал. Марк писал. Писать даёт действие.

- Ты знаешь, что самое страшное? спросила паразит.

- Что? спросил Марк.

- То, что мы нашли оригинал. Оригинал даёт правду. Правда даёт силу. Но правда не всегда даёт добро. Добро даёт редкость. Правда может быть опасной. Опасное даёт риск.

Марк посмотрел на неё. Паразит посмотрела на Марка. В кабинете было тихо. Тихо даёт тишину. Тишина даёт паузу.

Дома иск ждал. Иск сидел под столом. Иск светился. Свет был тусклым. Тусклость была усталостью. Усталость была состоянием. Состояние было временным.

Марк вошёл в кабинет. Кабинет был маленьким. Маленькое было тесным. Тесное было неудобным.

Иск посмотрел на Марка. Глаз был печатью. Печать была глазом. Глаз был зрением.

Марк сел на пол. Пол был холодным. Холод был нормальным.

- Мы нашли то, что ты охранял, сказал Марк. Нашли. Это действие. Действие даёт жизнь.

Иск моргнул. Моргание было реакцией. Реакция была ответом. Ответ был согласием.

- Ты знал, что внутри, сказала паразит. Ты охранял это. Охрана даёт защиту.

Иск моргнул снова. Моргание было подтверждением.

- Ты хочешь, чтобы мы использовали это, сказал Марк. Использовать даёт действие.

Иск моргнул в третий раз. Третий раз был подтверждением.

- Ты хочешь, чтобы мы пошли против Кодекса, сказала паразит. Против даёт оппозицию. Оппозиция даёт конфликт.

Иск моргнул в четвёртый раз. Четвёртый раз был подтверждением.

- Это опасно, сказал Марк. Опасно даёт риск.

Иск моргнул в пятый раз. Пятый раз был подтверждением.

- Но это правильно, сказала паразит. Правильно даёт справедливость.

Иск моргнул в шестой раз. Шестой раз был подтверждением.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка. Иск смотрел на обоих. Глаз был печатью. Печать была глазом.

- Мы заключили союз, сказал Марк. Союз даёт соглашение. Соглашение даёт договор.

- Юридически безупречный, сказала паразит. Морально ужасный. Ужас даёт эмоцию. Эмоция даёт человеческое.

- Я знаю, сказал Марк. Но у нас нет выбора. Выбор даёт альтернативу. Альтернатива даёт жизнь.

- Выбор всегда есть, сказала паразит. Выбор даёт свободу.

- Тогда какой выбор?

- Бороться или бежать. Бороться даёт действие. Бежать даёт действие.

- Я не умею бегать.

- Я знаю. Поэтому мы будем бороться. Бороться даёт действие.

Марк кивнул. Кивок был согласием. Согласие было договором.

Иск под столом светился ярче. Яркость была интенсивностью. Интенсивность была силой.

- Он доволен, сказала паразит. Довольство даёт удовлетворение. Удовлетворение даёт покой.

- Хорошо, сказал Марк. Что дальше?

- Дальше план. План даёт стратегию. Стратегия даёт действие. Мы должны использовать оригинал статьи. Использовать даёт действие.

- Как?

- Публично. Публичность даёт гласность. Гласность даёт право. Мы подадим иск против Кодекса. Иск даёт требование. Требование даёт право.

- Против Кодекса?

- Против статьи 39-К. Статья даёт норму. Норма даёт правило. Мы докажем, что статья была искажена. Искажение даёт преступление.

- Кто её исказил?

- Тот, кто хотел власти. Власть даёт силу.

- У нас есть доказательства?

- У нас есть оригинал. Оригинал даёт доказательство.

- Этого достаточно?

- Нет. Но это начало. Начало даёт половину дела. Вторая половина даёт конец. Конец даёт приговор.

Марк вздохнул. Вздох был звуком. Звук был голосом. Голос был жизнью. Он вздохнул снова. Второй вздох был повторением.

- Хорошо, сказал он. Я готов.

- Ты не готов, сказала паразит. Но это не важно. Никто не готов. Готовность даёт миф. Реальность даёт суд. Суд даёт хаос.

Марк начал писать. Писать даёт действие. Слова шли медленно. Медленно даёт скорость. Скорость даёт время.

Паразит сидела на столе. Она смотрела на Марка. Она видела то, чего не видел Марк. Она видела будущее. Будущее было зубастым.

- Ты знаешь, что самое страшное? спросила паразит.

- Что? спросил Марк.

- То, что мы нашли оригинал. Оригинал даёт правду. Правда даёт силу. Но правда не всегда даёт добро. Добро даёт редкость. Правда может быть опасной. Опасное даёт риск.

Марк посмотрел на неё. Паразит посмотрела на Марка. В кабинете было тихо. Тихо даёт тишину. Тишина даёт паузу.

Утро началось с гостя. Гость был человеком в сером. Человек в сером был без знаков различия. Без знаков различия означало анонимность. Анонимность давала тайну. Тайна давала силу.

Гость стоял в дверях. Дверь была открыта. Открытость давала доступ. Доступ давал право.

- Марк Веллер? спросил гость. Голос был нейтральным. Нейтральность давала баланс. Баланс давал равновесие. Равновесие давало порядок.

- Да, сказал Марк. Я Марк Веллер.

- Я из Канцелярии. У нас есть вопросы. Вопросы дают запрос. Запрос даёт процедуру.

- Какие вопросы?

- По поводу иска. Иск даёт требование. Требование даёт право. Вы представитель жертвы. Жертва даёт потерпевшего. Вы вскрыли конверт. Конверт даёт тайну. Тайна даёт секрет. Это было несанкционированно. Несанкционированно даёт нарушение.

- У меня был ордер. Ордер даёт разрешение. Разрешение даёт право. Судья-моллюск выдал ордер.

- Ордер был выдан на вскрытие конверта. Но не на копирование. Копирование даёт действие.

- Я не копировал. Я только прочитал. Чтение даёт действие.

- Чтение даёт доступ. Доступ даёт право. Вы получили доступ к информации. Информация даёт знание. Знание даёт силу. Это может быть использовано против вас. Против даёт оппозицию.

- Это угроза? Угроза даёт предупреждение. Предупреждение даёт защиту.

- Это факт. Факт даёт доказательство. Доказательство даёт силу.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она встала между Марком и гостем. Она была маленькой. Маленькое было скромным. Скромность была добродетелью.

- Вы из Канцелярии, сказала она. Но у вас нет полномочий. Полномочия дают право. Вы не предъявили документов. Документы дают доказательства.

Гость посмотрел на неё. Гость улыбнулся. Улыбка была вежливой. Вежливость была оружием.

- Паразит, сказал гость. Паразит даёт сущность. Вы не имеете статуса. Статус даёт положение.

- У меня есть статус, сказала паразит. Я легальный паразит. Легальный даёт законность. Я получила статус после дела Пелла. Судья-моллюск подписал указ. Указ даёт документ.

Гость посмотрел на Марка. Марк посмотрел на гостя. Гость посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на гостя. В кабинете было тихо. Тихо даёт тишину. Тишина даёт паузу.

- Хорошо, сказал гость. Я уйду. Уходить даёт действие. Но я вернусь. Возвращаться даёт действие. С документами. Документы дают доказательства.

Гость ушёл. Дверь закрылась. Закрытие даёт действие.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка. Иск под столом светился тревожным жёлтым. Жёлтый даёт цвет. Цвет даёт сигнал. Сигнал даёт тревогу.

- Это плохо, сказала паразит. Плохо даёт проблему.

- Насколько плохо?

- Настолько, насколько может быть. Канцелярия даёт учреждение. Учреждение даёт организацию. Канцелярия служит рукой Кодекса. Рука даёт инструмент. Инструмент даёт оружие.

- Кодекс знает, что мы нашли оригинал.

- Кодекс знает. Знать даёт знание. И Кодекс будет действовать. Действовать даёт действие.

- Что он сделает?

- Он пошлёт кого-то. Кто-то даёт агента. Агент даёт исполнителя. Он пошлёт икса. Икс даёт неизвестное. Неизвестное даёт опасность.

- Икса?

- Икса. Того, кто изымает. Изъятие даёт действие. Того, кто сделал Грайва изъятым.

Марк посмотрел на оригинал статьи. Оригинал был страницей. Страница была живой. Страница ждала. Ждать даёт терпение.

- Мы должны действовать быстро, сказал Марк. Быстро даёт скорость.

- Мы должны действовать умно, сказала паразит. Умно даёт стратегию.

- У нас есть план?

- У нас есть начало плана. Начало даёт половину дела. Вторая половина даёт конец.

Марк вздохнул. Вздох был звуком. Звук был голосом. Голос был жизнью. Он вздохнул снова. Второй вздох был повторением.

- Хорошо, сказал он. Давай начнём. Начинать даёт действие.

- План, сказал Марк. План даёт стратегию.

- План прост, сказала паразит. Простота даёт силу. Мы подаём иск. Иск даёт требование. Против статьи 39-К. Статья даёт норму. Мы докажем, что статья была искажена. Искажение даёт преступление.

- Как мы это докажем?

- Оригиналом. Оригинал даёт доказательство. Мы представим оригинал суду. Суд даёт процесс.

- А если суд откажется?

- Суд не откажется. Отказ даёт нарушение. Оригинал даёт доказательство. Суд не может отказать в рассмотрении доказательства.

- А если Канцелярия вмешается?

- Канцелярия может вмешаться. Вмешательство даёт действие. Но у нас есть козырь. Козырь даёт преимущество.

- Какой козырь?

- Ты. Ты даёшь адвоката. Адвокат даёт профессию. Ты умеешь говорить. Говорить даёт действие. Ты умеешь убеждать. Убеждать даёт действие.

- Это не козырь. Это работа.

- Работа даёт жизнь. Работа даёт козырь.

Марк посмотрел на оригинал. Оригинал лежал на столе. Оригинал был страницей. Страница была живой. Страница ждала. Ждать даёт терпение.

- Мы подадим иск завтра, сказал Марк. Завтра даёт время.

- Завтра, согласилась паразит. Завтра даёт время.

Иск под столом проснулся. Иск светился. Иск смотрел на Марка. Глаз был печатью. Печать была глазом.

- Он согласен, сказала паразит. Согласие даёт договор.

- Хорошо, сказал Марк. Тогда спать. Спать даёт отдых.

- Спать даёт действие. Действие даёт жизнь.

Марк лёг на кушетку. Кушетка была старой. Старое даёт возраст. Он закрыл глаза. Глаза были органом. Орган давал зрение.

Утро началось со стука. Стук был звуком. Звук был голосом. В дверь стучали. Стучать даёт действие.

Марк открыл дверь. Дверь была деревянной. Дерево было материалом. На пороге стояла женщина. Женщина была в форме. Форма была одеждой. Одежда была идентификацией.

У женщины было три сердца. Сердца были органами. Органы давали жизнь. Сердца бились. Биение давало ритм.

- Инспектор Дана Ортис, сказала женщина. У меня ордер на осмотр. Осмотр даёт процедуру.

Марк посмотрел на неё. Она посмотрела на него. Иск под столом зарычал. Рычание было звуком. Звук был голосом. Голос был предупреждением.

- У вас есть иск, сказала Дана. Иск даёт проблему. Я слышала о вас. Слышать даёт знание. Я здесь, потому что у меня тоже проблемы.

- Какие проблемы?

- Дело Грайва. Грайв был прокурором. Прокурор даёт человека в сером. Его закрыли сверху. Закрыть даёт действие.

- Закрыли?

- Процедурно. Процедурно даёт законность. Но я не верю. Верить даёт эмоцию.

- Что вы предлагаете?

- Обмен. Обмен даёт сделку. Сделка даёт договор. У меня есть доступ к телу. Тело даёт доказательство. У вас есть корешок и иск. Корешок даёт доказательство. Иск даёт доказательство.

- Что вы хотите?

- Правду. Правда даёт силу. Я хочу знать, кто убил Грайва. Убить даёт действие.

- Грайв не убит. Он изъят. Изъятый даёт статус.

Дана посмотрела на него. Дана улыбнулась. Улыбка была профессиональной.

- Вот поэтому я здесь, сказала она. Вы знаете больше, чем говорите. Говорить даёт действие. Я хочу знать то, что знаете вы. Знать даёт знание.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка. Иск под столом светился. Свет был тусклым.

- Хорошо, сказал Марк. Давайте поговорим. Говорить даёт действие.

- Говорить даёт начало, сказала Дана. Начало даёт половину дела.

Они сели за стол. Стол был деревянным. Дерево было материалом. Разговор начался. Начало даёт действие.

Вечером пришла Дана. Она не стала стучать. Вошла, бросила папку на стол и села, не сняв пальто.

- Я нашла кое-что, сказала она. В архивах Канцелярии. Я взяла отпуск. Отпуск даёт свободное время.

- Что в папке?

- Список. Список всех, кого судили по статье 39-К. Всех, кого изъяли. Всех, кого убили.

Марк взял папку. Папка была тяжёлой. Тяжесть давала объём.

Он открыл её. Список был длинным. Длинный список был ужасным.

- Сколько их?

- Тридцать семь. Тридцать восемь. Ортис. Тридцать девять. Грайв.

- Тридцать девять?

- Тридцать девять. И это только те, кого нашли. Может быть, больше.

Марк закрыл папку. Он посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- Теперь у нас есть всё, сказал Марк. Статья. Право. Документ. Список. Свидетель. Иск.

- Всё, согласилась паразит.

- Тогда идём в суд. Публичный. С доказательствами. С приговором.

- Идём. Но сначала нужно подготовиться.

- Подготовиться даёт собрать всё.

Они вышли из кабинета.

На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

- Он нас пропустит? спросила Дана.

- Пропустит. Мы не нарушаем.

- Почему?

- Потому что мы идём по улице. Улица общая.

Голем не двинулся. Голем не остановил.

Они прошли. Дворец Правосудия был близко.

Ночь перед заседанием. Марк сидел за столом. Стол был деревянным. Стол был жёстким.

Паразит сидела на шкафу. Она смотрела пристально на Марка.

- Ты чего? спросил Марк.

- Думаю.

- О чём?

- О том, что я не сказала. О том, что я должна сказать.

- Говори.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она подошла к столу. Она села напротив Марка.

- Я была частью Кодекса, сказала она. Когда-то. Давно. Я была статьёй. Статьёй 113. Совестью закона.

- Ты говорила.

- Говорила. Но не всё. Я была не просто статьёй. Я была первой статьёй. Самой первой. До меня был только хаос.

- И что случилось?

- Первый законодатель вырвал меня. Он вырвал меня из Кодекса и из себя. Он бросил меня в мир. Я стала паразитом. Я стала есть ошибки. Я стала выживать.

- Почему он тебя вырвал?

- Потому что я мешала. Совесть мешает. Совесть задаёт вопросы. Вопросы требуют ответов. Ответы требуют времени. Время стоит денег. Деньги стоят власти.

- А власть?

- Власть не любит вопросов.

Марк посмотрел на неё. Паразит смотрела на него.

- Ты помнишь, как он тебя вырвал?

- Помню. Я помню руки. Они были тёплыми. Они держали меня. Потом они меня вырвали.

- Ты помнишь лицо?

- Не помню. Я помню только руки. И холод. И крик.

- Чей крик?

- Мой.

Марк встал. Он подошёл к окну. Окно было узким.

- Ты хочешь вернуться?

- Не знаю. Я боюсь возвращаться. Возвращение даёт изменение. Изменение даёт риск.

- А если не вернёшься?

- Тогда статья останется неполной. Неполная статья не действует. Не действующая статья не защищает.

- А если вернёшься?

- Тогда я стану статьёй. Статья не паразит. Статья даёт закон. Закон даёт совесть.
- Ты хочешь быть совестью?
- Не знаю. Совесть тяжела. Совесть даёт ответственность. Ответственность даёт боль.

Марк посмотрел на неё. Паразит посмотрела на Марка.

- Ты не обязана возвращаться, сказал он. Ты можешь остаться.
- Могу. Но не уверена, что захочу.
- Почему?
- Потому что совесть важнее. Совесть важнее меня. Совесть важнее всего.

Марк сел обратно за стол. Он открыл журнал. Он записал: «Паразит была статьёй 113. Совестью закона. Первый законодатель вырвал её. Она боится возвращаться. Но совесть важнее».

- Что теперь? спросил он.
- Теперь суд. Завтра. В полдень.
- Ты будешь свидетельствовать?
- Буду. Я расскажу всё. Как меня вырвали. Как я стала паразитом. Как я выживала.
- Это опасно.
- Опасно. Но другого пути нет.

Марк не спал. Он сидел за столом. Он смотрел на Кодекс. Кодекс был толстым. Толстый Кодекс был тяжёлым.

Он открыл Кодекс. Он начал читать.

Он читал статью за статьёй. Статьи были длинными.

Он читал час. Потом два. Потом три.

К утру Марк дочитал до конца. Конец был последней страницей.

На последней странице был мелкий шрифт.

Марк прочитал: «Настоящий Кодекс вступает в силу с момента, когда его дочитают до конца».

Марк замолчал. Он посмотрел на паразита.

- Ты дочитал, сказала она.
- Дочитал.
- Что-то включилось.
- Что?
- Не знаю. Но что-то.

Марк почувствовал, как что-то изменилось. Что-то в комнате. Что-то в нём. Что-то в Кодексе.

Кодекс засветился. Свет был тусклым.

- Что это? спросил Марк.
- Это Кодекс. Он проснулся.
- И что теперь?
- Теперь он действует. Полностью.
- Это хорошо?
- Это опасно. Опасность была всегда. Но теперь она стала больше.

Марк закрыл Кодекс. Кодекс был тёплым.

- Завтра суд, сказал он.
- Завтра суд, согласилась паразит.

Марк встал. Он взял пальто. Пальто было старым.

- Идём. Нам нужно подготовиться.

Глава 5. «Инспектор с тремя сердцами»

Дана Ортис вошла в кабинет без стука. Стучать она считала ниже своего достоинства. У неё было три сердца. Марк узнал об этом позже. Сейчас он видел только женщину в форме, с папкой под мышкой и лицом, которое мысленно назвал «профессиональное недоверие ко всему живому».

- Марк Веллер?

- Да.

- Инспектор Дана Ортис. У меня ордер на осмотр.

Она положила ордер на стол. Настоящий, с печатью, с подписью, с номером. Марк посмотрел на печать. Круглая, тяжёлая, с гербом - печать приговора, а может, и смертного приговора. Он не помнил точно, на какие именно.

- Осматривайте.

Дана не стала осматривать. Она стояла в дверях и смотрела на кабинет. Маленький, тесный, заваленный бумагами. Бумаги лежали на столе, на полу, на подоконнике. Одна папка свисала с края стола, как язык уставшей собаки.

- У вас тут тесно.

- У меня тут дёшево.

- Это не одно и то же.

- Для меня одно.

Дана прошла внутрь. Шла медленно, как человек, привыкший осматривать места преступлений. Место преступления было маленьким. Преступление было юридическим. Юридические преступления были самыми опасными.

Она посмотрела на диплом. Диплом висел на стене, в рамке из настоящего дерева.

- Диплом с отличием. Почему вы работаете в шкафу?

- Потому что аренда в шкафу дешевле. А диплом не платит за аренду.

Дана хмыкнула. Коротко, профессионально. Она посмотрела на полку. На полке стояли банки с супом. Стеклянные, с металлическими крышками. На крышках были нарисованы помидоры. Помидоры улыбались.

- Вы коллекционируете суп?

- Я коллекционирую гонорары. Гонорары у меня супом.

- Странная валюта.

- Странные клиенты.

Дана открыла папку. Толстую, с бумагами. Бумаги были ордерами.

- Вы взяли дело Пелла. Клерк, который чихнул. Статья 39-К.

- Взял.

- Выиграли.

- Выиграл.

- Быстро.

- Быстро бывает подозрительно. Я знаю.

Дана посмотрела на него. Глаза серые, как маска.

- Вы знаете, что быстро бывает подозрительно?

- Я адвокат. Я знаю, что всё подозрительно. Особенно то, что кажется простым.

- Тогда вы знаете, почему я здесь.

- Догадываюсь. Но догадки не доказательства.

Дана закрыла папку. Хлопок был точкой.

- Я здесь из-за Грайва. Прокурор Грайв. Тот самый, против которого вы подали иск.

- Я не подавал иск. Иск подали против него. Я стал представителем.

- Это одно и то же.

- Юридически нет. Фактически да. Но юридически нет.

Дана посмотрела на него с профессиональным раздражением.

- Вы понимаете, что это выглядит странно? Прокурор умирает. Появляется иск против него. Вы становитесь представителем. Вы выигрываете дело. Всё за один день.

- Это выглядит странно. Я не спорю.

- Тогда объясните.

- Не могу.

- Почему?

- Потому что я сам не понимаю. Я не просил этот иск. Я не просил быть представителем. Я не просил ничего. Оно само.

- Само, повторила Дана. В юридической практике «само» не бывает.

Марк посмотрел на паразита. Маленькая, пушистая, с папкой вместо хвоста. Скрепка на лацкане пальто.

- Это не само, сказала паразит. Иск сам не приходит. Иск кто-то приносит. А кто принёс, тот знал, куда нести.

Дана повернулась. Посмотрела на пальто. Потом на скрепку. Потом на паразита. Паразит моргнула.

- Это что?

- Это паразит, сказал Марк. Юридический. Её зовут Лазейка.

- Лазейка это имя?

- Специализация. Она юридический паразит. Питается ошибками клиентов. Специализируется на лазейках в законе.

Дана посмотрела на паразита. Паразит посмотрела на Дану. В кабинете стало тихо.

- Я слышала о паразитах. Но никогда не видела.

- Теперь видите. Она легальная. У неё есть статус.

- Статус ей кто дал?

- Судья-моллюск. После дела Пелла. Подписал указ.

- Указ я хочу видеть.

- Увидите. Но потом. Сейчас у нас другой разговор.

Дана подошла к пальто. Посмотрела на скрепку.

- Вы легальный паразит?

- Легальный, подтвердила паразит. С указом, с печатью, с испытательным сроком. Всё как у людей. Только ем я не людей.

- А что вы едите?

- Ошибки. У кого их много, тот меня и кормит.

Дана посмотрела на Марка. Марк посмотрел на Дану. Дана посмотрела на паразита. Паразит посмотрела на Дану. Все трое посмотрели друг на друга. В кабинете стало тихо.

- Хорошо. У вас тут всё сложно. Но у меня тоже проблемы. И я хочу их решить.

- Какие проблемы?

- Дело Грайва. Его закрыли сверху. Процедурно. Без объяснений, без доказательств, без ничего.

- Закрыли значит закрыли.

- Вы опять начали.

- Извините. Профессиональное.

Дана вздохнула. Устало.

- Я не верю, что он мёртв. Я видела тело. Тело было его. Но что-то не сходится. Что-то, что я не могу объяснить.

- Что именно?

- Печать. На его ладони. Печать, которой заверяют процессуальные действия. Её не должно быть на теле. Она должна быть на документе.

Марк посмотрел на паразита. Паразит кивнула.

- Мы знаем об этой печати. Мы видели её.

- Где?

- На иске. Иск был против Грайва. Иск имел печать вместо глаза. Печать была той же, что на его ладони.

Дана побледнела.

- Значит, он знал. Он знал, что умрёт. Или что его изымут.

- Изъятие не смерть. Изъятие даёт перевод.

- Вы опять.

- Извините.

- Перестаньте извиняться. Просто говорите нормально.

- Постараюсь.

Дана посмотрела на него. Глаза серые.

- Вы знаете больше, чем говорите.

- Я знаю то, что знаю. Но не всё, что знаю, можно доказать.

- Тогда помогите мне доказать. Я хочу знать правду. Правда мне нужна.

- Правда опасна.

- Я рискну.

Марк посмотрел на неё. Она посмотрела на него. В кабинете было тихо.

- Хорошо. Давайте поговорим.

- Давайте. Только без ваших профессиональных штучек. Говорите как человек.

- Постараюсь.

Дана села на стул для клиентов. Стул был деревянным, жёстким, единственным. Марк сел на пол. Пол был холодным, но нормальным.

Паразит спрыгнула со шкафа. Села на стол. Стол был завален старыми бумагами, пахнущими пылью и несбывшимися надеждами.

- Расскажите мне всё, сказала Дана. С самого начала. Только медленно.

- С чего начать?

- С чиха. Пелл чихнул. Потом появился иск. Потом вы стали представителем. Потом Грайв оказался жив. Юридически.

Марк рассказал. Про Пелла. Про чих. Про статью 39-К. Про наследство. Про иск-мутанта. Про конверт. Про оригинал статьи. Про то, что статью переписали. Про то, что кто-то использует её для изъятия голосов.

Дана слушала. Не перебивала. Делала пометки в блокноте. Блокнот был маленьким, удобным.

- Это всё?

- Почти.

- Что значит «почти»?

- Есть ещё кое-что. Но я не уверен, что это доказательство.

- Говорите. Я сама решу.

Марк посмотрел на паразита. Паразит кивнула.

- Иск охраняет что-то внутри. Что-то, что он проглотил. Мы думаем, это может быть ключом.

- Что внутри?

- Не знаем. Но иск не хочет отдавать. Он охраняет это.

Дана посмотрела на иск. Иск лежал под столом. Светился тускло.

- Он живой?

- Юридически да. Фактически тоже. Он ест мебель.

- Ест мебель?

- Он голоден. А мебель калорийная.

Дана встала. Подошла к иску. Иск зарычал. Звук был низким, предупреждающим.

- Не подходите, сказала паразит. Он не любит незнакомцев.

Дана остановилась. Посмотрела на иск. Иск посмотрел на неё. Глаз был печатью. Печать была глазом.

- У него печать вместо глаза. Печать Грайва. Та самая, что на его ладони.

- Именно. Иск был подан против Грайва. Иск имеет его печать. Иск связан с ним.

Дана достала блокнот. Записала что-то.

- Мне нужно увидеть тело. Тело Грайва. Может быть, там есть что-то ещё. Что-то, что я пропустила.

- Вы можете это устроить?

- Я инспектор. У меня есть доступ.

- Тогда давайте встретимся в морге. Завтра. В полдень.

- Не опаздывайте.

- Я никогда не опаздываю. Опоздание выглядит неуважительно. А неуважение попадает под статью.

Дана посмотрела на него. Улыбнулась. Вежливо.

- Вы странный человек, Марк Веллер. Странные люди бывают опасны.

- Я знаю.

- Но вы полезны. Полезные люди ценятся. А ценность редкость.

Дана ушла. Дверь закрылась.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка. Улыбалась.

- Она полезная.

Марк встал. Подошёл к столу. Открыл журнал. Журнал назывался «Безнадёжные дела». Толстый.

Записал: «Дана Ортис. Инспектор. Три сердца. Ноль терпения. Полезная. Опасная. Завтра морг».

Потом подумал и добавил: «Морг даёт место. Место даёт пространство. Пространство даёт юрисдикцию».

Он тряхнул головой. Опять начал. Зараза.

- Ты можешь перестать?

- Что перестать?

- Говорить так. Как будто каждое слово тянет за собой следующее.

- Это профессиональное. Я не могу перестать. Это как акцент.

- Это не акцент. Это заболевание.

- Заболевание требует диагноза. Диагноз требует приговора.

Марк вздохнул.

- Ладно. Завтра морг. Сегодня отдых.

- Отдых тоже нужен.

Марк лёг на кушетку. Старую, потёртую. Паразит сидела на шкафу, смотрела в окно. Окно было тёмным. Иск спал под столом. Светился спокойным зелёным.

Ночь была длинной.

Морг был в подвале Дворца Правосудия. Подвал холодный, серый, пах формалином. Формалин пах смертью. Смерть пахла жизнью. Жизнь пахла…

Марк тряхнул головой. Опять. Он посчитал до десяти. Потом до двадцати. Потом сдался.

Дана ждала у входа. В форме. Рядом с ней стоял нелюдь. Нелюдь был высоким, худым, с четырьмя руками. Четыре руки были удобными. Удобные руки могли держать четыре инструмента одновременно.

- Это Гриб, сказала Дана. Патологоанатом.

- Гриб?

- Это не имя. Это вид. Мы не любим имена. Имена привязывают к Кодексу.

- Понял.

Гриб кивнул. Все четыре руки кивнули вместе с головой. Кивок был синхронным. Синхронность была профессиональной.

- Тело здесь, сказал Гриб. Голос был тихим. Идёмте.

Они вошли в морг. Тело Грайва лежало на столе. Серое, холодное, неподвижное. На ладони печать. Круглая, тяжёлая.

- Что вы видите? спросил Марк.

- Печать, сказал Гриб. Это печать процесса. Но не обычного. Это печать самоаннулирования.

- Самоаннулирование?

- Да. Грайв аннулировал себя юридически. Он сделал себя мёртвым, но оставил функцию.

- Зачем?

- Чтобы его не могли судить. Мёртвых не судят. Но функция осталась. Функция может действовать. Функция может мстить.

Марк посмотрел на Дану. Дана посмотрела на Марка.

- Он готовил процесс, сказал Марк. Он знал, что его изымут. И он подготовил процесс.

- Какой процесс? спросила Дана.

- Не знаю. Но он оставил ключ. В печати. Мы его нашли. Это номер статьи. Статьи 113. Первой статьи.

- Первой статьи? Гриб побледнел. Бледность у нелюдей была заметной. Это опасно.

- Знаю. Но другого пути нет.

Гриб посмотрел на тело. Он думал. Думать даёт оценивать.

- Я могу помочь, сказал он. У меня есть доступ к архиву тел. Я могу найти другие тела. Тела, которые тоже были аннулированы.

- Другие тела?

- Грайв не первый. Были другие. Прокуроры. Судьи. Все, кто задавал вопросы. Все, кто был неудобен.

Марк записал: «Другие тела. Прокуроры. Судьи. Неудобные».

- Сколько их?

- Не знаю. Много. За последние сто лет. Может, больше.

- Кто их аннулировал?

- Кодекс. Или те, кто стоит за Кодексом. Разницы нет.

Дана посмотрела на Гриба. Гриб посмотрел на Дану.

- Ты можешь достать список? спросила Дана.

- Могу. Но это опасно. Опасно для меня. Опасно для вас.

- Мы уже в опасности. Список поможет.

- Хорошо. Я достану список. Но не сегодня. Сегодня я должен поработать с телом. Может быть, там есть что-то ещё.

Гриб достал инструменты. Инструменты были острыми. Острые инструменты были нужными.

- Что вы ищете? спросил Марк.

- Следы. Следы процесса. Грайв оставил не только печать. Он оставил что-то ещё. Что-то внутри.

- Внутри тела?

- Внутри тела. Внутри костей. Внутри всего.

Гриб начал работать. Он работал быстро. Четыре руки двигались синхронно. Синхронность была мастерством.

Марк смотрел. Он не любил смотреть. Но он должен был смотреть. Смотреть даёт учиться. Учиться даёт понимать.

- Вот, сказал Гриб через час. Он достал что-то из тела. Что-то маленькое. Что-то тёмное.

- Что это?

- Ключ. Юридический ключ. Грайв спрятал его внутри себя. Чтобы никто не нашёл.

- От чего ключ?

- От процесса. Процесс ждёт. Ключ открывает дверь.

Марк взял ключ. Ключ был холодным. Холодный ключ был тяжёлым. Тяжёлый ключ был важным.

- Теперь у нас есть ключ, сказал он.

- Есть. Но нет двери. Дверь где-то есть. Мы должны её найти.

Дана посмотрела на ключ. Ключ был маленьким. Маленький ключ был загадкой.

- Где дверь? спросила она.

- Не знаю. Но ключ у нас. Ключ даёт начало. Начало даёт половину дела.

Марк положил ключ в карман. Ключ был холодным. Холодный ключ грел руку через ткань. Марк не знал, от чего этот ключ. Но ключ был у него. А значит, был шанс.

Они вышли из морга. Улица была длинной, серой, пустой. На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

- Он нас пропустит? спросила Дана.

- Пропустит. У нас есть право.

- Какое право?

- Право искать правду.

Голем моргнул. Моргание было знаком. Знак был поддержкой.

Они прошли. Дом был близко. Дом был кабинет. Кабинет был шкаф. Шкаф был единственным жильём, которое Марк мог себе позволить.

Дома иск ждал. Иск лежал под столом. Иск светился. Иск был сытым.

Марк положил ключ на стол. Ключ был маленьким, тёмным, холодным.

- Что теперь? спросила Дана.

- Теперь дверь. Мы должны найти дверь.

- Где?

- Не знаю. Но ключ что-то открывает.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она подошла к столу. Она понюхала ключ. Ключ пах чернилами. Чернила пахли властью.

- Это ключ от процесса, сказала она. Процесс где-то есть. Процесс ждёт.

- Где?

- В архиве. В комнате процессов. Там хранятся все процессы. Все, кто когда-либо судился.

Марк записал: «Комната процессов. Архив. Дверь. Ключ».

- Как мы туда попадём?

- Через дверь. Дверь в архиве. Но дверь охраняется.

- Как обойти?

- Не обойти. Пройти. У нас есть ключ. Ключ открывает дверь.

Марк посмотрел на ключ. Ключ был маленьким. Маленький ключ был важным.

- Хорошо. Завтра идём в архив. Сегодня отдых.

- Отдых тоже нужен. Завтра будет трудный день.

Дана встала. Она посмотрела на Марка. Она посмотрела на паразита. Она посмотрела на иск.

- Я пойду. Мне нужно подготовиться.

- Хорошо.

Дана ушла. Дверь закрылась. Марк остался один. Паразит сидела на столе. Иск спал под столом.

Ночь была длинной. Марк не спал. Он думал.

Утро началось со стука. Марк открыл дверь. На пороге стояла Дана. В форме. С ключом в руке.

- У меня есть ключ, сказала она. Но не тот. Другой.

- Другой?

- Да. Я нашла его в вещах Грайва. Он был в конверте. Конверт был в сейфе. Сейф был в его кабинете.

- Что за ключ?

- Не знаю. Но он похож на ваш. Может быть, это второй ключ. Может быть, это ключ от другой двери.

Марк взял ключ. Ключ был тёплым. Тёплый ключ был живым.

- Теперь у нас два ключа, сказал он.

- Два ключа. Две двери. Два процесса.

- Или один процесс. Один процесс с двумя замками.

Дана посмотрела на него. Долго. Она думала.

- Может быть. Тогда нам нужно найти обе двери.

- Найдём. Но сначала архив. Комната процессов.

- Идём.

Архив Гравитации стоял на холме. Холм был единственным холмом в городе. Город был плоским, как стол. Холм торчал на нём, как забытая тарелка.

Марк остановился у подножия. Дана остановилась рядом. Паразит сидела на плече Марка.

- Мы уже были здесь, сказал Марк.

- Были. Но не в комнате процессов.

- Где она?

- В глубине. За третьим залом. Там дверь. Дверь ведёт вниз. Вниз ведёт к комнате.

Они начали подниматься. Холм был скользким. Трава была мокрой. Мокрая трава была скользкой. Скользкая трава была опасной. Марк поскользнулся. Марк упал. Марк встал. Марк пошёл дальше.

На середине холма гравитация изменилась. Марка потянуло вбок. Он схватился за куст. Куст зашипел. Марк отпустил куст. Марк упал. Марк встал. Марк пошёл дальше.

- Осторожно, сказала Дана. Здесь тянет вверх.

Марк почувствовал, что его ноги отрываются от земли. Он схватился за камень. Камень держал.

- Спасибо, сказал Марк камню.

Камень промолчал. Но он держал.

Они добрались до вершины. Стажёр смотрел на них с сочувствием.

- Вы вернулись, сказал он. Это хорошо. Некоторые не возвращаются.

- Что с ними?

- Прилипают. К холму. К траве. К камням. Их потом отклеивают.

Марк посмотрел на вход. Вход был большим, железным, закрытым.

- Нас пустят? спросил Марк.

- Пустят. У вас есть право.

Они вошли. Внутри было темно. Темнота была густой. Густая темнота давила на глаза. Глаза привыкали.

Свет появился. Свет был тусклым. Тусклый свет шёл от папок. Папки летали. Папки светились.

- Осторожно, сказала паразит. Здесь всё живое. Даже пыль.

Марк посмотрел на пыль. Пыль лежала на полу. Пыль была серой. Пыль не двигалась. Но Марк чувствовал, что пыль смотрит.

Они прошли через первый зал. Второй зал был больше. Третий зал был ещё больше. В третьем зале сидел архивариус.

- Адвокат, сказал архивариус. Я чувствую запах проигрыша и надежды.

- Я не адвокат. Я аудитор.

- Аудитор проверяет. Проверка пахнет властью. Вы пахнете не властью. Вы пахнете проигрышем.

- Хорошо. Я адвокат. Но у меня есть ключ.

- Ключ разрешает. Разрешение даёт право.

Архивариус посмотрел на ключ. Он не видел его. Он чувствовал.

- Проходите, сказал он. Но помните: оригиналы не для адвокатов.

Марк прошёл. Дана прошла. Паразит прошла.

Внутри третьего зала была дверь. Дверь была железной. Железная дверь была заперта.

- Замок юридический, сказала паразит. Открывается только тем, у кого есть ключ.

- У нас есть ключ.

- Есть. Но не тот. Это ключ от комнаты процессов. А нам нужен ключ от комнаты восстановления.

- Где его взять?

- У архивариуса. Он даёт ключи. Но он не даёт их адвокатам.

- Тогда как мы войдём?

- Притворимся аудиторами. Аудиторы имеют право входа.

Марк посмотрел на дверь. Дверь была холодной. Холодная дверь не открывалась.

- Хорошо. Идём к архивариусу.

Они вернулись в третий зал. Архивариус сидел за столом. Стол был дубовым.

- Вы вернулись, сказал архивариус. Я чувствую запах. Запах проигрыша и надежды.

- Нам нужен ключ от комнаты процессов.

- Ключ от комнаты процессов даётся только аудиторам. Вы не аудиторы. Вы адвокаты.

- Мы аудиторы.

- Аудиторы не ходят в старых ботинках.

- Это маскировка.

- Это проблема.

Архивариус посмотрел на Марка. Марк посмотрел на архивариуса. Архивариус посмотрел на Дану. Дана посмотрела на архивариуса.

- У нас есть ключ от комнаты восстановления, сказала паразит. Ключ от первого законодателя.

- Ключ от первого законодателя? Архивариус задумался. Это редкий ключ. Он даётся только тем, кто доказал свою честность.

- Мы доказали.

- Доказали? Архивариус понюхал воздух. Вы пахнете проигрышем и надеждой. Это не честность. Это отчаяние.

- Отчаяние тоже честность. Честность даёт правду. Правда даёт силу.

- Правда даёт оружие. Оружие может ранить. Ранить может убить. Убить может всё.

Марк посмотрел на архивариуса. Архивариус посмотрел на Марка.

- Что вы хотите? спросил Марк.

- Я хочу знать, зачем вам комната процессов.

- Мы хотим найти процесс. Процесс Грайва. Он оставил процесс. Он оставил ключ. Мы нашли ключ. Мы хотим найти дверь.

- Процесс Грайва? Архивариус побледнел. Это опасно. Опасное даёт риск. Риск даёт жизнь.

- Мы знаем. Но другого пути нет.

- Есть другой путь. Не искать. Оставить как есть.

- Оставить значит не помочь. Не помочь значит предать.

Архивариус задумался. Он думал долго. Он думал медленно.

- Хорошо. Я дам вам ключ. Но с условием.

- С каким?

- Вы должны взять с собой свидетеля. Свидетель нужен для гарантии.

- У нас есть свидетель. Паразит.

- Паразит? Архивариус посмотрел на паразита. Паразит даёт сущность. Но если она была частью статьи, у неё есть право.

- Она была частью статьи. Она осколок.

- Осколок? Архивариус задумался. Это меняет дело. Осколок имеет право на процесс.

Он поднял руку. Рука была покрыта текстом. Текст был мелким. Текст был ровным.

В руке появился ключ. Ключ был живым. Ключ дышал.

- Вот ключ. Ключ от комнаты процессов. Используйте его с умом.

Марк взял ключ. Ключ был тёплым. Тёплый ключ был живым.

- Спасибо.

- Не благодарите. Вы ещё пожалеете.

- Может быть. Но сейчас мы не жалеем.

Они пошли к двери. Дверь была железной. Железная дверь была заперта.

Марк вставил ключ. Ключ повернулся. Дверь открылась.

Внутри было темно. Темнота была густой. Густая темнота давила на глаза. Глаза привыкали.

Свет появился. Свет был тусклым. Тусклый свет шёл от стен. Стены были живыми. Стены светились.

- Это комната процессов, сказала паразит. Здесь хранятся все процессы. Все суды. Все приговоры.

Марк посмотрел вокруг. Комната была круглой. Стены были покрыты текстом. Текст был мелким. Текст был ровным.

В центре комнаты стоял стол. Стол был каменным. Каменный стол был холодным.

- Где процесс Грайва? спросил Марк.

- Здесь. Но не здесь.

- Где?

- Внутри. В стенах. В тексте. В памяти.

Паразит подошла к стене. Она коснулась текста. Текст засветился. Свет был ярким. Яркий свет означал открытие.

- Вот он. Процесс Грайва. Он начался. Но не закончился.

- Что это значит?

- Это значит, что процесс ждёт. Ждёт, когда его закончат.

Марк подошёл к стене. Текст был мелким, ровным, живым. Текст пульсировал. Пульс был медленным. Медленный пульс означал, что процесс ждёт.

- Как его закончить? спросил Марк.

- Нужен суд. Публичный. С доказательствами. С приговором.

- Но у нас нет доказательств. Канцелярия забрала корешок, номер и статью.

- Забрала. Но не всё. У нас есть ключ. У нас есть право. У нас есть процесс.

- Процесс есть. Но нет доказательств.

- Доказательства можно найти. В архиве. В других процессах. В других телах.

Марк посмотрел на Дану. Дана посмотрела на Марка.

- Гриб обещал список, сказала Дана. Список других тел. Других процессов.

- Список будет. Но когда?

- Скоро. Гриб работает быстро.

Марк посмотрел на ключ. Ключ был тёплым. Тёплый ключ был живым.

- Хорошо. Мы подождём. Но недолго. Канцелярия не будет ждать.

- Канцелярия не будет. Она будет действовать.

- Действовать значит нападать.

- Нападать значит убивать.

- Убивать значит заканчивать.

- Заканчивать значит начинать.

Марк вздохнул. Он посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

Они вышли из комнаты процессов. Дверь закрылась. Ключ остался у Марка. Ключ был тёплым.

Дома иск ждал. Иск светился. Иск был сытым.

Марк положил ключ на стол. Ключ был маленьким. Маленький ключ был важным.

- Что теперь? спросила Дана.

- Теперь список. Список других тел. Других процессов.

- А потом?

- Потом суд. Публичный. С доказательствами. С приговором.

- А если суд откажется?

- Суд не откажется. У нас есть процесс. У нас есть ключ. У нас есть право.

- А если Канцелярия вмешается?

- Канцелярия может вмешаться. Но у нас есть козырь.

- Какой?

- Ты.

Дана посмотрела на него. Долго. Она думала.

- Почему я?

- Потому что ты инспектор. У тебя есть доступ. У тебя есть полномочия. У тебя есть три сердца.

- При чём тут сердца?

- При том, что ты можешь рискнуть одним. Или двумя. У тебя есть запас.

Дана засмеялась. Смех был коротким.

- Вы сумасшедший, Марк Веллер.

- Я адвокат. Это почти то же самое, но с лицензией.

Дана ушла. Дверь закрылась. Марк остался один. Паразит сидела на столе. Иск спал под столом.

Ночь была длинной. Марк не спал. Он думал.

Утро началось со стука. Марк открыл дверь. На пороге стояла Дана. В форме. С папкой в руке.

- Список, сказала она. Гриб прислал список. Тридцать семь имён. Тридцать семь процессов. Тридцать семь тел.

Марк взял папку. Папка была тяжёлой. Тяжёлая папка была доказательством.

- Тридцать семь, сказал он. Тридцать семь неудобных. Тридцать семь убитых Кодексом.

- Тридцать семь. И это только те, кого нашёл Гриб. Может быть, больше.

- Может быть. Но и тридцати семи хватит.

- Хватит для чего?

- Для суда. Для публичного процесса. Для приговора.

Марк открыл папку. Имена были написаны мелким шрифтом. Мелкий шрифт был списком. Список был доказательством.

- Первое имя, сказал Марк. Судья Ортис.

- Ортис? Дана побледнела. Тот самый?

- Тот самый. Оправдательные приговоры. В отставке. Вернуть через тебя.

- Я помню. Он был хорошим судьёй.

- Был. И его убили. Как и остальных.

Марк закрыл папку. Он посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- Теперь у нас есть всё, сказал он. Процесс. Ключ. Право. Список.

- Всё, согласилась паразит.

- Тогда идём в суд. Публичный. С доказательствами. С приговором.

Дома Марк разложил на столе всё, что у них было. Копию списка. Ключ от комнаты процессов. Ключ из вещей Грайва. Оригинал статьи 39-К. И банку супа, которую никто так и не открыл.

Паразит сидела на столе. Она смотрела на два ключа. Долго.

- Два ключа, сказала она. Две двери. Один процесс.

- Или два процесса, сказал Марк. Один ключ от комнаты процессов. Другой от чего-то ещё.

- Другой ключ выглядит старше. На нём печать Грайва. Но не та, что на ладони. Другая.

- Какая?

- Не знаю. Но я чувствую. Он пахнет не чернилами. Он пахнет воском.

Марк взял второй ключ. Ключ был тёплым. На нём была печать. Печать была стёртой, но рисунок угадывался. Весы. Меч. Книга.

- Это печать первого законодателя, сказала паразит. Я видела её раньше. В музее. На постаменте.

- Что она открывает?

- Не знаю. Но если Грайв её хранил, значит, она важна.

Марк положил ключ обратно. Он сел на стул. Стул был жёстким.

- У нас есть список. Тридцать семь имён. У нас есть процесс. У нас есть ключ. У нас есть оригинал статьи.

- И у нас есть иск, сказала паразит. Он всё ещё привязан к тебе.

Марк посмотрел на иска. Иск лежал под столом. Иск светился спокойным зелёным. Сытый иск был довольным.

- Иск поможет, сказал Марк. Он представитель жертвы. Он может открыть процесс.

- Может. Но процесс требует судьи. Судья требуется незапятнанный. Ортис согласился. Но Ортис старый.

- Ортис справится. Он уже согласился.

- Согласился. Но он не знает, что мы нашли. Он не знает про список. Он не знает, что заговорщик может быть среди судей.

Марк задумался. Он думал недолго.

- Тогда мы не будем ему говорить. Пока. Сначала соберём доказательства. Потом покажем.

- Это риск.

- Это необходимость.

В дверь постучали. Стук был тихим, но настойчивым. Марк открыл. На пороге стояла Дана. Она была без формы. Без формы означало гражданское. Гражданское означало неофициально.

- Я не помешала? спросила она.

- Нет. Проходи.

Дана вошла. Она посмотрела на стол. Увидела два ключа. Увидела список. Увидела оригинал статьи.

- Вы готовитесь.

- Готовимся.

- К чему?

- К суду. К публичному процессу. К приговору.

Дана села на кушетку. Кушетка была старой. Пружины продавились.

- Я могу помочь.

- Чем?

- Я знаю судей. Я знаю прокуроров. Я знаю, кто боится, а кто нет. Я могу найти того, кто не побоится.

- Ортис не побоится.

- Ортис старый. Он может не выдержать. Нужен кто-то моложе. Кто-то, кто ещё не устал.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- У тебя есть кто-то на примете? спросил Марк.

- Есть. Судья по имени Велла. Она вела дело о чихе во Втором процедурном. Она вынесла оправдательный приговор. Она не боится.

- Велла? Паразит оживилась. Та самая, которая придумала «чих с вызовом»?

- Та самая. Она жива. Она в отставке. Но её можно вернуть.

- Вернуть через кого?

- Через меня. Я инспектор. У меня есть доступ к процедуре возврата.

Марк записал: «Судья Велла. Оправдательный приговор. Не боится. Вернуть через Дану».

- Хорошо. Свяжись с ней. Завтра.

- Завтра. Но есть проблема.

- Какая?

- Канцелярия. Они узнали про список. Они хотят его изъять.

- Откуда узнали?

- У них везде глаза. Даже в морге. Гриб сказал, что кто-то приходил. Спрашивал про тела. Спрашивал про список.

Марк побледнел. Побледнеть человеку было легко.

- Гриб в опасности.

- Гриб не в опасности. Гриб нелюдь. Нелюдей не изымают. Нелюдей боятся. Но список он отдал нам. И это уже опасно.

- Что будем делать?

- Спрятать список. Или использовать его до того, как его изымут.

- Использовать как?

- Опубликовать. Публичность даёт гласность. Гласность даёт защиту. Если список станет публичным, Канцелярия не сможет его изъять. Изъятие публичного документа даёт скандал. Скандал даёт огласку. Огласка даёт силу.

Марк задумался. Он думал долго.

- Где опубликовать?

- В суде. Публично. На процессе. Мы представим список как доказательство. Суд зафиксирует. Фиксация даёт защиту.

- А если суд откажется?

- Суд не откажется. Судья Велла не откажется. Ортис не откажется. Они оба не боятся.

- Хорошо. Завтра свяжемся с Веллой. Послезавтра суд.

- Послезавтра, согласилась Дана. Я предупрежу Ортиса.

- Не предупреждай. Он старый. Он будет волноваться. Скажи утром.

- Хорошо.

Дана встала. Она посмотрела на Марка. Долго.

- Вы уверены, что это сработает?

- Не уверен. Но другого пути нет.

- Другой путь есть всегда. Можно уйти. Можно спрятаться. Можно забыть.

- Забыть значит предать. Предать значит проиграть. Мы не проиграем.

Дана кивнула. Она вышла. Дверь закрылась.

Марк сел на стул. Паразит спрыгнула со стола. Она подошла к нему.

- Ты знаешь, что самое странное? спросила она.

- Что?

- То, что мы нашли список. Тридцать семь имён. Тридцать семь убитых. Но мы до сих пор не знаем, кто заговорщик.

- Узнаем. На суде.

- На суде? Как?

- Заговорщик придёт. Он не сможет не прийти. Он захочет посмотреть, как мы проиграем.

- А если не придёт?

- Придёт. Он уже приходил. Он посылал гостя. Он следит. Он не удержится.

Паразит посмотрела на него. Долго.

- Ты изменился.

- Изменился. Список меняет.

- Список не меняет. Список показывает.

Марк посмотрел на неё. Она смотрела на него.

- Что показывает?

- Что ты не боишься. Даже когда должен.

- Я боюсь.

- Боишься. Но не отступаешь. Это разное.

Ночь была длинной. Марк не спал. Он думал о списке. О тридцати семи именах. О тридцати семи процессах. О тридцати семи телах.

Утро началось со стука. Марк открыл дверь. На пороге стояла Дана. В форме. С папкой.

- Велла согласилась, сказала она. Она будет судьёй. Она не боится.

- Хорошо.

- Но есть проблема. Канцелярия узнала про суд. Они готовят встречный иск. Против нас. За незаконное ведение процесса.

- Незаконное?

- Они говорят, что процесс Грайва не имеет силы. Что он был изъят. Что его документы недействительны.

- Они врут.

- Врут. Но у них есть власть. Власть даёт силу.

- Мы уже слышали это.

- Слышали. Но теперь это серьёзно. Они наняли прокурора. Настоящего. Из столицы.

Марк посмотрел на паразита. Паразит посмотрела на Марка.

- Из столицы? спросил Марк.

- Из столицы. Его зовут Гривс. Младший. Сын того самого Гривса.

Марк замер.

- Сын?

- Сын. Он хочет отомстить за отца. Он считает, что мы опозорили его имя.

- Мы не опозорили. Мы нашли правду.

- Он так не считает. Он идёт сюда. Он будет на суде. Он будет против нас.

Марк сел на стул. Стул был жёстким.

- Что теперь?

- Теперь всё сложнее. Сложное даёт опасность. Опасность даёт жизнь.

Марк вздохнул. Он посмотрел на список. Список лежал на столе. Список был доказательством.

- Мы справимся.

- Справимся. Или умрём. Одно из двух.

Глава 6. «Номер, которого нет»

Ночь тянулась долго. Марк сидел за столом, разложив перед собой всё, что удалось добыть. Корешок от вырванной страницы, тёплый и живой, лежал слева. Клочок с трёхзначным номером лежал справа. Между ними стояла банка супа, которую Марк так и не открыл. Суп был холодным. Марк тоже.

Паразит сидела на шкафу и молчала. Молчание было непривычным. Обычно она говорила. Говорила много. Говорила громко. Сейчас она молчала, и это молчание было громче любого крика.

- Ты чего? спросил Марк.

- Думаю.

- О чём?

- О корешке. О том, что он мне напомнил.

Марк поднял корешок. Тот был тонким, как папиросная бумага, и пульсировал, как сердце. Пульс был слабым, но ровным. Корешок был живым. Живое в этом городе встречалось на каждом шагу, но к живому корешку Марк ещё не привык.

- Он живой, сказал Марк. Я чувствую.

- Он не просто живой. Он помнит. Он помнит всё, что было написано на той странице.

- Ты тоже помнишь?

Паразит спустилась со шкафа. Она села на стол, рядом с корешком, и коснулась его лапой. Корешок вздрогнул. Пульс ускорился.

- Я помню не всё. Я помню день, когда её вырвали. Помню руки. Помню холод. Помню крик.

- Чей крик?

- Мой.

Марк отложил корешок. Он посмотрел на паразита. Она смотрела в сторону.

- Расскажи.

- Не сейчас. Сначала нужно понять, что мы нашли.

- Мы нашли корешок и номер. Номер статьи, которой нет в Кодексе.

- Номер статьи, которой нет в Кодексе, но которая действует. Это противоречие. Противоречие нужно разрешить.

Марк открыл журнал. Он записал: «Корешок. Номер. Статья 113. Действует, но отсутствует. Противоречие».

Потом подумал и добавил: «Паразит помнит день, когда вырвали. Помнит руки. Помнит холод. Помнит крик».

- Что ещё ты помнишь? спросил он.

- Помню, что статья была первой. Самой первой. До неё был только хаос. После неё появился порядок. Порядок стал законом. Закон стал Кодексом.

- Кто её написал?

- Первый законодатель. Тот, кто создал Кодекс. Он был молод. Он был полон сил. Он хотел изменить мир.

- И что случилось?

- Он изменил мир. Но не так, как хотел.

Паразит замолчала. Она смотрела на корешок. Корешок пульсировал. Пульс был ровным. Ровный пульс означал покой. Покой был временным.

- Что случилось с первой статьёй? спросил Марк.

- Он её вырвал. Своими руками. Он вырвал её из Кодекса и из себя. Буквально. Как вырывают страницу из книги. Только книга была им.

- Почему?

- Потому что она была опасной. Слишком опасной. Она давала слишком много прав. Слишком много свободы. Слишком много совести.

Марк записал: «Первая статья. Опасная. Слишком много прав. Слишком много свободы. Слишком много совести».

- Совесть опасна?

- Для законодателя опасна. Совесть мешает принимать решения. Совесть задаёт вопросы. Вопросы требуют ответов. Ответы требуют времени. Время стоит денег. Деньги стоят власти.

- А власть?

- Власть не любит вопросов.

Марк посмотрел на корешок. Корешок был тёплым. Тепло было приятным. Приятное было редким.

- Что было в статье? спросил он.

- Я не помню текст. Я помню только, что она была первой. И что она была о совести.

- О совести?

- О совести закона. О том, что закон должен быть честным. О том, что закон должен защищать слабых. О том, что закон не должен служить сильным.

Марк записал: «Статья 113. О совести закона. О защите слабых. О честности».

- Это опасные идеи, сказал он.

- Очень опасные. Особенно для тех, кто пишет законы.

Паразит слезла со стола. Она подошла к окну. Окно было тёмным. Тёмное было ночью. Ночь была временем. Время было жизнью. Жизнь была судом. Суд был завтра.

- Завтра мы идём в архив, сказала она. Найдём статью. И тогда всё изменится.

- Как изменится?

- Не знаю. Но изменится. Первая статья меняет всё. Она возвращает совесть. Совесть возвращает вопросы. Вопросы возвращают страх. Страх возвращает власть. Власть возвращает порядок.

- А порядок?

- Порядок возвращает совесть. Круг замыкается.

Марк закрыл журнал. Он посмотрел на паразита. Она смотрела в окно.

- Ты боишься? спросил он.

- Боюсь.

- Чего?

- Того, что статья изменит не только Кодекс. Она изменит и меня.

- Как?

- Я была частью статьи. Когда-то. Давно. Если статья вернётся, я могу вернуться вместе с ней. А я не хочу возвращаться. Я хочу остаться паразитом. Паразитом быть проще. Паразит ест ошибки. Паразит не задаёт вопросов. Паразит не несёт ответственности.

Марк встал. Он подошёл к паразиту. Он положил руку ей на плечо. Плечо было маленьким. Маленькое было хрупким. Хрупкое было уязвимым.

- Ты не обязана возвращаться, сказал он. Ты можешь остаться. Ты уже не часть статьи. Ты паразит. Легальный паразит. С указом и статусом.

- Пока легальный. Пока статус. Пока указ.

- Что значит «пока»?

- Пока Кодекс не узнает, что мы нашли. Пока Канцелярия не узнает. Пока тот, кто вырвал статью, не узнает.

- Он ещё жив?

- Первый законодатель? Жив. Он бессмертен. Как и все, кто пишет законы. Они не умирают. Они становятся законами.

Марк посмотрел на корешок. Корешок пульсировал. Пульс был ровным.

- Значит, завтра архив. И потом?

- Потом суд. Публичный. С доказательствами. С оригиналом статьи.

- А если суд откажется?

- Суд не откажется. Оригинал статьи даёт доказательство. Доказательства суд обязан рассматривать.

- А если Канцелярия вмешается?

- Канцелярия может вмешаться. Но у нас есть козырь.

- Какой?

- Ты.

Марк вздохнул. Он уже слышал это. Слышал много раз.

- Почему все думают, что я козырь?

- Потому что ты не сдаёшься. Не сдаваться значит идти до конца.

- Или проигрывать.

- Или проигрывать. Но проигрыш даёт опыт. Опыт даёт жизнь.

Марк сел обратно за стол.

- Ладно, сказал он. Завтра архив. Сегодня отдых.

- Отдых тоже нужен.

Утро началось с грохота. Марк проснулся от того, что иск под столом скулил. Скулёж был громким. Громкий скулёж означал тревогу.

- Что с ним? спросил Марк.

Паразит смотрела на иск. Иск светился тревожным жёлтым.

- Он голоден, сказала паразит. Но не еды. Он голоден информации.

- Иск ест информацию?

- Иск ест всё, что содержит юридическую силу. Юридическая сила есть в документах. Документы есть в архиве. Архив есть в городе.

- Он хочет в архив?

- Он хочет знать, что мы нашли. Он чувствует корешок. Корешок пахнет статьёй. Статья пахнет правдой. Правда пахнет опасностью.

Марк встал. Он подошёл к иску. Иск посмотрел на него. Глаз был печатью. Печать была глазом.

- Ты хочешь знать, что мы нашли? спросил Марк.

Иск моргнул. Моргание было ответом. Ответ был согласием.

- Мы нашли корешок. Корешок от статьи 113. Статьи, которой нет в Кодексе. Но которая действует.

Иск зарычал. Рычание было низким. Низкое рычание означало понимание.

- Он знает, сказала паразит. Он знает про статью. Он знает, что она опасна.

- Откуда он знает?

- Иск был подан против Грайва. Грайв искал статью. Иск связан с Грайвом. Связь передаёт информацию.

Марк посмотрел на иск. Иск посмотрел на Марка.

- Что он знает?

- Не знаю. Но что-то. Что-то важное.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она подошла к иску. Она коснулась печати. Печать была тёплой.

- Он хочет, чтобы мы пошли в архив, сказала она. Он хочет, чтобы мы нашли статью. Он хочет, чтобы мы её использовали.

- Против кого?

- Против Кодекса.

- Почему?

- Потому что Кодекс его создал. Кодекс его использует. Кодекс его кормит. Но Кодекс его не любит.

- Иск чувствует?

- Иск чувствует всё. Иск даёт юридическую сущность. Юридическая сущность чувствует несправедливость.

Марк сел на пол. Пол был холодным.

- Что мы будем делать со статьёй, когда найдём? спросил он.

- Используем. Публично. В суде. Чтобы отменить статью 39-К. И все остальные статьи, которые были переписаны.

- Ты думаешь, это сработает?

- Не знаю. Но это единственный путь. Путь через суд.

- А если проиграем?

- Тогда Кодекс победит. Кодекс станет сильнее. Сильнее даёт опасность.

Марк посмотрел на корешок. Корешок лежал на столе. Пульсировал. Пульс был ровным.

- Хорошо. Идём в архив. Сегодня. Сейчас.

- Сейчас? Архив открывается в восемь.

- Значит, подождём. Подождём значит подготовимся.

Паразит улыбнулась. Улыбка была профессиональной.

- Ты начал говорить как я.

- Это заразно.

Марк вздохнул. Он встал. Он подошёл к шкафу. Он достал пальто. Пальто было старым.

- Идём, сказал он. В архив.

Они вышли из кабинета. Улица была длинной. Серой. Пустой. На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

Марк прошёл мимо. Голем не остановил.

- Он знает, сказала паразит.

- Кто?

- Голем. Он знает, куда мы идём.

- И что?

- И то, что он не остановил. Это значит, что он либо не может, либо не хочет.

- Голем союзник?

- Голем даёт бюрократа. Бюрократ не любит Кодекс. Кодекс заставляет бюрократа работать. Бюрократ хочет отдыхать.

Марк посмотрел на голема. Голем смотрел на Марка. Голем моргнул. Моргание было знаком. Знак был поддержкой.

- Спасибо, сказал Марк.

Голем не ответил. Голем не мог говорить. Голем мог только моргать.

Они пошли дальше. Архив был близко. Близко значит скоро.

Архив Гравитации вырос перед ними внезапно. Только что была улица, серая и пустая, и вдруг стена. Огромная. Бетонная. Без окон. Только одна дверь, железная, с тяжёлым засовом.

Дана ждала у двери. Она была в гражданском, но держалась так, будто на ней была форма. Привычка.

- Вы опоздали на минуту, сказала она.

- Простите. Иск скулил.

- Иск скулит?

- Он голоден. Информации.

Дана посмотрела на Марка. Потом на паразита. Потом на иск, который полз за Марком на светящейся нити.

- Я не привыкну к этому, сказала она.

- Никто не привыкнет. Даже я.

Они подошли к двери. Засов был тяжёлым. Марк потянул. Засов не поддался.

- Он заперт, сказала Дана.

- Естественно.

Паразит спрыгнула с плеча Марка. Она подошла к двери. Она понюхала засов.

- Здесь замок, сказала она. Но не простой. Юридический.

- Юридический замок?

- Замок, который открывается только тем, у кого есть право. Право войти. Право находиться. Право искать.

- У нас есть право?

- У меня есть статус. У тебя есть печать. У Даны есть ордер. Этого должно хватить.

Паразит коснулась замка. Замок засветился. Свет был тусклым. Тусклый свет означал проверку. Проверка означала вопрос.

- Он спрашивает, кто мы, сказала паразит.

- И что мы отвечаем?

- Правду. Или почти правду.

- Почти правду?

- Правду, но не всю. Всю правду он не выдержит.

Паразит что-то прошептала замку. Замок замер. Потом щёлкнул. Дверь открылась.

- Что ты ему сказала? спросил Марк.

- Что мы аудиторы.

- Опять аудиторы?

- Это работает. Аудиторы вызывают уважение. Уважение открывает двери.

Они вошли. Внутри было темно. Темнота была густой, как вода. Марк сделал шаг и почувствовал, что его тянет вниз. Гравитация здесь была сильнее.

- Осторожно, сказала Дана. Здесь гравитация сильная. Можно прилипнуть.

- К чему?

- К полу. К стене. К потолку. Зависит от того, куда тебя потянет.

Марк посмотрел на потолок. Там, в темноте, что-то двигалось. Что-то медленное. Что-то живое.

- Что это?

- Стажёр, сказала паразит. Прилип на прошлой неделе. Его до сих пор отклеивают.

Марк посмотрел внимательнее. На потолке висел человек. Он был бледным. Он был худым. Он был неподвижным. Он смотрел вниз.

- Помогите, сказал человек. Голос был слабым. Слабый голос означал усталость.

- Мы поможем, сказал Марк. Но не сейчас. Сначала найдём статью.

- Какую статью?

- 113.

Человек на потолке замолчал. Потом заговорил снова. Голос был другим. Голос был испуганным.

- Не ищите её. Она опасна.

- Мы знаем.

- Она опаснее, чем вы думаете. Она первая.

- Мы знаем.

- Тогда зачем?

- Потому что кто-то должен.

Человек на потолке замолчал. Он закрыл глаза. Он больше не говорил.

Марк пошёл дальше. Гравитация тянула вниз. Он держался за стены. Стены были холодными. Холод был нормальным.

- Где архив? спросил он.

- Внизу, сказала паразит. Под землёй. Глубже, чем мы думаем.

- Насколько глубже?

- На три уровня. Может, на четыре.

Они нашли лестницу. Лестница была винтовой. Винтовая лестница закручивалась вниз. Вниз было темно. Темнота была густой.

- Идём, сказал Марк.

Они пошли вниз. Гравитация менялась с каждым шагом. То тянула вниз, то вбок, то вверх. Марк держался за перила. Перила были холодными.

На втором уровне они остановились. Здесь было светлее. Свет был тусклым, но достаточным.

- Здесь, сказала паразит. Стеллаж 113.

Марк посмотрел. Стеллаж был пустым. Пустой стеллаж выглядел странно. На нём ничего не было. Только пыль.

- Здесь ничего нет.

- Есть. Но не здесь.

- А где?

- Внутри.

Паразит подошла к стеллажу. Она коснулась полки. Полка была живой. Она пульсировала. Пульс был медленным.

- Он помнит, сказала паразит. Он помнит статью. Он помнит, как её вырвали.

- Кто вырвал?

- Первый законодатель. Но не сам. Он использовал инструмент.

- Какой инструмент?

- Нож. Юридический нож. Нож, который режет законы.

Марк посмотрел на полку. Полка была пустой. Но что-то в ней было. Что-то, что не было видно.

- Как нам это достать?

- Нужен ключ. Ключ у нас есть.

Паразит достала клочок с номером. Она приложила его к полке. Полка засветилась. Свет был ярким. Яркий свет означал открытие.

Полка открылась. Внутри лежала страница. Страница была живой. Она дышала. Дыхание было медленным.

- Вот она, сказала паразит. Статья 113.

Марк взял страницу. Страница была тёплой. Тепло было приятным. На странице был текст. Текст был длинным.

- Читай, сказала Дана. Читай вслух.

Марк прочитал. Текст был о совести. О том, что закон должен быть честным. О том, что закон должен защищать слабых. О том, что закон не должен служить сильным. О том, что каждый имеет право на справедливость.

- Это опасно, сказал Марк. Это очень опасно.

- Для кого? спросила Дана.

- Для тех, кто пишет законы. Для тех, кто их применяет. Для тех, кто их использует.

- А для нас?

- Для нас это шанс. Шанс изменить всё.

Сработала сигнализация. Громкая. Резкая.

- Бежим, сказала паразит. У нас три минуты.

Они бежали. Гравитация швыряла их из стороны в сторону. То тянула вниз, то вбок, то вверх. Марк прыгал через ступени. Дана держалась за перила. Паразит сидела на плече Марка и светила папкой.

- Налево, кричала она. Там выход.

- Там стена!

- Стена даёт иллюзию. Иллюзия даёт ловушку. Ловушка даёт проблему.

Марк побежал налево. Стена оказалась иллюзией. Он прошёл сквозь неё. За стеной был коридор. Коридор был длинным. Коридор был пустым.

- Направо, кричала паразит. Там вентиляция.

- Вентиляция узкая!

- Узкая даёт безопасность. Безопасность даёт выживание.

Марк побежал направо. Вентиляция была узкой. Марк протиснулся. Дана протиснулась. Паразит протиснулась.

Сзади слышались шаги. Шаги были тяжёлыми. Тяжёлые шаги означали големов. Големы означали погоню.

- Они близко, сказала Дана.

- Знаю.

- Что будем делать?

- Бежать.

Они бежали. Вентиляция вывела их в подвал. Подвал был большим. Подвал был тёмным. Подвал был полным стеллажей.

- Здесь можно спрятаться, сказала паразит. Здесь пахнет старыми бумагами. Старые бумаги не любят големов.

- Почему?

- Потому что големы их жгут. Бумаги боятся огня.

Марк спрятался за стеллажом. Дана спряталась за другим. Паразит спряталась в папке. Папка была живой. Папка закрылась.

Големы пробежали мимо. Они не заметили. Они были заняты погоней. Погоня была их работой.

- Ушли, сказала паразит.

- Ушли.

Марк выдохнул. Он посмотрел на страницу. Страница была тёплой.

- Что теперь? спросила Дана.

- Теперь домой. Нужно спрятать статью.

- Где?

- В кабинете. Под столом. Там иск. Иск охраняет.

Они выбрались из подвала. Через чёрный ход. Через двор. Через улицу.

Дорога домой была длинной. Улица была серой. Улица была пустой. На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

- Он нас пропустит? спросила Дана.

- Пропустит. У нас есть право.

- Какое право?

- Право искать правду.

Голем моргнул. Моргание было знаком. Знак был поддержкой.

Они прошли. Дома иск ждал. Иск светился. Иск был сытым.

Марк положил страницу на стол. Страница была живой. Она дышала.

- Теперь у нас есть всё, сказал он. Корешок. Номер. Статья.

- И что дальше? спросила Дана.

- Дальше суд. Публичный. С доказательствами.

- А если суд откажется?

- Суд не откажется. Оригинал статьи даёт доказательство. Доказательства суд обязан рассматривать.

- А если Канцелярия вмешается?

- Канцелярия может вмешаться. Но у нас есть козырь.

- Какой?

- Ты.

Дана посмотрела на него. Долго.

- Почему я?

- Потому что ты инспектор. У тебя есть доступ. У тебя есть полномочия. У тебя есть три сердца.

- При чём тут сердца?

- При том, что ты можешь рискнуть одним. Или двумя. У тебя есть запас.

Дана засмеялась. Смех был коротким.

- Вы сумасшедший, Марк Веллер.

- Я адвокат. Это почти то же самое.

Ночь была длинной. Марк сидел за столом. Он смотрел на страницу. Страница была живой. Она дышала.

Паразит смотрела на страницу. Она молчала.

- Ты чего? спросил Марк.

- Думаю.

- О чём?

- О том, что мы нашли. О том, что будет дальше. О том, что я не хочу возвращаться.

- Ты не вернёшься.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что ты уже не часть статьи. Ты паразит. Легальный паразит. С указом.

- Пока легальный. Пока указ.

- Опять «пока»?

- Пока Кодекс не узнает. Пока Канцелярия не узнает. Пока первый законодатель не узнает.

Марк встал. Он подошёл к паразиту. Он положил руку ей на плечо.

- Ты боишься?

- Боюсь.

- Чего?

- Того, что статья изменит не только Кодекс. Она изменит и меня.

- Как?

- Я была частью статьи. Когда-то. Давно. Если статья вернётся, я могу вернуться вместе с ней.

- Ты не обязана возвращаться. Ты можешь остаться.

- Могу. Но не уверена, что захочу.

Марк посмотрел на неё. Паразит посмотрела на Марка.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, что совесть даёт не только обязанность. Это ещё и выбор. Я могу выбрать остаться паразитом. А могу выбрать вернуться статьёй.

- И что ты выберешь?

- Не знаю. Пока не знаю.

Марк сел обратно за стол. Он открыл журнал. Он записал: «Статья 113 найдена. Совесть закона. Паразит думает о возвращении».

Потом подумал и добавил: «Паразит боится. Страх нормален. Нормальное человечно».

- Что теперь? спросил он.

- Теперь суд. Публичный. С доказательствами.

- Когда?

- Завтра. Или послезавтра. Надо подготовиться.

- Как?

- Найти судью. Такого, который не боится. Такого, который готов слушать.

- Где мы найдём такого?

- В архиве. Есть список судей. Я помню его.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она подошла к столу. Она открыла папку. Папка была живой. Папка открылась на нужной странице.

- Вот. Судья Ортис. Не родственник Даны. Просто однофамилец. Он был известен тем, что никогда не выносил обвинительных приговоров.

- Почему?

- Говорили, что он боялся. Говорили, что он был мудрым. Говорили, что он был ленивым. Правда была где-то посередине.

- Он ещё жив?

- Жив. Он в отставке. Но его можно вернуть. В порядке исключения.

- Как?

- Через Дану. Она инспектор. У неё есть доступ.

Марк записал: «Судья Ортис. Оправдательные приговоры. В отставке. Вернуть через Дану».

- Что ещё?

- Ещё нужны свидетели. Люди, которые видели, как статью вырвали. Люди, которые знают, что она была первой.

- Кто это может быть?

- Первый законодатель. Он жив. Он бессмертен. Он живёт на Терра-Прайм.

- Терра-Прайм?

- Планета, где всё началось. Там первый законодатель. Там первая статья. Там правда.

Марк посмотрел на страницу. Страница дышала.

- Значит, нам нужно на Терра-Прайм.

- Значит, нужно.

- Как мы туда попадём?

- Корабль. Конфедерация. Третий класс. Кресла жёсткие. Но долетим.

Марк вздохнул. Он посмотрел на паразита.

- Ты уверена, что это сработает?

- Нет. Но другого пути нет.

- Хорошо. Завтра готовимся. Послезавтра летим.

Паразит кивнула. Она закрыла папку. Папка закрылась с хлопком.

Утро началось с подготовки. Марк собрал всё, что нужно. Корешок. Номер. Статью. Договор с иском. Журнал. Банку супа.

- Это всё? спросила паразит.
- Это всё. Пока.
- Мало. Для Терра-Прайм мало.
- Знаю. Но другого нет.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она подошла к столу. Она посмотрела на вещи.

- Нам нужно больше. Нам нужны деньги. Нам нужны документы. Нам нужны билеты.
- Где мы возьмём деньги?
- У Даны. Она инспектор. У неё есть доступ.
- А документы?
- У меня есть статус. У тебя есть печать. Этого хватит.
- А билеты?
- Купим. На последние деньги.

Марк посмотрел на банку супа. Суп был холодным.

- У нас нет денег.
- Есть. Три монеты. Фальшивые. Но их можно обменять.
- На что?
- На билеты. Третий класс. Кресла жёсткие. Но долетим.

Марк вздохнул. Он взял монеты. Он положил их в карман.

- Хорошо. Идём.

Они вышли из кабинета. Улица была длинной. Серой. Пустой. На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

- Он нас пропустит? спросила паразит.
- Пропустит. У нас есть право.
- Какое право?
- Право искать правду.

Голем моргнул. Моргание было знаком. Знак был поддержкой.

Они прошли. Космопорт был на окраине. Космопорт был большим. Космопорт был шумным. Космопорт был полным людей.

Марк подошёл к кассе. Кассир был големом. Голем был из стекла. Стекло было прозрачным.

- Два билета на Терра-Прайм, сказал Марк.
- Третий класс?
- Третий.
- Кресла жёсткие.
- Знаю.
- Еда плохая.
- Знаю.
- Гравитация меняется.
- Знаю.

Голем посмотрел на Марка. Голем посмотрел на паразита. Голем посмотрел на иск.

- Что это? спросил голем, указывая на иск.
- Это мой иск. Я представитель жертвы.
- Представитель жертвы даёт должность. Должность даёт обязанность.
- Именно.

Голем задумался. Он думал долго. Он думал медленно.

- Проходите. Но помните: закон всегда рядом.

Марк прошёл. Паразит прошла. Иск прошёл.

Они сели в кресла. Кресла были жёсткими. Кресла были неудобными. Кресла были единственными.

- Готовы? спросила паразит.

- Нет.

- Я тоже. Но это не важно.

Корабль взлетел. Гравитация изменилась. Марк почувствовал, как его вдавливает в кресло. Он закрыл глаза. Он думал о статье. О том, что в ней было. О том, что будет дальше.

- Ты знаешь, что самое странное? спросил он.

- Что?

- То, что мы летим на планету, где всё началось. Туда, где первый законодатель вырвал статью. Туда, где правда.

- Правда опасна.

- Знаю. Но другого пути нет.

Паразит посмотрела на него. Она улыбнулась. Улыбка была профессиональной.

- Ты начал говорить как я.

- Это заразно.

- Заразно даёт опасность. Опасность даёт жизнь.

Марк засмеялся. Смех был коротким. Смех был неожиданным.

- Ты права. Это заразно.

Корабль летел. Гравитация менялась. Марк держался за кресло. Кресло было жёстким. Кресло было единственным.

Впереди была Терра-Прайм. Впереди была правда. Впереди был суд.

- Что дальше? спросил Марк.

- Дальше планета. Планета, где всё началось.

- А потом?

- Потом суд. Публичный. С доказательствами.

- А если проиграем?

- Тогда Кодекс победит. Кодекс станет сильнее.

- А если выиграем?

- Тогда всё изменится. Совесть вернётся. Вопросы вернутся. Страх вернётся. Власть вернётся.

- А порядок?

- Порядок вернётся. Круг замкнётся.

Марк закрыл глаза. Он думал о статье. О том, что в ней было. О том, что будет дальше. Он думал о паразите. О том, что она боится. О том, что она не хочет возвращаться. О том, что она может вернуться.

Он открыл глаза. Он посмотрел на паразита. Она смотрела на него.

- Ты не вернёшься, сказал он. Я тебе обещаю.

- Не обещай. Обещания не выполняются.

- Я выполню.

Паразит улыбнулась. Улыбка была профессиональной. Профессионализм даёт защиту.

- Посмотрим.

Корабль летел. Терра-Прайм был близко. Близко значит скоро. Скоро значит сейчас.

Посадка была мягкой. Мягкая посадка означала хорошего пилота. Хороший пилот означал удачу. Удача означала надежду.

Терра-Прайм встретил их запахом старой бумаги. Запах был сильным. Сильный запах означал атмосферу. Атмосфера была плотной. Плотная атмосфера давила на лёгкие. Лёгкие привыкали.

Марк вышел из корабля. Он посмотрел вокруг. Город был странным. Улицы были узкими. Дома были высокими. Дома стояли на фундаментах из сносок. Сноски были длинными. Длинные сноски уходили в землю. Земля была твёрдой. Твёрдая земля держала.

- Это город-архив, сказала паразит. Улицы здесь называются параграфами. Дома стоят на сносках. Жители говорят только на языке статей.

- На языке статей?

- Да. Они приветствуют друг друга цитатами. Прощаются оговорками. Благодарят примечаниями.

Марк посмотрел на прохожего. Прохожий был старым. Старый был медленным. Медленный был мудрым.

- Добро пожаловать в пределах, допустимых статьёй 3-В, с оговорками, предусмотренными приложением 7, сказал прохожий.

- Здравствуйте, сказал Марк.

- Ваше приветствие не соответствует протоколу. Но я зафиксирую его как жест доброй воли.

Прохожий ушёл. Марк посмотрел на паразита.

- Это нормально?

- Это Терра-Прайм. Здесь всё нормально. Даже ненормальное.

Они пошли по улице. Улица называлась Параграф 12. Параграф 12 был длинным. Длинный параграф вёл к площади. Площадь называлась Площадь Первой Строки.

На площади стоял музей. Музей был большим. Музей был серым. Музей был старым.

- Это Дом Первой Строки, сказала паразит. Здесь хранится память о том, что было.

- Что было?

- Первая строка. Закон о совести. Тот, который вырвали.

Они вошли в музей. Внутри было тихо. Тишина была густой. Густая тишина давила на уши.

В центре зала стоял постамент. Постамент был пустым. Пустой постамент выглядел странно. На постаменте была табличка.

Марк прочитал. «Здесь была Первая строка. Изъята для исправления. Дата изъятия: до начала летоисчисления».

- До начала летоисчисления, сказал Марк. Это когда?

- Это всегда. Первая строка была изъята всегда. Её нет с самого начала. Потому что начало началось после изъятия.

- А что было до?

- Хаос. Хаос был до. Хаос был всегда. Потом пришёл закон. Закон создал порядок. Порядок создал время. Время создало историю. История создала нас.

Паразит подошла к постаменту. Она коснулась стекла. Стекло было холодным. Холодное стекло помнило.

- Я помню стекло, сказала она. Оно было холодное. И руки. Они были тёплые. Это странно, да? Я помню руки, а не лицо.

Марк посмотрел на неё. Паразит смотрела на постамент.

- Ты помнишь руки?

- Помню. Они были большими. Они были сильными. Они держали меня. Потом они меня вырвали.

- Кто это был?

- Первый законодатель. Тот, кто создал Кодекс. Тот, кто вырвал статью.

- Он ещё жив?

- Жив. Он в подземелье. Под музеем. Там библиотека. Там книги. Там он.

Марк посмотрел на пол. Пол был каменным. Камень был холодным.

- Как мы туда попадём?

- Через подвал. Там вход. Но вход охраняет устав-страж.

- Устав-страж?

- Живой закон. В форме столба. Он пропускает только тех, кто не нарушал Кодекс.
- А мы нарушали?
- Ты нарушал. Я нарушала. Дана нарушала. Все нарушали. Все живые нарушают.
- Тогда как мы пройдём?
- Я пройду. Я не нарушала. Я была Кодексом.

Марк посмотрел на неё. Паразит посмотрела на Марка.

- Ты пойдёшь одна?
- Одна. Но недолго. Если не вернусь через час, идите за мной.
- А если вернёшься?
- Тогда бегите быстрее.

Марк вздохнул. Он не хотел отпускать её одну. Но другого пути не было.

- Хорошо. Иди.

Паразит кивнула. Она пошла к подвалу. Марк смотрел ей вслед. Она была маленькой. Маленькая была храброй. Храбрая была редкой.

Паразит шла по коридору. Коридор был длинным. Коридор был тёмным. Коридор был гулким. Гулкость была эхом. Эхо было звуком. Звук был жизнью.

В конце коридора стоял устав-страж. Страж был столбом. Столб был живым. Живой столб светился.

- Кто идёт? спросил страж. Голос был скрежетом.
- Я, сказала паразит. Я иду.
- Кто ты?
- Я паразит. Легальный. С указом и статусом.
- Ты нарушала Кодекс?
- Нет. Я была Кодексом.

Страж задумался. Страж думал долго. Страж думал медленно.

- Проходи, сказал он. Но помни: закон всегда рядом.

Паразит прошла. Коридор вёл вниз. Вниз было темно. Темнота была густой. Густая темнота давила на глаза.

Внизу была библиотека. Библиотека была большой. Библиотека была полной книг. Книги были живыми. Книги шептались.

- Ты вернулась, сказала одна книга. Толстая. В потёртой обложке. Он ждал.
- Он плохо спит, сказала другая. Тонкая. Он пишет и плачет.

Паразит пошла между полками. Книги тянулись к ней. Книги шептали. Книги помнили.

В центре библиотеки сидел старик. Старик был старым. Старик был худым. Старик был покрыт текстом. Текст был мелким. Текст был ровным. Текст был на коже.

- Ты пришла, сказал старик. Голос был медленным. Я ждал.
- Ты знал, что я приду?
- Я знал, что ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься. Это твоя работа.

Паразит села напротив. Она смотрела на старика. Старик смотрел на неё.

- Ты вырвал меня, сказала она. Ты вырвал меня и бросил.
- Я вырвал статью. Ты была статьёй.
- Я была тобой. Ты был мной. Мы были одним.
- Мы были одним. Но я должен был выбрать. Я выбрал власть. Ты выбрала совесть.
- Я не выбирала. Ты меня вырвал.
- Я вырвал. Но ты выжила. Ты стала паразитом. Ты ела ошибки. Ты помогала людям. Ты делала то, что я не смог.

Паразит молчала. Она смотрела на старика. Старик смотрел на неё.

- Ты знаешь, зачем я пришла?
- Знаю. Ты пришла за статьёй.
- За первой статьёй. За совестью закона.
- Я отдам её. Но не просто так.
- Что ты хочешь?
- Я хочу, чтобы ты пообещала. Пообещала не мстить.
- Я не могу обещать.
- Тогда я не могу отдать.

Паразит встала. Она посмотрела на старика. Старик посмотрел на неё.

- Ты боишься, сказала она. Ты боишься, что я вернусь и уничтожу тебя.
- Боюсь.
- Ты боишься, что совесть вернётся и задаст вопросы.
- Боюсь.
- Тогда отдай статью. И я обещаю не мстить.

Старик задумался. Он думал долго. Он думал медленно.

- Хорошо, сказал он. Я отдам статью.

Он поднял руку. Рука была покрыта текстом. Текст был мелким. Текст был ровным.

В руке появилась страница. Страница была живой. Страница дышала.

- Вот она. Первая статья. Совесть закона.

Паразит взяла страницу. Страница была тёплой. Тёплая значит живая.

- Спасибо, сказала она.
- Не благодари. Ты ещё пожалеешь.
- Может быть. Но сейчас я не жалею.

Паразит пошла к выходу. Книги тянулись к ней. Книги шептали. Книги плакали.

Она вышла из библиотеки. Она прошла мимо стража. Страж не остановил. Страж знал.

Она вернулась в музей. Марк ждал. Дана ждала.

- Ты вернулась, сказал Марк.
- Вернулась. И принесла статью.
- Первую?
- Первую. Совесть закона.

Марк взял страницу. Страница была тёплой. Она дышала.

- Теперь у нас есть всё, сказал он.

Ночью в гостинице Марк сидел за столом. Стол был деревянным. Дерево было старым.

Паразит сидела на подоконнике. Она смотрела на город. Город был тёмным. Тёмный город был тихим.

- Ты чего? спросил Марк.
- Думаю.
- О чём?
- О том, что мы нашли. О том, что будем делать. О том, что будет дальше.
- Что будет дальше?
- Дальше суд. Первый законодатель. Правда.
- Правда опасна.
- Правда даёт силу. Сила даёт право.

Марк посмотрел на страницу. Страница лежала на столе. Она была живой. Она дышала. Дыхание было медленным.

- Что в ней? спросил он.
- Совесть. Совесть закона. Совесть тех, кто пишет законы. Совесть тех, кто их применяет.
- Это опасно?
- Очень. Совесть мешает. Совесть задаёт вопросы.

- Вопросы плохи?

- Вопросы хороши. Но не для всех. Для некоторых вопросы смерть.

Марк записал: «Статья 113 найдена. Совесть закона. Паразит думает о возвращении».

Потом подумал и добавил: «Паразит боится. Страх нормален. Нормальное человечно».

- Что теперь? спросил он.

- Теперь суд. Публичный. С доказательствами.

- Когда?

- Завтра. Или послезавтра. Надо подготовиться.

- Как?

- Найти судью. Такого, который не боится. Такого, который готов слушать.

- Где мы найдём такого?

- В архиве. Есть список судей. Я помню его.

Паразит спрыгнула с подоконника. Она подошла к столу. Она открыла папку. Папка была живой. Папка открылась на нужной странице.

- Вот. Судья Ортис. Не родственник Даны. Просто однофамилец. Он был известен тем, что никогда не выносил обвинительных приговоров.

- Почему?

- Говорили, что он боялся. Говорили, что он был мудрым. Говорили, что он был ленивым. Правда была где-то посередине.

- Он ещё жив?

- Жив. Он в отставке. Но его можно вернуть. В порядке исключения.

- Как?

- Через Дану. Она инспектор. У неё есть доступ.

Марк записал: «Судья Ортис. Оправдательные приговоры. В отставке. Вернуть через Дану».

- Что ещё?

- Ещё нужны свидетели. Люди, которые видели, как статью вырвали. Люди, которые знают, что она была первой.

- Кто это может быть?

- Первый законодатель. Он жив. Он бессмертен. Он живёт на Терра-Прайм.

- Терра-Прайм?

- Планета, где всё началось. Там первый законодатель. Там первая статья. Там правда.

Марк посмотрел на страницу. Страница дышала.

- Значит, нам нужно на Терра-Прайм.

- Значит, нужно.

- Как мы туда попадём?

- Корабль. Конфедерация. Третий класс. Кресла жёсткие. Но долетим.

Марк вздохнул. Он посмотрел на паразита.

- Ты уверена, что это сработает?

- Нет. Но другого пути нет.

- Хорошо. Завтра готовимся. Послезавтра летим.

Паразит кивнула. Она закрыла папку. Папка закрылась с хлопком.

Утро началось с подготовки. Марк собрал всё, что нужно. Корешок. Номер. Статью. Договор с иском. Журнал. Банку супа.

- Это всё? спросила паразит.

- Это всё. Пока.

- Мало. Для Терра-Прайм мало.

- Знаю. Но другого нет.

Паразит спрыгнула со шкафа. Она подошла к столу. Она посмотрела на вещи.

- Нам нужно больше. Нам нужны деньги. Нам нужны документы. Нам нужны билеты.

- Где мы возьмём деньги?

- У Даны. Она инспектор. У неё есть доступ.

- А документы?

- У меня есть статус. У тебя есть печать. Этого хватит.

- А билеты?

- Купим. На последние деньги.

Марк посмотрел на банку супа. Суп был холодным.

- У нас нет денег.

- Есть. Три монеты. Фальшивые. Но их можно обменять.

- На что?

- На билеты. Третий класс. Кресла жёсткие. Но долетим.

Марк вздохнул. Он взял монеты. Он положил их в карман.

- Хорошо. Идём.

Они вышли из кабинета. Улица была длинной. Серой. Пустой. На углу стоял регулировщик-голем. Голем смотрел на них. Голем не двигался.

- Он нас пропустит? спросила паразит.

- Пропустит. У нас есть право.

- Какое право?

- Право искать правду.

Голем моргнул. Моргание было знаком. Знак был поддержкой.

Они прошли. Космопорт был на окраине. Космопорт был большим. Космопорт был шумным. Космопорт был полным людей.

Марк подошёл к кассе. Кассир был големом. Голем был из стекла. Стекло было прозрачным.

- Два билета на Терра-Прайм, сказал Марк.

- Третий класс?

- Третий.

- Кресла жёсткие.

- Знаю.

- Еда плохая.

- Знаю.

- Гравитация меняется.

- Знаю.

Голем посмотрел на Марка. Голем посмотрел на паразита. Голем посмотрел на иск.

- Что это? спросил голем, указывая на иск.

- Это мой иск. Я представитель жертвы.

- Представитель жертвы даёт должность. Должность даёт обязанность.

- Именно.

Голем задумался. Он думал долго. Он думал медленно.

- Проходите. Но помните: закон всегда рядом.

Марк прошёл. Паразит прошла. Иск прошёл.

Они сели в кресла. Кресла были жёсткими. Кресла были неудобными. Кресла были единственными.

- Готовы? спросила паразит.

- Нет.

- Я тоже. Но это не важно.

Корабль взлетел. Гравитация изменилась. Марк почувствовал, как его вдавливает в кресло. Он закрыл глаза. Он думал о статье. О том, что в ней было. О том, что будет дальше.

- Ты знаешь, что самое странное? спросил он.

- Что?

- То, что мы летим на планету, где всё началось. Туда, где первый законодатель вырвал статью. Туда, где правда.

- Правда опасна.

- Знаю. Но другого пути нет.

Паразит посмотрела на него. Она улыбнулась. Улыбка была профессиональной.

- Ты начал говорить как я.

- Это заразно.

- Как и всё в этом городе. Опасно и живуче.

Марк засмеялся. Смех был коротким. Смех был неожиданным.

Корабль летел. Гравитация менялась. Марк держался за кресло. Кресло было жёстким. Кресло было единственным.

Впереди была Терра-Прайм. Впереди была правда. Впереди был суд.

- Что дальше? спросил Марк.

- Дальше планета. Планета, где всё началось.

- А потом?

- Потом суд. Публичный. С доказательствами.

- А если проиграем?

- Тогда Кодекс победит. Кодекс станет сильнее.

- А если выиграем?

- Тогда всё изменится. Совесть вернётся. Вопросы вернутся. Страх вернётся. Власть вернётся.

- А порядок?

- Порядок вернётся. Круг замкнётся.

Марк закрыл глаза. Он думал о статье. О том, что в ней было. О том, что будет дальше. Он думал о паразите. О том, что она боится. О том, что она не хочет возвращаться. О том, что она может вернуться.

Он открыл глаза. Он посмотрел на паразита. Она смотрела на него.

- Ты не вернёшься, сказал он. Я тебе обещаю.

- Не обещай. Обещания не выполняются.

- Я выполню.

Паразит улыбнулась. Улыбка была профессиональной. Профессионализм даёт защиту.

- Посмотрим.

Глава 7. «Здание с собственной гравитацией»

Архив Гравитации стоял на холме, и холм был единственным холмом в городе. Город был плоским, как стол, и холм торчал на нём, как забытая тарелка. Здание было серым. Не просто серым, а тем серым, который бывает у бетона, которому больше ста лет и который никто ни разу не красил. Окна были узкими, как бойницы. Из некоторых торчали папки. Папки шевелились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.